
П. Г. ГАЛУЗО
ТУРКЕСТАН—КОЛОНИЯ

Society for Central Asian Studies
Reprint series Nº 9

P.G. GALUZO

TURKESTAN – COLONY

•

Oxford

ТРУДЫ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ АССОЦИАЦИИ
ПРИ КОММУНИСТИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ТРУДЯЩИХСЯ ВОСТОКА
имени И. В. СТАЛИНА
Выпуск I

П. Г. ГАЛУЗО

ТУРКЕСТАН—КОЛОНИЯ

(Очерк истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 года)

Издание Комм. Ун-та Трудящихся Востока имени И. В. Сталина.
МОСКВА — 1929

P.G. GALUZO

Little is known about the life of P.G. Galuzo. He was an economist and an expert on agriculture and nomadism in Central Asia. In the early 1920s, Galuzo was a professor at the prestigious Communist University of the Toilers of the East (KUTVa), which was founded in September 1921 in Moscow and which remained an active and influential forum until 1924, when its staff was purged for the first time for ideological deviations. KUTVa was purged once more in 1927 and again in 1930; after that, the university was closed.

From the beginning, KUTVa was an intellectual headquarter for revolutionary high cadres from the entire colonial world, Its staff, however, lacked the single-minded doctrinal discipline of Lenin and his Bolsheviks, and thus we find that the teachers and students of this unique institution frequently took ideological detours which the Bolsheviks, and Stalin in particular, found objectionable. Among KUTVa's cadre were leaders from both within and outside of the new Soviet empire of what has become known as national communism. Many of these men were Muslims. Among those from within the empire, Mir-Said Sultan Galiev, Turar Ryskulov, Najmuddin Samurskii (Efendiev), Galimjan Ibragimov, Ahmed Baytursun, Mir-Yakub Dulatov and Fayzullah Khojaev are perhaps the best known. Foreigners who taught or studied at KUTVa included the Indian Mabendra-Nath Roy, the Indonesian Tan Malaka, the Iranian Sultan Zade, the Japanese Sen Katayama, the Chinese Liu Shao-Shi, the Turks Nazim Hikmet, Vala Nureddin and Şevket Sürreya Aydemir, and the Vietnamese Ho Chi-Minh.

Galuzo must have participated in much of the intellectual revolutionary fervour at KUTVa of the early 1920s, perhaps adopting independent ideas of his own which were not in keeping with the Communist Party's rigid orthodoxy.

Galuzo became one of the editors of the influential journal *Revoliutsionnyi Vostok,* published in Moscow by the Scientific Research Association (Nauchno-Issledovatel'skaia Assotsiatsiia) of KUTVa; after KUTVa's closing in 1930, this journal was published by the Scientific Research Association for the Study of National and Colonial Problems (Nauchno-Issledovatel'skaia Assotsiatsiia po Izucheniiu Natsional'nykh Problem). It is in *Revoliutsionny Vostok* that Galuzo published his infrequent articles and book reviews:

– «Turkestan i Tsarskaia Rossiia – k Voprosu o Kharaktere Kolonial'noi Politiki Tsarskogo Pravitel'stva v Srednei Azii» (Turkestan and Tsarist Russia – the Problem of the Character of the Colonial Policy of the Tsarist Government in Central Asia), vol. IV, 1929, pp. 94-119.

– «Sredne-Aziatskii Arkhiv (g. Tashkent),» vol. VI, 1929, pp. 261-262 (signed «P.G.»).

– «Revoliutsiia v Srednei Azii – Sbornik I 'Tashkent'» (Revolution in Central Asia – Vol. I «Tashkent»), book review, vol. VII, 1929, pp. 355-358.

– «Filipov, Boevye Deistviia na Zakaspiiskom Fronte» (Filipov, Military Operations on the Transcaspian Front), book review, vol VI, 1929, pp. 256-257.

The book reproduced here was published by KUTVa. Soon after its pubication, it was violently criticised by one Kabalkina, probably a collegue of Galuzo at KUTVa («Galuzo, Turkestan Koloniia – Ocherk Istorii Turkestana ot Zavoevaniia do Revoliutsii 1917 g.,» *Revoliutsionny Vostok,* vol. VIII, 1930, pp. 331-334). Kabalkina accused Galuzo of «serious methodological mistakes», of «ignoring the historical background of Central Asia», and of «distorting the character of the Russian colonial administration». Galuzo answered this criticism in the

same issue of the journal («Neskol'ko Spravok vmesto Otveta Tov. Kabalkinoi», pp. 334-338). He pointed to Kabalkina's ignorance of Turkestan's problems: «The criticism of comrade Kabalkina may only be explained by the fact that she does not know the factual aspect of the problem well enough and ignores the sources» (p. 337). In the following issue of *Revoliutsionnyi Vostok* (vol. IX-X, 1930, pp. 334-336), Kabalkina concluded her attack with a new and vicious criticism of Galuzo's book («Podstrochnye Primechaniia k Spravkam T. Galuzo»).

The real reasons for Kabalkina's attack are unknown to us, as are her backers. After October 1930, Galuzo's name disappears from the pages of *Revoliutsionnyi Vostok*. It is possible that he was arrested about this time and then spent many years in a prison camp. In any event, his name reappears in the 1960s in Kazakhstan, where he published two scholary works on the economy of the Kazakh SSR:

– «Uigurskoe i Dunganskoe Krest'anstvo v dorevoliutsionnom Semirech'e – Voprosy Istorii Kazakhstana XIX – nachala XX v.» (Uighur and Dungan Peasantry in the pre-Revolutionary Semirech'e – Problems of History of Kazakhstan of the 19th and Early 20th Centuries), *Trudy Instituta Istorii, Arkheologii i Etnografii AN Kazakhskoi SSR*, t. 11, Alma-Ata, 1961.

Kazakhstan v kanun Oktiabria – Sbornik Statei (Kazakhstan on the eve of October – Collection of Articles), Alma-Ata, 1968.

* * *

Galuzo's work is interesting for several reasons. First, he made extensive use of pre-revolutionary archival materials. The picture that he paints, which is well-documented, is one of the thorough and unlimited exploitation of the native Muslim society, both sedentary and nomadic, by the Russian administration, Russian capitalists, and – most brutally – by Russian settlers. Nor did the Russian proletariat – workers on the Trans-Caspian railway – behave any better, and Galuzo was quick to denounce the Russian workers' «colonialist wanderings» *(kolonizatorskie shatania)*. Because of this, Galuzo argues,

the Russian proletariat was unable to take the lead of the movement of native peasants against the Russian administrations and settlers. The *manaps* (nomadic lords) took over leadership of the 'bandits'. That is how the Basmachi movement (Basmachestvo) was born.

Galuzo's work is not only objective, it is fair. Of course the author was a dedicated Marxist; an outsider might consider his overly dogmatic attempts to distinguish and oppose the political trends of the «more progressive» lower middle class native artisans to the «more conservative» lower middle class petty merchants. But the author has his own independent approach to the problem of Russian colonial rule. Lenin is quoted on marginal issues only three times, and Stalin is not even mentioned, an unusual occurence.

The originality of Galuzo's work rests in his treatment of Muslim opposition to Russian rule. He obviously belongs to the Pokrovsky school, for whom Russian rule is an absolute evil; as a corollary, the Muslim resistance, even when led by feudal lords or when it takes the character of a holy war led by Sufi sheikhs, is a progressive phenomenon. Khan Kenesary Kasymov and Madali, the Naqshbandi *ishan* of the Min-Tübe who headed the Andizhan uprising in 1898, were popular leaders, according to Galuzo, not as they are presented in current Soviet historiography, reactionary fanatics and instruments of foreign imperialism. «The Kazakh nomadic aristocrats, in spite of the reactionary opposition to the sedentarisation of the nomads, were revolutionary in their struggle against Russian colonial rule in the Steppe», he argues (p. 144).

Galuzo's work was written in 1928 and published in 1930, which demonstrates that Soviet historians at this time were still able to produce relatively objective, serious studies on topics as provocative as Russian conquest of the Muslim lands and their subsequent colonialist behavior. Sadly, this possibility has now passed into history.

●

ПРЕДИСЛОВИЕ

В первоначальном своем наброске предлагаемая работа представляла собой доклад в семинаре *Н.А. Рожкова,* а после его смерти *С.М. Дубровского* в Институте Красной Профессуры. Потом доклад был доработан и представлен в Научно-Исследовательскую Ассоциацию Востоковедения при Ком. Университете Трудящихся Востока им. И. Сталина. В этом доработанном виде он сейчас и предлагается вниманию читателя.

Предварительная беседа с *Н.А. Рожковым* в начале работы, а потом беседа с тов. *С.М. Дубровским,* когда работа была им зачитана в первоначальном наброске, значительно облегчили автору постановку и разработку ряда вопросов. Целый ряд указаний, как порядка редакционного, так и по существу были сделаны также *А.В. Шестаковым* уже тогда, когда работа была представлена в Научно-Исследовательскую Ассоциацию. Автор не может, поэтому, обойти молчанием это косвенное участие в работе указанных тт. и выражает им свою глубокую благодарность.

Вопрос, поставленный в заголовке, работой, конечно, не исчерпан, но этого, как кажется автору, при современном состоянии разработки темы нельзя и достигнуть. Поэтому автор смотрит на свою работу, как на предварительную разведку в гущу того обширного материала, который еще подлежит детальной разработке и ждет от марксист-

ской критики товарищеской помощи в исправлении возможных ошибок.

Для работы использованы большею частью сырые печатные материалы, но в значительной мере использованы также и архивные источники. Все дела, на которые сделаны в тексте ссылки, хранятся в Средне-Азиатском Архиве в гор. Ташкенте, при чем, благодаря товарищеской помощи сотрудника архива т. Васильева, удавалось иногда использовать даже такие дела, которые еще не записаны в архивную опись, за что выражаю ему свою благодарность.

В работе изучается только бывшее Туркестанское генерал-губернаторство и совершенно исключается вопрос о Хивинском и Бухарском ханствах, который требует особого дополнительного исследования. Не достаточно полно, ввиду плохого состояния источников, освещается и Туркмения (Закаспийская область).

Для удобства изложения тема разбита на две части: часть первая посвящается периоду от завоевания русскими и до конца XIX в., и часть вторая — началу XX-го века, до раволюции 1917 года.

В сборе материалов по истории национально-освободительного движения принимали участие студенты Коммунистического Университета Трудящихся Востока имени И. Сталина т.т. Бегимбетов, Касымов и Усманов.

П.Г.

1928 г. 22 декабря.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КОЛОНИАЛЬНЫЕ ПРИОБРЕТЕНИЯ ЦАРСКОЙ РОССИИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ X1X ВЕКА.

В этой части работы нам предстоит изучить процесс превращения Туркестанского края в колонию царской России.

Вопрос распадается на следующие три части: 1) лишение народов края политической самостоятельности – завоевание; 2) экономическое подчинение края России; 3) национально-освободительное движение.

1. Завоевание края.

Краткие сведения о ходе завоевания.

Занятие русскими войсками тех районов края, которые потом составили основное ядро русских колониальных владений в Средней Азии, произошло в промежуток между началом 60 и серединой 80-х г.г XIX в., хотя вообще продвижение русских в Киргизскую степь началось гораздо раньше.

В 1854 г. Николаем I было утверждено решение особого совещания о том, чтобы соединить подвижную тогда Сибирскую границу с так называемой Сыр-Дарьинской укрепленной линией. Это решение однако было осуществлено только к 1864 г., когда были взяты города: Аулиэ-Ата, Чимкент и Туркестан.

Но наступление на этом не остановилось. Русские про-

двигались дальше. Летом 1865 г. приступом был взят Ташкент. В 1968 г., в результате похода против Бухарского ханства, был занят Самарканд и в Зеравшанской долине был образован Зеравшанский округ; а в 1873 г., в результате похода на Хиву, к России был присоединен правый берег низовьев Аму-Дарьи, из которого был образован Аму-Дарьинский отдел.

Кокандский, Бухарский и Хивинский ханы, под напором русских отрядов, пошли на унизительные договоры с Россией и превратились в вассалов русского царя. В вассальной зависимости, однако, на будущее удержались только Хива и Бухара; Кокандское же ханство было уничтожено в 1875-76 г., в результате усмирения русскими бунта, поднятого против кокандского хана – Худояр-хана – той частью местной знати во главе с киргизом-кипчаком Абдурахманом Автобачи, которая не хотела согласиться на вассальное подчинение русским.

Завоевание Туркмении закончилось только к 1886 г. взятием крепости Кушка в 1885 г. и присоединением Атэка к Ахал-Текинскому округу в 1886 г. На Памирах русские утвердились еще позже – в первой половине 90-х г.г. XIX века.

Дележ мира. Россия и Англия.

Русские, как видим, продвигались настойчиво и почти непрерывно, но продвигались, надо сказать, с большой оглядкой.

"В отвращении возбуждаемого на западе мнения о завоевательных намерениях наших в Центральной части Азии, правительство наше в настоящее время признает полезным избегать по возможности наступательных действий на наших сибирских границах".

"В таких видах государю императору благоугодно, чтобы ваше высокопревосходительство, не отменяя делаемых приготовлений по экспедиции в верховья р. Чу, не приступали, однако, к исполнению самого предприятия

противу Пишпека, пока не получите на то разрешения".[1] Так писал военный министр Сухозанет Западно-Сибирскому генерал-губернатору Госфорду в ноябре 1859 года.

Здесь переплетается одновременно и сильное стремление вперед, в наступление на Среднюю Азию, и боязнь противодействия со стороны Западной Европы.

А после занятия Ташкента в одном из оффициальных документов читаем следующее:

"Высшее правительство вполне сознало, еще до покорения сего последнего города (Ташкента П.Г.), что предположенная им цель достигнута и министерство иностранных дел, с истинной прозорливой осторожностью, испросило 31 октября 1864 года высочайшего соизволения на непременную, на будущее время недвижность нашей границы и отречения от дальнейших завоеваний в этом крае. *Даже предполагалось отдать Ташкент назад, если бы происки кокандцев вынудили нас к занятию этого города.*

"Чтобы еще более упрочить эту решимость, министерство испросило 21 ноября того года разрешения государя императора *оповестить эту решимость правительства всей Европе особым циркуляром"...*

Вновь назначенному в 1865 г. Оренбургскому военному губернатору Крыжановскому была дана соответствующая директива: "ему сообщили, что Правительство решилось не включать (взятого тогда Ташкента) в пределы Империи".

И действительно:

"Генерал Крыжановский, пробыв в Оренбурге, не мог не сознать благоразумия этих нарушений бывшего правительства, и первое изложение его политической программы от 4 сентября 1865 г. вполне согласовалось с преподанными ему перед отъездом наставлениями министерства".

Но:

---

[1] Генер.-лейтенант М.А. Терентьев. "История Завоевания Средней Азии", т.1, стр. 245.

"К сожалению, уже в начале 1866 года взгляд на это дело Оренбургского начальства совершенно изменился. Срока оставления Ташкента правительство не назначило, и генерал Черняев продолжал его занятие, изменяя беспрестанно свои взгляды на все, что из него следует сделать. Но как бы то ни было, правительство нехотя (! П.Г.) 20-го июня согласилось на принятие Ташкента в подданство империи"[1].

Шла дележка мира. Один из хищников, только что проученный неудачной войной (война 53 – 55 г.г.) – Россия непрерывно устремляется все дальше и дальше в глубь Азии, но в то же время он с большой боязнью оглядывается на своих соперников в этой дележке – Запад и в первую очередь Англию. Занимают с виду как бы нехотя, но между тем за занятое держатся крепко. Для вида декларируют, что собираются даже оставить Ташкент, а в самом деле срока об оставлении не назначают, и Ташкент остается в руках русских.

Для буржуазного историка здесь большой простор расписать "миролюбие" русских, для нас же это просто факты, указывающие на соперничество разбойников. Один разбойник в процессе грабежа побаивается соперничества и сопротивления другого.

Боялись, главным образом, Англии, ибо эта последняя "не без основания" (выражение одного официального документа) опасалась приближения русских к границам Индии, ибо, во-вторых, даже и в самой Средней Азии русским купцам были "всюду соперники англичане" (Небольсин).

Продвижение в Среднюю Азию мы можем и должны, таким образом, прежде всего и во-первых рассматривать,

---

[1] Дело канцелярии Турк. ген.-губ. № 100 за 1868 г. Копия с письма действительного статского советника Ханыкова директору Азиатского Департамента тайному советнику Стремоухову от 12/24 ноября 1868 года. Курсив мой.

как одну из струй процесса "расхвата" колоний во вторую половину XIX века. Здесь были, конечно, и расчеты на ту выгодную стратегическую позицию против Англии, на которую указывает М.Н. Покровский; захват был в значительной мере захватом ради дальнейших захватов, но и сама Средняя Азия все же представляла для русских господствующих классов значительный интерес, как колония, как объект эксплуатации.

С вопроса о заинтересованности русских в крае, как будущей колонии, собственно, и начинается колониальная политика правительства. Мы остановимся, поэтому, на нем несколько подробнее.

Торговые интересы при завоевании Средней Азии.

Первое и основное место здесь занимает вопрос о торговле.

По данным Небольсина[1] русская торговля с Туркестанским краем во 2-ой четверти XIX века выражается в следующих величинах: за десятилетие с 1827-37 г. – 10,53 милл. руб. и с 1840 -50 г. – 15,73 милл. руб.

Торговля, таким образом, не только имеет довольно солидные размеры, но дает также (что важнее) и чрезвычайно высокий процент роста – десятилетие 1840-50 г.г. дает увеличение оборотов на 36,4 % по сравнению с десятилетием 1827-37 г.г. Россия еще задолго до отмеченных выше походов 60-х г.г. была связана с краем довольно сильными (конечно, по тем временам и по размерам самого края) торговыми связями.

Но этот рост торговых связей не прекратился и в годы, непосредственно предшедствовавшие продвижению 60-х г.г., и даже сопровождал, усиливаясь, это продвижение. Если стоимость оборота через Оренбургскую таможню за 1857 г. принять за 100, то мы получим следующий показатель роста этих оборотов.

---

[1] См. Записки императорского русского географического общества. Кн. X. изд. С.П.Б., 1855 г.

Годы	Вывезено из России в Среднюю Азию	Привезено в Россию из Средней Азии.
1857	100,0	100,0
1859	113,3	127,5
1861	138,4	141,8
1863	161,4	121,4
1865	151,0	164,1
1867	214,2	439,3

Обороты растут очень быстро, по ввозу в Россию они возросли почти в 4,4, раза, а по вывозу из России в 2,14 раза.

Но характерно и очень важно здесь не только это, важно также отметить и то, что рассматриваемое десятилетие дало, кроме того, колоссальный подъем вверх по сравнению с десятилетием 1840-50 г.: обороты торговли за 1857-67 г.г. больше, чем в 10 раз (на 946,0 %) превышают обороты 1840-50 г.г.

В области торговли, таким образом, мы имеем, во-первых, процесс быстрого роста торговых связей с краем как за период, предшедствовавший завоеванию края, так и за десятилетие, вторая половина которого уже была периодом военных действий; мы имеем, во-вторых, колоссальный прыжок роста этих связей, начиная, примерно, с 50-х г.г. XIX века, т.е. с периода неудачной Севастопольской войны и позорного для России Парижского мира.

И чем больше росли торговые связи с краем, тем больше росла потребность к захвату края в монопольное обладание русского купечества: "...наши купцы, которым удавалось проникать в Бухару, платили там наравне с другими не мусульманами усиленные пошлины (10 % вместо 2 %) и подвергались всякого рода придиркам и насилиям" – пишет генерал Романовский.[1]

---

[1] Генерал Романовский. "Заметки по Средне-Азиатскому вопросу. С.П.Б. 1868 г., стр. 22.

Русского купца беспокоило, как видим, положение чужестранца в крае, связанные с этим слишком высокие пошлины и разные притеснения. Ему хотелось стать в крае не чужестранцем, а хозяином.

В этом отношении чрезвычайно характерно, что трактаты, заключавшиеся с Кокандским, Хивинским и Бухарским ханами, чрезвычайно напирали не только на уравнение прав русских купцов с купцами туземными, но и на обеспечение этим купцам таких прав, которыми не владели даже купцы мусульмане, например, свобода от "произвольных поборов", что означало освобождение от некоторых налогов, которые с мусульман все же взимались, или полная неподсудность "русских подданных" эмирским судебным установлениям, что уже окончательно ставило русских купцов в привилегированное положение.

В проекте трактата с Бухарским эмиром, предложенного ему в 1866 г., читаем:

"Статья V. Русским подданным дозволит высокостепенный эмир *иметь в бухарских городах, где сами пожелают, русские караван-сараи,* в которых бы они могли складывать свои товары, *причем караван-сараи эти будут считаться неприкосновенными.*

"Статья VI. Русских купцов и других торговых людей его высокостепенство эмир обязуется *уравнять совершенно с подданными Бухарского ханства и других мусульманских владений в платеже караванных и других сборов, а затем с русских подданных не будут взимаемы в Бухарских владениях никакие наборы.*

"Статья VII. Всем русским подданным, всех вероисповеданий, его высокостепенство эмир разрешает *свободно селиться в Бухарских пределах и приобретать недвижимую собственность,* оставляя в прежнем подданстве императора всероссийского.

"Статья VIII. *Всякие жалобы на русских подданных, живущих в Бухарских владениях по совершенным им пре-*

ступлениям, будут ведать не бухарские власти, а Туркестанский генерал-губернатор, с которым и должно сноситься по сему Бухарское правительство, препровождая к нему виновных".[1]

Это, так сказать, программа-максимум русского купечества. Она целиком осуществилась в действительно заключенном договоре с Бухарой 28 февраля 1868 г. Бухарскому хану удалось вставить в некоторые пункты возражения, в которых обещались также права бухарским купцам в России. Само собой разумеется, конечно, что в пункте о подсудности вставки такой не оказалось.

Договора с Хивинским и Кокандским ханами в этом отношении ничем не отличались от договора с ханом Бухарским.

Итак, устремление русских к захвату Средней Азии, поскольку речь шла о захвате края ради самого края, имело своим стержнем торговые интересы русской торговой буржуазии. Купцам было необходимо из чужестранцев в крае превратиться в хозяев. Продвижение русских войск в Среднюю Азию в 60-х г.г. XIX в. осуществило максимум купеческих вожделений. Купечество получило возможность не только пользоваться всеми правами купечества мусульманского в тех областях, которые еще не были заняты к концу десятилетия русскими войсками, но окончательно стало хозяином в значительной части края с такими крупными городами, как Ташкент, Самарканд и др. Сверх же всего оно обеспечило себе постоянную защиту в лице генерал-губернатора во всех своих торговых делах края вплоть до тех, которые подлежали судебному разбирательству.

Хлопок и текстиль. Интересы текстильной буржуазии.

Но в то время, когда в стране уже налицо крупная городская машинная индустрия, отделить торговые интересы купечества, собственно торго-

[1] Дело канцелярии Туркестанского генерал-губернатора № 43 – 1866 г., лист 67-69. Курсив мой.

вого капитала (в том смысле торгового, что он функционирует в области торговли) от торговых интересов промышленного капитала чрезвычайно трудно, подчас просто невозможно. В это время купеческий капитал в значительной своей части функционирует уже как капитал, скупающий и доставляющий сырье для промышленности, и с другой стороны – как капитал, торгующий произведениями этой промышленности. То же самое случилось и с торговыми интересами Средней Азии.

Русский ввоз в Среднюю Азию состоял почти исключительно из фабрикатов русской промышленности, при этом первое место среди фабрикатов занимали хлопчатобумажные товары. В десятилетие 40-50 г.г. эти товары составляли 28,5 % по отношению ко всем вывозимым из России товарам (за исключением золота и серебра в монете).

Совершенно очевидно, таким образом, что торговые интересы русского купеческого капитала по вывозу были также и торговыми интересами русской промышленности и, в первую очередь, русской текстильной промышленности. Разница только в том, что борьба купцов со Средне-Азиатскими ханствами была борьбой за более выгодные условия торговли, т.е. за более высокую торговую прибыль; промышленник же был заинтересован в расширении рынка. Правда, это было расширение в общем ничтожное, но все же это – расширение. Словом, в области вывоза в интересы торговой буржуазии вплетались интересы русского промышленника.

То же и с ввозом. 40-е годы были годами, когда из Средней Азии ввозились по преимуществу изделия туземной промышленности, однако, уже и тогда среди ввоза большое место занял туркестанский хлопок и пряжа. Они составляли в это время 30,6 % этого ввоза. Уже в это время крй начал связываться, таким образом, с русской текстильной промышленностью через доставку ей сырья и полуфабриката. Но дело глубоко изменилось в начале 60-х г.г.

когда Россия страдала от хлопкового кризиса в связи с гражданской войной в Америке. Ввоз хлопка вообще в эти годы чрезвычайно упал и ввозился по преимуществу через Азиатскую границу. Если мы будет принимать ввоз через Европейскую границу за 100, то, по отношению к нему, ввоз Азиатского хлопка будет составлять: в 1861 г. – 6,1, в 1862 г. – 91,0, в 1863 г. – 84,3 и в 1864 г. – 75,4.

По линии хлопка, как видим, интерес резко передвинулся на азиатскую границу; это означало передвижение интереса к средне-азиатскому хлопку, ибо он в азиатском ввозе составлял подавляющую массу.

Ко всему заграничному ввозу хлопка, принятому за 100, ввоз средне-азиатского хлопка составлял: 1864 г. – 4,0; 1862 г. – 80,0; 1863 г. – 83,3; 1864 г. – 75,4.

И по ввозу из Средней Азии в Россию мы имеем, таким образом, сплетение интересов торговой и промышленной (текстильной) буржуазии, при чем накануне продвижения вглубь Кокандского и Бухарского ханств, Средняя Азия поставляла России почти половину всего ввозимого ею хлопка. К общему интересу русской торговой буржуазии, к интересу, как видели, возникшему давно и все время возраставшему в своем развитии, прибавился сейчас такой новый настоятельный интерес, как стремление получить сырье для русских текстильных фабрик. И краем, как возможным районом развития хлопчатника в это время интересовались, надо сказать, довольно сильно.

Летом 1862 г. киргизы посеяли хлопок по реке Яны-Дарье. Это возбудило большой интерес пограничных властей. Начальником Сыр-Дарьинской линии образцы хлопка были пересланы в канцелярию Оренбургского генерал-губернатора. Там они подверглись осмотру особого совещания оренбургских купцов, торговцев бухарским хлопком, которые отозвались о качествах хлопка весьма сочувственно.

А в следующее лето (1863 г.) там же, по Сыр-Дарье,

губернским секретарем Карловичем, возможно по поручению властей (выяснить не удалось), производится уже самостоятельный посев семян бухарского и хивинского хлопка. И опять образцы пошли по инстанциям на исследование.

Первая же попытка посева американского хлопка, по занятии края русскими, относится к 1866 г., т.е. как раз к первому летнему сезону после взятия Ташкента. Генерал-губернатор списался с русским дворянином Раевским, производившим под впечатлением хлопкового кризиса опыты разведения американского хлопка на южном берегу Крыма уже с 1862 г., получил от него 36 фунт. семян и послал их в форт Перовский и в Ташкент губернатору Романовскому, с предписанием произвести пробный посев. Посеять, правда, не удалось: семена опоздали к посеву, но факт попытки все же остается фактом.[1]

Итак, нет сомнения, что хлопковый кризис возбудил сильный интерес к Туркестану, как к хлопковому краю, и, следовательно, оказал влияние на ускорение завоевания края русскими.

Горные богатства.

Но кроме этого был также и интерес к горным богатствам края. Он пробудился, можно сказать, еще раньше, чем интерес к хлопку. Но чрезвычайно характерно, что и здесь правительством вопрос ставился под углом зрения интересов русской торговли. В пограничной полосе производились поиски каменного угля начиная с 50-го года, при этом искали уголь исключительно с целью снабжения топливом Аральской флотилии. По изысканиям работал горный инженер штабс-капитан Антипов, а потом – штабс-капитан Окладных. В 1850 г. по поручению военного министерства Анти-

---

[1] Факты взяты из 1) Дела №1 канцелярии Оренбургского генерал-губернатора за 1863-66 г. и 2) Дела № 385 управления при командующем Сыр-Дарьинской линии за 1863 г.

пов обследовал северное побережье Аральского моря; в 1851 г. он же искал уголь на Мангышлакском полуострове, затем поиски его были перенесены в верховье реки Тобола и в окрестности Оренбурга.

Надежда найти уголь близ Аральского моря, однако, все время не покидала правительство. В 1859 и 60-м г.г. штабс-капитан Окладных исследовал побережье Сыр-Дарьи.

Успехи поисков в общем были незначительны и только в 1863 г. как будто правительству посчастливилось. На этот год падает открытие полковником Черняевым угля на северных склонах Каратаусского горного хребта.

Но если для русского правительства все эти поиски были не целью, а только средством для развития торговли, то для русских горнопромышленников в годы завоевания горные богатства края превратились в предмет настоящей горной горячки.

Масла в огонь подлили два открытия – первое только что упомянутое открытие Черняева и второе – открытие командированным от правительства инженером Татариновым в 1865 г. на южных склонах того же Каратау еще более богатых пластов угля, чем пласты северного склона.

Началась горячка.

Конец 1865, весь 1866 и нач. 1867 г. были годами лихорадочной погони за дозволительными свидетельствами на обследование горных сокровищ края. Правительство, поощряя горное дело, разрешило Оренбургскому генерал-губернатору выдавать свидетельства на разведки без испрошения разрешения министерства финансов, и в канцелярию генерал-губернатора посыпались со всех концов заявления. За только что указанный период горячки было выдано 26[1]

---

[1] Эта цифра представляет собою простой подсчет дел по выдаче свидетельств, заведенных канцелярией Оренбургского генерал-губернатора. Вполне возможно, что на самом деле выдач было больше, но дела о них не сохранились или не попали в мои руки.

разрешений на разведки. Все прошения без исключения испрашивали право на разведки золота, но всегда неизменно прибавляли "и других горных богатств". Горняки при этом шли даже впереди войск. Еще Кокандское ханство было не занято, а горняки уже проникли в Ферганскую долину и путем дипломатической переписки с ханом добились себе широких прав на горную разведку.

Это устремление овладеть, как казалось, бесчисленными неизведанными еще горными богатствами края было не менее веским мотивом завоевания края, чем интерес к хлопку. Что правительство действительно думало об этом во время завоевания, свидетельствует следующий пункт из договора с Кокандским ханом, заключенного 22-го сентября 1875 г:

"§ 17. Русским подданным предоставляется право *заниматься разработкой естественных богатств в Кокандском ханстве, т.е. залежей металлов, каменного угля, нефтяных источников и проч.;* это же право предоставляется и Кокандским подданным в пределах России"[1]

Интересовались, таким образом, и горными богатствами края и интересовались при этом очень сильно. Однако, русский торговый капитал все же рассматривал эти "горные перспективы" под углом зрения своих торгово-капиталистических интересов. Ажиотаж на золото – явление чрезвычайно знакомое эпохе торгового капитализма. Курс на уголь в данном случае был курсом на развитие торговли.

Мы можем теперь подвести итоги.

Завоевание Средней Азии русскими мы должны рассматривать, прежде всего, как один из эпизодов того "расхвата" колоний, который падает на вторую половину XIX века. Здесь имели, конечно, значение и мотивы от страте-

---

[1] Дело № 48 – 1875 г. Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора. Копия с договора с Кокандским ханом, лист 34-38, § 17. Курсив мой.

гии, мотивы захвата выгодных стратегических позиций против Англии, но в то же время край и сам по себе представлял значительный интерес для русских господствующих классов, как будущая колония, объект эксплуатации.

В центре этих непосредственных экономических интересов, толкавших на захват края ради края, стояли интересы русской торговой буржуазии: край завоевывался, как новый район операций для русского торгового капитала. Но поскольку операции русского торгового капитала в крае были операциями по сбыту русских фабракатов и по скупке сырья для русской промышленности, поскольку интересы торгового капитала были в то же время интересами капитала промышленного. Это было первой и основной линией сплетения интересов двух форм русского капитализма, толкавших на захват новой колонии. Но за ней тянулась и другая – это интерес к горным богатствам: надеялись на золото, искали топливо, слетались горнопромышленники с разных концов России на поиски "неисчислимых" горных богатств. Здесь, просто, невозможно отделить, где кончается интерес капитала торгового, и где начинается интерес горнопромышленника.

Если попытаться коротко сформулировать чаяния русских господствующих классов, возлагавшиеся на Туркестанский край во время его завоевания, то это можно выразить следующим образом: торговля, хлопок и горные богатства. Переходим к изучению вопроса, насколько оправдались эти ожидания в течение трех последних десятилетий XIX века.

2. Экономическое подчинение края России во второй половине XIX века.

Горные богатства. Горная горячка 1866 г. не дала, однако, достаточно чувствительных результатов. С 1 июля 1866 г. по 24-е

мая 1867 г. в канцелярию Оренбургского генерал-губернатора поступило всего 57 заявок на разработку открытых промышленниками золота и других богатств.[1] но это был год горной горячки. В дальнейшем заявки поступали гораздо меньшими пачками. Вот, например, ход поступлений заявок за десятилетие 1876-85 г.г.: в 1876 г. поступила всего 1 заявка, в 1877 – только 2. Четыре следующих года не дают ни одной, а в следующие четыре года заявки распределяются так: 1882 – 13; 1883 – 4; 1884 – 11 и 1885 – 8.[2]

Совершенно очевидно, что край не оправдал горных надежд. За горячкой, поднятой в 1886 году, наступило полнейшее охлаждение.

Общую ничтожность успехов горного дела за изучаемый период покажут следующие данные:

В 1903 г. по четырем областям края (Семиреченской, Сыр-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской) было добыто в пудах:

Каменноугольные копи	.1.027.546
Нефтяные промыслы .	24.135
Золотые прииски	. . . .–
Медные рудники.	70.000
Асфальтовые ломки	9.548
Озекеритовые ,,	1.282
Серные рудники .	. . . 2.500
Соляные источники .	.1.244.005
Гипсовые ломки.	.269.195
Известь	.533.660
Нашатырь .	. . 25
Квасцы	.710 [3]

Характерна здесь не только, вернее не столько, нич-

[1] Дело канцелярии Туркестанского (Оренбургского) генерал-губернатора № 36, 1866 г.

[2] Дело канцелярии Туркестанского генерал-губернатора, № 74 – 1882 г., лист 48.

[3] Отчет по ревизии Туркестанского края графом Паленом. "Горное дело", стр. 224-231.

тожность количества разработанных руд и топлива, сколько блистательное отсутствие золота. То, на что особенно надеялись, за чем особенно гнались в 1866 г., принесло наибольшие разочарования. В данных, которыми мы пользуемся, золото появляется только в 1906 г. – 1 ф. 56 зол. и в 1907 г. – 1 ф. 75 зол., а в 1908 опять исчезает. Все найденные золотоносные места оказались не настолько богатыми золотом, чтобы привлечь тотчас же капиталы для разработки.

Только в Закаспийской области, благодаря открытию нефти на острове Челекене, дело обстояло сравнительно благополучно. Эта область в 1900 г. дала 368.943 пуд. нефти, 900 пуд. озакерита и 4000 пуд. кира, а кроме того оттуда в этом же году было вывезено 963.434 пуд. соли, не считая строительных материалов – гипса и порфирита. [1]

Совершенно ясно, однако, что и этот довольно большой успех в деле разработки земных недр был чрезвычайно далек от чаяний 60-х г.г.

Этот малый успех в горных делах русских промышленников не помешал, однако, им разрушить ту горную промышленность, которая уже существовала в крае, хотя и в примитивной форме, до прихода русских. Вот интересное по этому поводу свидетельство горного инженера Татаринова, который по должности ближе чем кто бы то ни было был знаком с положением горного дела в крае. Свидетельство относится к 1870 г.

"Горнозаводская промышленность, существовавшая в пределах Туркестанского генерал-губернаторства у туземцев, с появлением в край русских промышленников, весьма быстро уничтожалась, не порождая других производств, которые были бы полезны для самих предпринимателей, для края и для государства. Русские промышленники, пугая туземцев ответственностью перед законом за за-

---

[1] Там же, стр. 232-35.

нятие производством без соблюдения формальности, останавливали их работы. Если бы русские промышленники внесли в край рациональные способы обработки металлов, если бы они водворили на прочных началах производство, то разумеется, уничтожение грубых способов обработки металлов было бы полезно, и новое дело благотворно отразилось бы в стране, дав выгоды и самим горнопромышленникам. К сожалению, ничего этого не было на практике; если падали туземные производства, зато не возникали русские, или они были хуже туземных. Новые деятели со взглядами, усвоенными на золотопромышленность и не основанными на научных данных, вооруженные дозволительными свидетельствами, блуждают бездельно по краю, не изучая страну, – к чему они не имеют должной подготовки, а высматривая только туземные работы, которые они останавливают, ставя на этих местах столбы, иногда не сделав даже заявки, а сохраняя места на всякий случай".

"Таким образом, уничтожилась промывка золота на северном склоне джунгарского Алатау, по рекам впадающим в Алакуль, где работало до 1000 чел. китайцев и где в два года – 1868 и 1869 – купец Кузнецов добыл только до 3 фун. золота; таким образом, пало свинцовое производство близ Туркестана, где на место его купец Первушин выстроил завод, не умеющий из самой богатой и самой легкоплавной руды получить металл и прибегающий к помощи тех же киргиз, которые и прежде занимались этим производством; так погибли выплавки свинца на Моголо-тау, близ Ходжента, выплавка серебра около Брючь-мулла и промывка золота по притокам Чирчика, Таласа, Терсу, а также рекам Тянь-Шанского и Джунгарского Алатау и взамен их ничего не возникло".[1]

---

[1] Дело канцелярии Туркестанского генерал-губернатора №136 – 1870 г. Рапорт старшего чиновника особых поручений по горной части Татаринова на имя генерал-губернатора от 22 сентября 1870 г., лист дела 8–9.

Горные разведки, как видим, имели чисто спекулятивный характер. Вместо правильных научно-поставленных изысканий горнопромышленники занимались простым подсматриванием за горными промыслами туземцев и остолбованием уже давно открытых местонахождений горных богатств, разрушая этим самым зародыши горного дела в крае.

Недостаточные богатства открытых залежей и месторождений, плюс, надо полагать, недостаток капиталов у русских горнопромышленников явились причинами слабого развития горного дела.

При ином положении дела в этих двух отношениях, возможно, край в ближайшие же годы по завоевании обогатился бы рельсовыми путями. Но этого не случилось, а поэтому и те немногие копи, которые были открыты, не существовали, а прозябали.

Превращение края в колонию пошло в основном по линии хлопководства. Переходим к этому вопросу.

Хлопковые цены и интерес к краю в 70-х и 80-х г.г.

Надо полагать, что тот интерес к туркестанскому хлопку, который в 60-х г.г., понизился потом только потому, что изменилась мировая хлопковая конъюнктура.

Если принять цены на хлопок в Северо-Американских Соединенных Штатах в 1900 г. за 100, то в интересующий нас период мы будем иметь следующее колебание этих цен:[1]

Годы	Относительные цены.	Годы	Относительные цены.
1859	118	1864	972
1860	139	1865	464
1861	336	1866	339
1862	723	1867	268
1863	1091	1868	312

[1] А. Демидов. "Динамика мирового хлопкового рынка". Изд. 1924 г., стр. 265-66.

Годы	Относительные цены.	Годы	Относительные цены.
1869	258	1878	116
1870	183	1879	129
1871	220	1880	122
1872	196	1881	131
1873	183	1882	114
1874	161	1883	114
1875	139	1884	113
1876	126	1885	101
1877	122		

Таблица дает, как видим, повышение цен начиная с 1859 г. Это повышение баснословно в 1863 г., но со следующего же года начинается процесс беспрерывного, хотя и с колебаниями, снижения цен вплоть до 1855 г.

Интерес к туркестанскому хлопку, как мы помним, стоял очень высоко в 60-х г.г., когда цены были чрезвычайно высоки (а пробный посев Карловича как раз падает на рекордный 63 г.). Но цены скоро начали снижаться и интерес начал падать.

Характерно, однако, что исходя из соображений активного торгового баланса, который как раз в этот же период был чрезвычайно неблагополучен,[1] власти все это время не прекращили попыток разведения американского хлопка во вновь занятом крае, а с 1874 г. было даже приступлено к орошению Голодной степи[2]. Но бюрократиче-

---

[1] Русский торговый баланс в интересующий нас период был сведен следующим образом: с 1866 по 1870 г. с минусом в 0,4 милл. руб. и за пятилетие с 1871 по 1875 г. с минусом 95,1 милл. руб. (М.Н. Покровский "Марксизм и особенности русского исторического развития", стр. 101).

[2] По распоряжению Кауфмана в 1874 г. была начата постройка канала (Тунгус-арык) из реки Сыр-Дарьи. Предполагалось провести его на 100 верст, но проведено было только 12 верст и в 1882 г. постройка заброшена. Канал рыли натуральной трудовой повинностью населения, которое на это истратило 948 тыс. неоплаченных рабочих дней. А кроме этого на канал было также затрачено 135 тыс. руб. казенных денег.

ский аппарат власти без достаточного интереса к вопросу со стороны промышленников не смог справиться с поставленной ему задачей. Хлопковые мероприятия дали только лишние возможности туркестанским властям растратить сотни тысяч казенных денег. При этом в растратах по орошению Голодной степи был слишком прозрачно замешан даже сам ген.губ. Кауфман.

Но вот настала вторая половина 80-х г.г., давшая новый подъем хлопковых цен. Продолжаем выписку из той же таблицы.

1885	–	101	1888	–	115
1886	–	110	1889	–	124
1887	–	110			

За пять лет мы имеем подъем цен почти на 25 %.

Одновременно с этим в Средней Азии подвигалась вперед постройка Закаспийской жел. дороги. В 1884 г. она была доведена до Мерва, в 1886 г. – до Аму-Дарьи, а в 1888 г. – до Самарканда.

Повышение цен и снижение стоимости перевозки действовали, таким образом, одновременно. К политике правительства на укрепление торгового баланса приобщилась заинтересованность промышленников. И только теперь все трудности по разведению в крае американского хлопка оказались преодоленными. Выгодные цены породили хлопковую горячку. Край начал превращаться в хлопковый район.

Капиталистическая ферма или мелкое хлопковое хозяйство.

Первое время хлопководство пыталось пойти по фермерскому предпринимательскому пути.

"С каждым годом число плантаторов американского хлопчатника увеличивалось, посевы росли и параллельно с развитием хлопкового дела улучшались способы очистки, упаковки и прессовки хлопка до того бывшие в крае неудовлетвори-

тельными; мало-помалу туркестанский хлопок из американских семян завоевал себе прочное место и обеспечил за собой сбыт на московском и других русских рынках. Туркестан охватила хлопковая горячка; купцы, чиновники, офицеры, лица, принадлежащие к администрации, все, у кого нашлись небольшие деньги, бросились сеять хлопчатник, заводить плантации и устраивать хлопкоочистительные заводы. Многие из этих плантаторов, работая на занятые под большие проценты деньги и имея лишь смутное понятие о культуре хлопчатника, а часто не имея ровно никакого, потерпели неудачу и потеряли весь вложенный в предприятие капитал, но дело от этого только выиграло; более опытные, более энергичные, имевшие возможность выждать время лица, все-таки остались и, приобретая с каждым годом более опытности и навыка в хлопковом деле, продолжали и распространяли новую культуру. Туземцы, которые в силу своего сложившегося веками консервативного характера, сначала подозрительно относились к американскому хлопчатнику и оставались в выжидательном положении, вскоре поняли превосходство нового растения и во многих местностях, оставив культуру местного хлопчатника, занялись разведением американского".[1]

Большинство этих ферм были построены на вольном найме и многие по свидетельству того же источника применяли усовершенствованные машины и улучшенный способ культивирования хлопчатника.

Но не прошло и нескольких лет, как хлопковые фермы потерпели полнейшее крушение. Не выжили даже и те, которые в приведенной цитате из Масальского считались особенно живучими, приспособившимися и опередившими в своем умении разводить хлопок даже туземцев.

"...Русские фирмы быстро ликвидировали или сокра-

---

[1] В.И. Масальский. "Хлопковое дело в Средней Азии". Изд. 1892 г., стр. 19-20.

тили свои неудавшиеся хозяйства и перешли к более простой и совсем не рискованной системе закупки хлопка у туземцев, характеризующей второй момент средне-азиатского хлопководства последних годов, хотя такая закупка в меньших размерах практиковалась уже прежде"[1].

В чем же причина этой неудачи хлопкового фермерства?

Основная причина уже указана в только что приведенной цитате из М. Федорова: было выгодней, проще и менее рискованно вкладывать капиталы в скупку и ростовщические операции, чем в организацию фермерского хлопкового хозяйства.

Те небольшие преимущества машинного способа обработки земли, какие давала ферма, далеко не могли покрыть собою ни колоссальных административных расходов по управлению, ни меньшей напряженности физического вольнонаемного труда по сравнению с напряженностью мелкого самостоятельного хозяйства.

Ташкентская опытная ферма в отчете за 1878 г. показывала, что административные расходы у нее составляли 72 % всех расходов по ферме.[2]

Уцелевший в Фергане от краха начала 90-х г.г. хутор Большой Ярославской мануфактуры (Андреевский хутор), при валовом доходе десятины хлопка в 126 р. 20 к. давал административных расходов на одну хлопковую десятину 17,8 руб., если же считать на весь хутор, то этот расход составит 11,9 рубля на десятину. В первом случае, это 14,1 % и во втором 9,4 %. Хутор прозябал, давая фирме – при основном капитале в 94 тыс. руб. и при стоимости ежегодной обработки около 30 тыс. руб. – только 4 тыс. руб. чистого дохода, т.е. около 3,2 % на затраченный капитал. И

---

1 М.И. Федоров. "Хлопководство в Средней Азии", стр. 100, Изд. С.П.Б. 1898 г.

2 Дело канцелярии Туркестанского генерал-губернатора № 218 – 1879 г., Лист 14.

это в то время, когда ростовщики и скупщики хлопка получали путем своих скупочно-ростовщических операций колоссальные проценты.[1]

В той же работе, из которой взяты эти данные, находим также следующее место:

"Сарт у себя дома, когда работает на свою семью, безусловно трудолюбив, он добросовестно работает, нанимаясь к своему же сородичу сарту-земледельцу. Не то происходит, когда сарт работает у "гяура" (русского П.Г.). Тогда он не считает обязанным себя добросовестно исполнять работу, в чем не видит никакого греха. Мне лично часто приходилось наблюдать на Андреевском хуторе, как сарты, даже в присутствии надсмотрщика ухитрялись делать вид, что усердно работают, а на самом деле ничего не делают, разве лишь слегка размахивают (даже не касаясь земли) кетменем и т.п. Если же надсмотрщиков не имеется, то сарт предпочитает ничего не делать, хотя бы даже в продолжении нескольких часов. Но и в самой работе сарт медленен – неподвижен, что впрочем объясняется сильной жарой, при которой европеец может быть совсем не в состоянии был бы работать".[2]

Оно, конечно, мудрено проявлять какое-то бы ни было усердие при рабочем дне от восхода до захода солнца и при отсутствии даже праздничных отдыхов, как это было на Андреевском хуторе. Но факт остается фактом: производительность труда вольно-наемного рабочего при данном уровне техники фермерского хозяйства расценивается цитированным документом гораздо ниже, чем производительность труда мелкого самостоятельного дехканина в своем мелком дехканском хозяйстве. Это не что иное, как идеологическое отображение разбираемого процесса отката

---

[1] Данные взяты из работы Н.Н. Александрова: "Описание имения Андреевский хутор". Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области, т. X. Ташкент, 1902 г.

[2] Там же, стр. 89.

от крупной фермы к мелкому дехканскому хозяйству. Хозяйство самостоятельного хозяина-дехканина оказалось более живучим, чем капиталистическая ферма, и это отражается в пессимистических строках радетеля за эту ферму.

Нужно было, чтобы мелкое дехканское хозяйство еще прошло процесс экспроприации и только тогда на его костях могло вырасти хозяйство фермера капиталиста.

Итак ферма погибла в конкуренции с мелким крестьянским самостоятельным хозяйством, которое в то время давало неизмеримо большую производительность труда. Русские капиталы отлили в ростовщичество и скупочные операции. Между русским промышленником-потребителем хлопка и туркестанским мелким хлопковым производителем стал русский торгово-ростовщический капитал плюс русские банки, кредитовавшие хлопковые операции иногда из 9 %.

Нет необходимости подробно останавливаться здесь на уже много раз описанных тех бесчисленных махинациях и хищнических приемах торгово-ростовщической эксплуатации дехканского хозяйства, которые имели место во всю историю хлопкового хозяйства края, вплоть до революции 1917 года. Мы укажем только на два чрезвычайно важных для нашего дальнейшего изложения последствия этой эксплуатации.

Эксплуатация была настолько интенсивной, что она не оставляла никаких возможностей для расширенного воспроизводства эксплуатируемого дехканского хозяйства. Не могло, поэтому, и речи быть о какой бы то ни было интенсификации хозяйства, кроме все более и более интенсивного напряжения мускульной силы работника-дехканина. Допотопная техника хлопкового хозяйства (кетмень, омач и мала) застыли, поэтому, еще на десятилетия и сохранились в своей неподвижности через весь изучаемый нами период.

На этом фоне застойности техники идет в то же вре-

мя интенсивная экспроприация дехканского хозяйства.

Вот один пример, достаточно ярко иллюстрирующий это положение: с 1889 по 1893 г. было продано дехканами десяти земли:

в Самаркандском уезде – 15,588,5 дес.
„ Джизакском „ – 4,828,04 „[1]

Так необходимая для развития капиталистической фермы экспроприация мелкого дехканского хозяйства происходила, однако, в условиях полной застойности техники. Был один элемент для развития капитализма – обезземеление, но не хватало другого – не хватало соответствующего повышения технической базы. На низкой технической базе, поэтому, из экспроприации дехканского хозяйства продолжало вырастать как вырастало и до завоевания полукрепостничество – чайрикерство (по-русски – издольщина). Вот один цифровой пример, характеризующий расрпостраненность чайрикерства в конце XIX века. Данные относятся к Маргеланскому уезду.

В этом уезде в 90-х г.г. было: всего безземельных хозяйств – 13.963. Из них: занимались дольщиной (чайрикерство) 8.698 или 62,3 %; нанимались в чернорабочие 3.619 или 25,9 %.

Обезземеленный дехканин идет больше в дольщики, т.е. в закабаленные путем задолженности полукрепостные, чем посвящает себя занятиям по вольному найму.

Были ростки капитализма, но дольщина при данном уровне техники была гораздо более выгодной формой эксплуатации, чем вольный наем, и дольщина, т.е. крепостничество, развивалась.

Итак, капиталистическая ферма не удалась, вместо

---

[1] Ревизия Палена. Материалы для характеристики народного хозяйства в Туркестане, ч. 1, отд. 1, стр. 123.

нее удалась разветвленная хищническая торгово-ростовщическая эксплуатация дехканина. Колоссальное напряжение этой эксплуатации консервировало технику сельского хозяйства, а на низкой технической базе – в результате экспроприации дехканского хозяйства – вырастали крепостнические отношения, процветало знаменитое туркестанское чайрикерство.

Так внедрялся русский торговый капитализм в сельское хозяйство Средней Азии. Он одновременно и толкал развитие хлопкового хозяйства – росла хлопковая площадь, и в то же время накладывал путы на развитие этого хозяйства, – консервировалась техника, росло на этой базе крепостничество, которое, в свою очередь, еще больше закрепляло ту же допотопную технику, на базе которой оно вырастало.

"Смычка" русского и туземного торгово-ростовщического капитала.

И в этом своем победном шествии русский торгово-ростовщический капитал тянул за собой капитал туземный. Этот последний был еще чрезвычайно слаб в эпоху завоевания края русскими, но с развитием хлопкового хозяйства он начал расти и расти при этом очень быстро. Туземный бай с каждым днем увеличивал свои обороты по кредитованию и скупке хлопка, но в то же время, экспроприируя за долги дехканское хозяйство, он был тем самым крепостником, который организовал хозяйство, построенное на чайрикерстве.[1] Туземный торговый капитал был тем ребенком, который, поступив на воспитание к русскому торговому капиталу, получил от этого последнего чрезвычайно благоприятные условия для своего быстрого роста, развития и процветания. Для этого роста ему был совершенно

[1] Хотя надо сказать, что чайрикерское хозяйство было не только у бая, поскольку развивалось в крае (правда, струей довольно слабой) русское чиновное землевладение, оно тоже строило свое хозяйство на чайрикерском труде.

необходим этот новый его русский папаша. Но был также необходим этому папаше и туркестанский капитал-ребенок.

Вот интересное место докладной записки правления товарищества Н.Кудрин и К° от 5 июня 1887 г.:

"Желая способствовать по возможности разведению в Средней Азии хлопкового дела, товарищество независимо от собственных опытных посевов стало раздавать доброкачественные американские семена и выдавать ссуды под посевы хлопка американских семян с условием получения хлопка по базарной цене. Но плоды таких операций оказались очень печальными. Товарищество понесло убыток в несколько тысяч рублей, не получив ни хлопка, ни денег, и решило приостановить ведение дела на прежних началах".

"Товарищество убедилось, что за лицами, получающими указанные выше ссуды трудно уследить, чтобы они употребляли американские семена и деньги на посевы, а не на посторонние спекуляции".[1]

В 1886 г., как видим, товарищество Кудрин и К° на выдачах задатков потерпело крупную неудачу, и все дело заключалось, оказывается, в том, что за должниками было "трудно уследить", чтобы они тратили деньги действительно на посев хлопка.

Русским фирмам – прежде чем начать широкие ростовщические операции – нужно было во что бы то ни стало получить какую-либо возможность наблюдения за своими бесчисленными мелкими кредиторами. И тут пришел на помощь туземный капиталист бай (кулак) и туземная мелкая администрация.

Документ, относящийся к нач. 90-х г.г. изображает дело уже совершенно иначе: "чтобы не раздать денег без надежды их собрать, чтобы оградить свой карман, давальцы предлагают задатки под трудовую поруку своего кишлака (или, вернее, это их pia desideria), но всегда делают конт-

1 Дело канцелярии Туркестанского генерал-губернатора № 59 – 1886 г., лист 10.

ракты с казийскими[1] свидетельствованиями. Особенно же важно заручиться расположением и приязнью волостного управителя, он является в деле "воспрессования" (так удобнее выразиться) задатков большой птицей-мымрой. И аллах великий, как это приятно волостным сознавать себя перед "гяуром" "величиной". Их "подмазывают" и на убой поят и кормят и "тамырятся" с ними урусы и "селяу" большие, жирные так и ползут в карманы".[2]

Волостной и аульный представитель, казий (судья) и аксакалы (должностные по ирригации) за тамаши (угощение) и селяу (подарки) превращаются в вернейших слуг русского торгово-ростовщического капитала. Содействие властей дополняется наблюдательным аппаратом специально нанятых надсмотрщиков за работой кредиторов, и задача, таким образом, решена. Но нередки, конечно, были случаи раздачи задатков через туземного бая – чистача, который в таких случаях уже сам наблюдал и отвечал за кредиторов, что для него было делом значительно более легким, чем для русской фирмы.

"Чистач, как житель района, прекрасно знал экономическое состояние клиентов и поэтому мог и имел возможность входить во все детали дехканского хозяйства. Чистач был всегда посвящен во все подробности хозяйства хлопкороба. Все – купля жены, купля лошади, мертвого инвентаря и т.д. – происходило при ближайшем участии и даже по совету чистача.[3]

Непременной спицей в системе эксплуатации русского торгово-ростовщического капитала в крае являлось, таким образом, местное байство, т.е. своя местная туземная буржуазия. Попытки обойтись без бая потерпели неудачу.

---

[1] Казий – народный судья.

[2] М. Федоров. Цитированная работа, стр. 103-104.

[3] А. Демидов. "Экономический очерк хлопководства и хлопковой торговли и промышленности Туркестана". Изд. 1926 г., стр. 112.

Бай помог русской торговой буржуазии добраться до мелкого хозяйства туземного хлопкороба, чтобы изымать из этого хозяйства все лишнее, что могло в нем накопиться. Смычка русского и туземного торгово-ростовщических капиталов была смычкой к обоюдному процветанию и удовольствию. Отмеченные уже результаты торгово-ростовщической эксплуатации края – застойность техники и рост чайрикерства – были результатом эксплуатации объединенного туземно-русского торгово-ростовщического капитала.

Поскольку рост производительных сил края уперся в торгово-ростовщическую эксплуатацию, постольку он уперся одновременно и в эксплуатацию русского капитала-папаши и в эксплуатацию его приемного сына – капитала туземного.

Покровительственные пошлины.

Хлопковое хозяйство дехканина в 90-х г.г. было, однако, настолько сильным, что оно могло одержать победу не только над русской, как уже видели, фермой, но и над американской. Расчеты уже неоднократно цитированного М. Федорова приводят его к следующему выводу:

"Итак, *при наихудших международных ценах и при свободном беспошлинном ввозе иностранного хлопка в Россию, цена на пуд сырца в Фергане может быть 1р. 30 к. кредитных.*

"Этой цене отвечает минимальная валовая доходность с десятины в 65 руб.

"Может ли такая доходность представлять выгоду, побуждающую к посевам хлопка?"

И на основании расчетов бюджета дехканской семьи автор на этот вопрос отвечает следующим образом:

"Очевидно, что и при самых низких ценах туземцам будет выгодно заниматься хлопководством ради дополнительного денежного дохода, тогда как при той же цене американский плантатор, ведущий хозяйство на деньги, уже должен бросать хлопководство и переходить к другим посевам".

"Установив тот факт, что мелкое кустарное хлопководство в Туркестане может быть не безвыгодным даже при полной отмене ввозных пошлин и при самых низких ценах, нельзя не признать, что искусственным и постепенным изменением пошлин можно будет регулировать с одной стороны хлопковое дело в Туркестане, поддерживая его пока оно не окрепнет, а затем перейти к удовлетворению интересов потребителей хлопка".[1]

Пошлины, таким образом, вовсе не нужны были для того, чтобы ограждать интересы туркестанского хлопкороба. Между тем из года в год пошлины повышались.

Рост пошлины за изучаемый период виден будет из следующей таблицы:

В 1878 г. 21 дек. –	40 коп. с 1 пуда очищен.хлопк.волокна.
„ 1880 г. 31 „ –	44 „ „ 1 „ „ „ „
„ 1882 г. 31 мая –	45 „ „ 1 „ „ „ „
„ 1887 г. 6 „ –	1 руб. по морской границе и 1 руб.15 коп. по сухопутной границе.
„ 1890 г. 18 авг. –	1 р. 20 к. по морской границе и 1 р. 35 к. по сухопутной границе.
„ 1892 г. 18 „ –	1 р. 40 к. по морской границе и 1 р. 55 к. по сухопутной границе.
„ 1894 г. 18 „ –	3 р. 15 к. по всем границам.[2]
„ 1900 г. 18 „ –	4р. 15 к.

Спрашивается, в чью же пользу шла вся эта надбавка? Совершенно очевидно, что вся она шла в пользу русско-туземного торгово-ростовщического капитала и русских банков, связанных с кредитованием хлопковых операций. Дехканин, предоставленный самому себе без наличия той бешеной торгово-ростовщической эксплуатации, которая развилась уже в XIX в., для конкуренции с Америкой в по-

---

[1] М. Федоров. Цитированная работа, стр. 206-209. Курсив автора.

[2] А. Демидов. "Экономический очерк хлопководства, хлопковой торговли и промышленности Туркестана". Изд. 1926 г., стр. 84.

шлинах не нуждался. Пошлины были, таким образом, политикой русского торгового капитала в интересах этого капитала.

Но тут создавалось другого рода противоречие – это противоречие между русским промышленным капиталом – потребителем хлопка и русским торговым капиталом – непосредственным эксплуататором туркестанского хлопкороба.

Это противоречие было настолько сильно, что оно оставило после себя целую философию истории хлопководства края, которая не умерла, к сожалению, еще и по настоящее время и как это ни странно перекочевала даже в работы некоторых членов партии.

Суть этой философии заключается в том, что все беды хлопководства вытекают из покровительственных пошлин. Совершенно очевидно, что эта философия выросла из недовольства русской промышленной буржуазии царским протекционизмом хлопководству, направленным против ее интересов, и из партийной литературы она должна быть изгнана. Все беды, по нашему мнению, вытекали не из этого, а из безграничной эксплуатации хлопкороба торгово-ростовщическим капиталом. Что же касается покровительственных пошлин, то в период более поздний (в XX-м веке) они играли только ту роль, что ограждали торгово-капиталистическую систему эксплуатации края от ударов извне. Не будь пошлин, эта система пережила бы разрушительный кризис, может быть, даже в самые первые годы XX века, и хлопковое хозяйство уже тогда было бы поставлено перед дилеммой: либо капиталистическая ферма, – долой, следовательно, торгово-ростовщический капитал, – либо прекращение производства.

Количественный рост хлопководства.

Теперь ясно, как нам кажется, в каких условиях и как развивалось хлопковое хозяйство края. В заключение только укажем, что начиная с середины 80-х г.г. XIX

века площадь посева хлопка непрерывно росла и к 1900 г. достигла 246 с лишним тысяч гектар. В то же время количество ввозимого в Россию хлопка уже исчислялось в 82 тыс. тонн. Это уже состовляло 33 % русского хлопкового потребления. Россия получила хлопковую колонию.

Торговля.

Разберем теперь вопрос о торговле. Уже только что приведенные цифры хлопкового вывоза из края могут быть показателем того, как выросли торговые обороты России со Средней Азией к концу XIX в. Но торговля росла, конечно, не только по этой линии.

Обороты Оренбургской таможни за последний год ее существования (1867) достигали 29,5 милл. руб. В дальнейшем с закрытием таможни правильная регистрация оборотов прекратилась, но некоторые данные все же позволяют судить, что торговые обороты росли чрезвычайно быстро.

Н.Ф. Петровский подверг тщательной регистрации караванную торговлю через город Казалинск, где скрещивались несколько главнейших караванных путей. Регистрация происходила в 1872 г. Она дала по ввозу в край 13.984 тыс. руб. и по вывозу из края – 6.484 тыс. руб., т.е. оборот был более чем в 20 милл.

Торговля одного Ташкента, по данным того же Петровского, в 1871 г. давала по привозу в Ташкент 8,9 милл. руб. и по вывозу из Ташкента 6,1 милл.[1] Торговые обороты, как видим, во всяком случае исчислялись десятками миллионов, несмотря на громадные неудобства караванного способа перевозки грузов.

Эти путевые затруднения заставили русских купцов, можно сказать, на другой же день по завоевании основных районов края поставить этот вопрос в порядок дня. Вопрос

---

[1] Н.Ф. Петровский. "Материалы для торговой статистики Туркестанского края", вып. 1, Ташкент 1873 г.

о более удобных путях в край разрабатывался Обществом содействия русской промышленности и торговли еще в 1869 г. При этом общим собранием Общества было утверждено следующее резюме своего 4-го отделения, на разработку которого был передан вопрос комитетом Общества:

"Вследствие вышеизложенных соображений 4-е отделение положило: *ходатайствовать перед правительством о крайней необходимости безотлагательного открытия торгового пути от Восточного берега Каспийского моря к реке Аму-Дарье и далее в Среднюю Азию*".[1]

Еще не была окончательно покорена Хива, а прибрание к рукам будущей Закаспийской области, можно сказать, только еще начиналось, и русское купечество уже постановляет ходатайствовать перед правительством об открытии торгового пути "от Восточного берега Каспийского моря к реке Аму-Дарье и далее в Среднюю Азию". Это ходатайство заставляет полагать, что мотивы продвижения в Туркмению не были только стратегическими мотивами – шла речь также об открытии нового, более удобного торгового пути в край. Оно же дает возможность сказать, что постройка Закаспийской жел. дороги преследовала не только стратегические, но также и вполне осознанные экономические задачи.

Дорога была построена, а это дало могучий толчок дальнейшему развитию торговли со Средней Азией.

Вот цифры перевозки товаров по Закаспийской железной дороге за время с 1890 – до 1895 года.

Годы	Ввоз из Европейской России и Кавказа.	Вывоз в Европейскую Россию и Кавказ.
	В тысячах пудов.	
1890	2.318	4.001
1891	2.994	4.253
1892	2.677	4.587
1893	3.561	5.010
1894	4.315	4.655
1895	3.798	5.782

[1] "Материалы по вопросу о торговых путях в Среднюю Азию". Изд. СПБ. 1869 г., стр. 61. Курсив мой.

Эти данные несравнимы с данными Казалинской караванной торговли, ибо там считали не только пудами, но многие товары также и штуками и аршинами, но они говорят также и сами за себя. Мы имеем не только количественный показатель ввоза и вывоза к концу века, но также и показатель их роста. За 5 лет наш ввоз в Среднюю Азию возрос на 63,7 %, а вывоз из Средней Азии на 44,5 %[1]

Особенно рос ввоз в край мануфактурных товаров. "С 670.000 п. в 1891 г. уже к 1898 г. этот ввоз русской мануфактуры в Среднюю Азию достигает цифры в 1 милл. пуд., а к 1903 г. цифры 1.300.000 пудов"[2]

Торговый капитал при этом проникал даже в отдаленные кочевые районы. В ежегодных обзорах Семиреченской области из года в год повторялось утверждение, "что многие торговые фирмы Европейской России открывают в различных местах области и не только в оседлых пунктах, но даже в степи постоянные торговые заведения для скупки сырья" и что "первое место в сумме оборота принадлежит заведениям, торгующим мануфактурными товарами и галантерейными, а среди заведений, торгующих местными товарами, первое место занимают торгующие вином и пивом.[3]

Итак, торговые связи с краем за изучаемый период дали колоссальные успехи, как по торговле туркестанским сырьем, так и по ввозу в край фабрикатов. Русские фабрикаты совершенно вытеснели начавшие было проникать туда английские и одновременно с этим побили своей конкуренцией произведения местной кустарной промышленности. Эта последняя разрушалась.

В своем количественном росте эти связи дали также и

---

[1] Данные взяты из "Обзора Закаспийской Области" за 1890-95 г.

[2] А.Ф. Губаревич-Радобыльский. "Значение Туркестана в торговле России с сопредельными странами Азии". Материалы для изучения хлопководства, вып. II, изд. 1912 г. стр. 25.

[3] Цитирую по обзору за 1900 г.

качественные изменения. Если в туркестанском вывозе в Россию 40-х г.г. XIX в. такой товар, как хлопчато-бумажные изделия составлял 45 % стоимости этого вывоза, если далее большое место в этом вывозе занимали также такие изделия кустарной местной промышленности, как пряжа, шерстяные товары, шелковые изделия и т. д., то в конце XIX в. Туркестан дает почти исключительно сырье и получает фабрикаты. Торговля с краем по своему типу стала торговлей метрополии с колонией.

Выводы главы. Наши выводы будут очень коротки. Горные богатства не оправдали надежд, но зато хлопковые перспективы превзошли всякие даже самые оптимистические ожидания. К этому прибавляем характер торговых связей с краем. Все это дает полное право сказать, что к концу XIX в. Туркестанский край стал колонией царской России в полном смысле этого слова.

Колониальная эксплуатация стала на свои рельсы, а вместе с тем стало на свои рельсы и развитие тех противоречий, которые вытекали из этой эксплуатации: росло противоречие между ростом производительных сил края, с одной стороны, и торгово-ростовщической эксплуатацией русско-туземного торгового капитала и выраставшего из этой эксплуатации крепостничества – с другой. Это основное противоречие, дозревшее потом и разрешившееся в революции 17 г., зародилось и в основном сложилось уже в XIX в.

3. Государственный аппарат в крае.

В полном соответствии с этой хищнической экономической базой торгового капитализма был создан хищнический же аппарат туркестанской власти.

Аппарат, как известно, был военный. Ему "конечно не хватало знания гражданских законов, не хватало теоре-

тической подготовки для административного дела"[1] но зато он великолепно выполнял полицейские функции – функции удержания края в повиновении.

Разрушение силы старой знати.

С самого начала изучаемого периода был поставлен курс на разрушение господства старой знати в оседлых районах и родоуправителей и султанов в районах кочевых.[2]

В основу административной единицы в кочевых районах был положен не род, а количество кибиток, нарочито не совпадавшее с родом:

"Таким образом, историческое деление киргизов по родовым связям было юридически упразднено. Эта мера была вызвана частью тем, что роды, как весьма крупные и неравномерно раскинутые на значительном пространстве единицы, представляли много неудобств в деле административного управления ими, – частью же тем, что *соединение многочисленного рода под властью одного родоначальника могло затруднить поддержание спокойствия в степи*".[3]

Последнее, надо полагать, основное и главное. Боялись за спокойствие степи, пока власть в роде сохраняет старый родоначальник. Было введено выборное начало аульно-кишлачной и волостной власти, чтобы в кочевых

---

[1] "Записка о государственных и общественно-экономических нуждах Туркестанского края". Военное министерство. По Главному Штабу. Помечено 18 марта 1905 г. Отпечатано типографически. Хранится в Средне-Азиатском Архиве. Цит. со стр. 18.

[2] Положение: "Военно-феодальная власть русских использовывает феодальную власть местных баев, беков и султанов (см. "Коммун. Мысль" № 3, стр. 49), выдвинутое мной в работе "Переселенческая политика царского правительства в Средней Азии" я считаю ошибкой. Тот слой, на который опиралась русская власть края, был в подавляющей своей части новым социальным образованием края, выросшим во время русского господства.

[3] "Отчет по ревизии Туркестанского края графом Паленом". Сельское управление: русское и туземное, стр. 9. Курсив мой.

районах сместить родоначальника, а в районах оседлых сместить старую ханскую администрацию.

Этот курс на разрушение силы старой знати в районах оседлых логически привел к борьбе за разрушение экономической силы этой знати. Экономической базой для господства старой ханской знати было их мильковое, т.е. по сути дела поместное землевладение, а для духовенства — вторай половины этой знати — вакуфное землевладение, очень приближавшееся по своему типу к русскому церковному землевладению, хотя и имевшее своебразные местные черты вроде обслуживания доходами с вакуфов благотворительных и культурно-просветительных учреждений.

"Мильковладельцы и мусульманское духовенство, отстаивающие свои поземельные претензии, составляют аристократический класс населения, политически нам враждебный, недовольный новым порядком, лишившим эти влиятельные сословия их прежней общественно-политической роли. Вопрос о привилегированном землевладении является, таким образом, вопросом о материальной силе туземной аристократии, интересы которой не примиримы с видами правительства. Независимо от сего и с менее серьезным значением вопрос этот представляется и со стороны чисто экономической, как вопрос о судьбе бедной части сельского населения, работающей в пользу мильковладельческого и духовного туземных сословий. И, наконец, вопрос этот заслуживает внимания и со стороны фискальной, но связи его с местными поземельными сборами, которые сообразно с тем или другим решением дела должны будут или увеличиться, или уменьшиться на несколько сот тысяч рублей"[1]

Так писалось в отчете 1-го Туркестанского генерал-губернатора Кауфмана. В этом коротком отрывке, можно

---

[1] "Проект всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К.П.фон-Кауфмана 1". Изд. 1885 г. стр. 242-43.

сказать, целая программа. Само завоевание, поскольку оно не остановилось на вассальном подчинении хана, было прежде всего свержением хана, а это значит – свержением и всей ханской знати. Ханская знать превращается, таким образом, в политически-враждебную силу. Политическое укрепление русской власти в крае оборотной своей стороной имело разрушение экономической базы этой страны.

Но эта борьба имела также и некоторый экономический смысл. Высвобождались из рук знати те дехканские массы, которые жили на мильковых землях, их оброки мильковладельцам заменялись теперь налогом в пользу казны, отчего русские прибавляли сотни тысяч рублей к своему бюджету, к их мелкому хозяйству присасывался русский торгово-ростовщический капитал без всякой помехи со стороны помещика мильковладельца. Словом, русские получали не только выгоду политическую, но также и выгоду экономическую, как для государства, так и непосредственно для проникавшего в край торгово-ростовщического капитала. И Кауфман действовал. Не дождавшись даже разрешения из Петербурга, он *во-первых*, приравнял мильковые земли, к так называемым амлячным землям. Это означало, что все доходы мильковладельцев теперь поступают в казну, ибо земля амлячная – была земля, с которой платился государственный налог и только; и *во-вторых* – сильно урезал вакуфы. Это выразилось в отчуждении в казну нескольких крупных вакуфов и в секвестрации значительной части доходов остальных вакуфных земель.

Итак, разрушается экономическая мощь старой знати и одновременно с этим в кишлаке выдвигается новая, можно сказать, "чумазая" знать, новый богач-бай, который и делается опорой русской власти.

Должен все же заметить, что в кочевых районах эффект замены родоправителя новыми лицами был эффектом временным. Сохранивший свою экономическую мощь

родоправитель – он же манап – скоро сумел укрепиться в ауле и политически. Политика русских властей на разрушение рода породила только ожесточенную родовую борьбу (борьбу партий) вокруг выборов администрации и возможность для победивших родовичей всю тяжесть своей эксплуатации перекладывать на побежденные роды, укрепляя этим самым свое влияние в своем роде.

Аппарат туземной власти.

Посмотрим, что представляла из себя эта власть туземных управителей. За должностями чрезвычайно гнались:

"Обыкновенное явление при выборах борьба партий, желающих провести своих кандидатов. В особенности это заметно при выборе на должности волостных управителей. Каждая сторона, для устранения противника не стесняется в выборе средств, прибегает к жалобам, к доносам, большей частью ложным, а *главным образом к подкупам избирателей.* При выборах иногда дело доходит даже до беспорядков".[1]

И в другом месте того же документа – относительно Ферганской области: "...а чаще всего практикуется способ увеличения числа избирателей посредством фиктивной приписки кибиток, не существующих на самом деле в области".[2]

Для завоевания должности пускаются в ход, таким образом, всевозможные средства вплоть до растраты значительных сумм на подкупы избирателей включительно.

"Гонорар за избрание волостного управителя доходит до 7.000 руб", читаем в одном официальном документе конца XIX в.[3]

---

[1] "Отчет ревизующего по высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса". Официальное издание, стр. 25. Ревизия происходила в 1883 г. Курсив мой.

[2] Там же, стр. 45.

[3] Дело канцелярии Туркестанского генерал-губернатора № 271 – 1898 г., лист 26. Записка Андижанского уездного начальника подполковника Калишевского о восстании 1898 г.

Что же манило на эти должности? Что заставляло платить за должности такие большие гонорары?

Та же ревизия Гирса дает на этот вопрос следующий ответ:

"Стремление попасть в волостные объясняется с одной стороны довольно значительным содержанием по должности, а с другой тем, что у него сосредоточен сбор податей целой волости, при чем легко возможны незаконные поборы, несвоевременная сдача в казначейство собранных денег и нередко даже утайка их. Кроме того волостной управитель в силу предоставленной ему власти (§ 112 Положения 1867 г.), может налагать денежные штрафы до 3 руб. Контролирование его в этого родах суммах совершенно невозможно, в особенности при кочевом образе жизни населения".[1]

Возможность утайки денег, возможность наложения штрафов в свою пользу, широкий простор для поборов – вот приманки в борьбе за административные посты.

Мы не будем цитировать здесь характерных мест отчета Гирса о том, как волостные были связаны через тот же сбор податей с пятидесятниками, своими избирателями, как пятидесятники в награду за поддержку на выборах превращались в помощников по сборам, как они сами "жалованье не получают", и поэтому "делают поборы с народа" или "обращаются с просьбой о предоставлении им, взамен неполученного жалованья, права сбора казенных податей". (стр. 64). Дополним только его свидетельство перечислением "художеств" одного из наиболее ярких представителей туземного аппарата власти, "управляющего" Хурданской волостью Ташкентского уезда в самом конце XIX века. Речь будет итти о волостном управителе Мулле Султан Кошеве.

На его действия в канцелярию генерал-губернатора

---

1 Цитированный отчет Гирса, стр. 46.

поступило громадное количество прошений как от отдельных лиц, так и от групп. Это послужило причиной назначения следствия. О следствии же сохранилось "дело". Оно то и дает нам соответствующий материал.[1]

Вот сокращенный перечень тех обвинений, о которых говорится в прошениях.

Некто Мулла Разак Махмутбаев сообщает, что Кошев: "обязывает население сбывать ему хлопок и рис по цене ниже базарной; приобретает за бесценок земли в уезде, так как сами владельцы отказываются от земель, будучи не в состоянии платить чрезмерных податей, наложенных раскладчиками по его приказанию; обязывает население бесплатно пахать его земли и очищать арыки и незаконно присваивает себе воду местных арыков при недостатке ее для жителей волости".

"...Сарты Парадбай Кулбаев, Султан Джимаков и Халыкул Шумуратов заявили, что волостной управитель Кошев обязывает население поставлять рабочих для постройки своего дома, и в случае отказа кого-либо взыскивает с того деньгами".

Мулла Бек Назар жалуется, что: "В 1897 году Кошев "насильственно" срубил и увез у него три тополя, а в 1899 г. увез тутовый плуг. Помимо сего при разборе казием Адылем дела по иску к нему Нор Мухамеда, Кошев из числа взысканных с него, жалобщика, денег взял себе 10 рублей. Спустя некоторое время после этого у него пропала лошадь. Кошев нашел и украденную лошадь и "вора", оказавшегося родственником его же жены. Тогда он заставил его, жалобщика, уплатить "вору" за возвращенную лошадь 20 рублей и 10 рублей взял в свою пользу. Через некоторое время Кошев снова вызывал его по этому же делу, и он снова заплатил ему 10 рублей и 20 "вору".

Далее идут 4 жалобы на то, что Кошев в разных мес-

---

[1] Дело канцел. Туркестанского генерал-губернатора № 72 за 1900 год, от. 1, ст. 4.

тах и в разное время насильственно захватил чужую землю и пользуется ею, заставляя, однако, в одном из этих 4-х случаев номинальных владельцев земли платить за нее часть податей.

Затем следует две жалобы, говорящие о взыскании в одном случае 172 руб., в другом 40 руб., якобы, долга с людей, которые ему, Кошеву, ничего не были должны.

И, наконец: "все вышеупомянутые лица, кроме того, заявили, что Кошев непрестанно захватывает воду арыков для орошения своих земель, обязывает население бесплатно поставлять для него рабочих, которые полют на его полях рис, жнут камыш и прочее".

А среди всего этого вороха жалоб есть также две, которые объясняют, почему все эти художества в течение долгого времени оставались совершенно безнаказанными. В одной сообщается, что "Кошев уже три года собирает с богатых людей по 10 рублей и с бедных по 1 рублю, под предлогом, что эти деньги требуются на расходы пристава", а в другой иллюстрируется, какое "благотворное" действие производили эти заботы о приставском бюджете.

Когда Джиям Мурад, один из тех, у которого Кошев не только захватил землю, но даже заставил платить часть податей, пожаловался на это приставу, то тот: "...передал дело казию Адылю, но последний сначала лишь припугнул его, Мурада, а затем заставил его выдать документ в том, что будто бы он свою землю продал сыну Кошева и Батыр-Кулу".[1]

Впрочем, и сам исход цитированного дела как нельзя лучше вскрывает причину, обеспечивавшую широчайший

---

[1] Цитирую: "Заключение о дальнейшем направлении дела о бывшем управителе Хурданской волости, Ташкентского уезда, Мулле Султане *Кошеве* и народном судье той же волости Мулле Адыль Ашир *Магомедове*, обвиняемых в преступлениях по должности", написанное русским чиновником, посланным на расследование. Листы дела 7-10.

простор для "Кошевых". Автор цитированной записки на основании того, что в показаниях некоторых свидетелей были обнаружены противоречия и что кой-кто от своих обвинений отказался, пришел к заключению, что "за недоказанностью" "преследование" "по настоящему делу прекратить". "Скажи-ка... а сколько тебе за это дадено?" – сам собою напрашивается вопрос.

Итак, Кошев – царь и бог в своей волости, он покровительствует ворам, он отнимает землю и захватывает воду, он взыскивает деньги, когда и с кого ему захочется, он облагает население поборами, он заставляет население бесплатно для него работать, он делает, надо полагать, бесчисленное количество таких больших и малых преступлений, о которых мы не знаем и узнать не можем. Словом, он живет, разоряет подвластную ему волость и "накопляет". И он действует не сам по себе, а под покровительством не только пристава, но даже и присланного для расследования старшего чиновника особых поручений при генерал-губернаторе. И получает он это покровительство только потому, что делится со своими покровителями "добычей".

Такими Кошевыми одарила царская Россия Среднюю Азию. Разрушая господство и влияние старой знати, она в то же время выдвигала на сцену "чумазых", но зато "дельных" героев "первоначального накопления".

Для нас совершенно ясно теперь, что туземная администрация это паразитически эксплуататорский нарост на хозяйственном организме края. Этот нарост за "тамаши" и "селяу" великолепно обслуживал эксплуататорские интересы, как эксплуататоров русских, так и туземных, но и в то же время он самым паразитическим образом высасывал соки из дехканского и скотоводческого хозяйства.

Ясна для нас теперь и причина того, почему туземное байство вело такую ожесточенную сопряженную с большими расходами борьбу за административные должности: просидеть три года в волости таким феодалом в миниатю-

ре, каким был Мулла Султан Кошев, конечно, чрезвычайно выгодно.

То же самое и с народными судьями (казии и бии).

"Народные судьи получают место только в том случае, если заручатся большинством голосов путем подкупа избирателей".

А результат: "...народные судьи, занимая свои места в течение 3-х лет, не только должны будут вернуть путем выборов все то что они заплатили избирателям, но и прожить еще три года, да и основать некоторый фонд и обеспечение быть избранными на следующее 3-х летие".

"При таком положении дела в народном суде прав тот, кто может заплатить".[1]

Русский военно-чиновный аппарат.

Было бы, конечно, наивно думать, что русский чиновничий аппарат, имевший своим фундаментом волостную и аульно-кишлачную администрацию, принципиально в чем-либо отличался от этого фундамента. Уже тот факт, что всякие жалобы на неправильность выборов "по рассмотрении большею частью оказываются не действительными",[2] дает полное право полагать, что значительная доля расходов при выборах падала на "подмазывание" русского начальства, от которого зависело и самое ведение выборов и возможность махинаций в деле искусственного подбора большинства голосов и, наконец, утверждение выборов.

Право же властей смещать "за бездеятельность" любого представителя туземной администрации ставило эту последнюю в полнейшую зависимость от приставов, уездных начальников и т.д. История же с Муллой Султаном Кошевым, как нельзя лучше, иллюстрирует, что и бесконечные поборы волостного управителя и само его "сидение" на

---

1 Цитированное дело канцелярии Туркестанского генерал-губернатора № 271 за 1898 г., лист 26.

2 Ревизия Гирса, стр. 64.

своем месте зависели от "умилостивления" русских чиновников.

Волостной делился результатами "трудов" своих. Здесь спайка полнейшая. Эксплуатация кишлака и аула была эксплуатацией совместной.

Но не зевали, конечно, русские чиновники и по части "самостоятельной работы".

"Когда я туда приехал через 30 лет с лишком после присоединения края к России, то я на месте чиновничества тамошнего застал касту, отдаленную как от русского чиновничества, так и от местного населения и даже от пришлых чиновников, командируемых туда со специальными какими-либо поручениями, касту замкнутую в самой себе, самодовлеющую и самодовольную, которая смотрела на себя, как на настоящих и единственных хозяев края, перед коими край должен трепетать и воздавать почести и мзду. *Взяточничество развито было до архи-возможных пределов и под всяким благовидным и неблаговидным предлогом, натурой или деньгами, оно всюду и везде практиковалось, как необходимое подспорье к получаемому содержанию и зачастую превышая его. Поборы производились по всякому поводу всякого административного исправления обязанностей.* Наряду с этим признаками хорошего административного тона считалось постоянное, крайнее отчуждение от местного населения, выражение всяческого ему презрения и недоверия, взгляд на туземное население, как на низшую расу, неспособную ни мыслить ни чувствовать".[1]

Таково свидетельство очевидца, который сам некоторое время был чиновником в Туркестане. Русский чиновник это каста, которая смотрит на все окружающее с

---

[1] Дело канцелярии Туркестанского генерал-губернатора № 13 – 1916 г., лист. 341. Стенограмма закрытого заседания гос. думы от 15 декабря 1916 г. по запросу о беспорядках в крае. Речь члена Госуд. Думы Монсырова. Курсив мой.

величайшим презрением, ”трепещи”, мол, и ”воздавай мзду”, русский чиновник это взяточник, который берет взятку при каждом служебном соприкосновении с туземным населением. Взятка – непременное подспорье к его содержанию и подспорье, надо полагать, не из маленьких.

В ревизии Гирса находим, кроме того, многочисленные факты, свидетельствующие о бесцеремонном отношении тех же чиновников к народным деньгам, попадавшим к ним так или иначе в руки. И факты эти относятся не только к низовому аппарату, но не в меньшей мере и к его верхушке, вплоть до самого генерал-губернатора Кауфмана.

Никто другой, как сам Кауфман, Сыр-Дарьинский военный губернатор Головачев и помощник правителя канцелярии генерал-губернатора Савинков в 70-х г.г. были членами так называемого ”товарищества Константиновского конного завода” в Ташкенте, которое получило из казенных денег ссуду в 48.500 рублей, захватило у туземного населения 25.000 гектар земли, имело право бесплатно пользоваться пастбищами по всем казенным землям Ташкентского (тогда Кураминского), Чимкентского и Аулиатинского уездов, пользовалось бесплатно, по распоряжению самого Кауфмана, трудовой повинностью населения для расчистки арыков на захваченной земле и сверх того добилось при содействии члена общества Кураминского (Ташкентского) уездного начальника полковника Гуюса приговора представителей туземного населения этого уезда об ежегодном отпуске из общественных сумм ”на поддержку конного завода” по 3.000 рублей.

Те же ”действующие лица”, за исключением Кауфмана, встречаются нам потом в 1875 году в знаменитом Кураминском деле о расхищении казенных земель и растрате 200.000 рублей казенных денег. До Кауфмана здесь следствие не добралось разве только потому, что он собственным распоряжением ограничил его рамки, приказал не ка-

саться "всего того, что было в Кураминском уезде".[1]

Можно бы и еще перечислить целый ряд менее вопиющих фактов из того же источника, но для нас достаточно и этого.

Все это не представляло бы, конечно, никакого интереса, если бы оно не являлось лучшей иллюстрацией того положения, что русский чиновный аппарат в крае был не просто "комитетом" русского торгово-ростовщического капитала, но что он также и сам был аппаратом непосредственной эксплуатации скотовода и дехканина. Живые люди его составляющие были сами, собственной персоной, героями "первоначального накопления", разграблявшими край всеми доступными им методами.

Туземный аппарат власти внизу и чиновный русский аппарат вверху великолепно друг другу гармонировали, это были однородные звенья одного и того же целого, звенья паразитического "первоначально накопляющего" полуфеодального аппарата власти.

Подати на содержание аппарата.

Но аппарат не только паразитировал на хозяйственном организме края; он много стоил также и государству. Его содержание стоило так дорого, что тех податей, которые взимались в генерал-губернаторстве, на это совершенно не хватало. Бюджет Туркестана за весь изучаемый период сводился с дефицитом, а это толкало правительство на все большее и большее повышение податей. Вот пример: по Самаркандскому уезду в результате податных работ 1894 г. налоги увеличились: по Яны-Курганской волости на 67 %, по Кабутской на 183,7 %, по Хальвинской на 93,8 % и по Сиргалинской на 65,8 %.[2]

Этот податный нажим земля дехканина подчас просто не выдерживала и дехкане сплошь и рядом отказывались

---

1 Ревизия Гирса, стр. 226.

2 Данные Вирского "Справочная книжка Самаркандской области за 1896 г.".

совершенно от земель. Образовался разряд, так называемых, "отказных" земель.

Аппарат власти истощал край не только через взятки, поборы и проч. многочисленные махинации, он еще целиком без остатка проедал колоссальные налоги на скотоводческо-дехканское хозяйство края.

Заключение главы. Итак, обзор вопроса о том, что представлял из себя аппарат государственной власти в крае, приводит нас к выводу, что это "общественное установление" находилось в обратном отношении к интересам развития народного хозяйства, как установление паразитическое, высасывавшее жизненные соки из скотоводческо-дехканского хозяйства.

И по этой линии, как по линии скупочно-ростовщических операций произошла спайка интересов русских эксплуататоров с туземным байством (кулачеством).[1]

---

[1] В силу своеобразия развития аграрных отношений в Средней Азии такая социальная группа, как байство, не совсем соответствует тому понятию, какое мы для условий коренной России привыкли вкладывать в слово "кулак". Под кулаком (немецкий гросбауэр) мы разумеем то социальное образование, которое сложилось в результате развития промышленного капитализма в сельском хозяйстве, это больше фермер, чем ростовщик и торговец. Средне-азиатский же бай – это прежде всего купец и ростовщик, а затем и крепостник и только в последнюю очередь фермер, эксплуататор вольно-наемного труда.

Нам придется также, касаясь киргиз, употреблять часто и понятие "манап". Но это тоже фигура очень своеобразная, требующая своего объяснения. Киргизский манап – это прежде всего представитель старой родовой знати. Вернее под манапом, собственно, и разумеется эта старая знать и только в послереволюционное время иногда стали называть всякого богатого эксплуататора киргиза манапом. Но исторически сложилось так, что наряду с ростом нового слоя зажиточных эксплуататоров в среде киргизского народа, старое манапство тоже мало-помалу принимало новые черты, черты капиталистические. Две социальные группы, различные по своему происхождению, на протяжении изучаемого периода принимали одни и те же социальные признаки, социально сближались. В изложении мы будем употреблять слово "бай" для обозначения кулака-ростовщика в очерченном выше значении, и слово "манап" для обозначения киргизской и казахской знати.

Но несмотря на паразитичность и царившие везде и всюду произвол и взяточничество, а скорее благодаря тому и другому, этот аппарат давал величайший простор для такого же произвола в ростовщических и скупочных операциях. Не было дисгармонии между базисом и надстройкой, одно другому вполне соответствовало. В то же время аппарат власти, будучи военным, великолепно выполнял полицейские функции, функции умиротворения края.

4. Национально-освободительное движение в XIX веке.

Из противоречий обрисованной эпохи вырастало и национально-освободительное движение. Но эпоха делится на две части: период завоевания и период хозяйственного освоения края, соответственно с этим на два периода делится национально-освободительное движение.

Национальное движение в эпоху завоевания. Отстоять самостоятельность было основной революционной задачей, стоявшей перед национальным движением в эпоху завоевания. За это и шла борьба, начатая с 20-х годов XIX века и кончая кокандской революцией 1875-76 г.г.[1] Вся оборона фактически была широким народным движением.

Основные моменты этой борьбы следующие: восстание киргиз-казакского Султана Кенисары-Касымова в конце 30-х и в первой половине 40-х годов; сродное ему по типу восстание Джан-Гуджи Нурмухамедова на Сыр-Дарье в

---

[1] Оборона Туркмении в 80-х годах XIX века, собственно говоря, тоже входит в эту полосу движения, но мы намеренно оставляем ее в стороне как вообще оставляем Туркмению в стороне на протяжении всей этой главы. Объясняется это тем, что в Средне-Азиатском Архиве за это время по Туркмении нет материалов, так как Закаспийский Отдел, потом область вплоть до конца XIX века, подчинялся Кавказскому наместнику. Писать же о национально-освободительном движении без использования архивов просто невозможно.

1856 году; Самаркандская оборона 1868 года и связанное с ним движение в г. Бухаре и в Шахризябском бекстве Бухарского ханства; бунт Мангишлакских киргиз в 1870 году; восстание, вернее попытка восстания, в Сыр-Дарьинской Области во главе с ишаном Иш-Магометом в 1871 г., упомянутая уже революция в Коканде в 1875-76 г. и, наконец, последний отблеск этой революции – восстание Итым-хана в Фергане в 1878 году.

Здесь нет, конечно, возможности подробно описывать весь ход и исход этих волнений. Наша задача, поэтому, сводится только к тому, чтобы дать им общую характеристику.

Уже сказано, что это – оборона, перераставшая в широкие народные движения. Но српашивается, какова же была расстановка сил в этих движениях?

От знати и торговой буржуазии, притесняемых неравноправными, уже иллюстрированными выше, торговыми договорами, до дехканской массы, страдавшей от русских грабежей и контрибуции, – все были заинтересованы в том, чтобы задержать или откатить назад русское наступление. Движение против наступавших русских было движением общим, без различия сословий и классов. Само собой разумеется, что вождем движения в таких условиях должны были быть господствующие классы, во главе стояла знать, духовенство и торговая буржуазия.

Только тонкая верхушка знати, как у киргиз-казаков во главе с султаном Средней Орды, Вали-Ханом, в эпоху восстания Кенисары-Касымова, так и в Бухаре и Коканде во главе с Бухарским эмиром, Музавхар Этдином, и Кокандским ханом, Худояр-ханом, в эпоху революций 1868 и 1875-76 годов, была заинтересована в добровольном подчинении России: это сулило ей некоторые привилегии и сохранение своей власти. Народные движения против русских были, поэтому, и движением против этого слоя знати.

Вся несложная идеология все этой полосы движения

может быть иллюстрирована следующими выдержками из соответствующих документов.

"Если бог поможет, то соединим всех киргизов и будет опять тем, чем были при Абай-Хане" (т.е. в последней четверти XVIII в., когда все три киргизские орды еще пользовались значительной самостоятельностью).

И далее: "Это мнение Кенисары было одобрено султаном Касымом (отец Кенисары П.Г.) и его сыновьями; и все они сговорились действовать против России, при чем к ним присоединились и большинство киргизов".[1]

Такова программа Кенисары-Касымова и его знаменитых соратников. Несколько отличается от нее программа Автобачи Абдурахмана – вождя революции 1875-76 г.г.

"По божьей воле вот уже 12 лет, как проклятые русские завладели мусульманскими городами: Ташкентом, Ура-Тюбою и Самаркандом, потушили свечу религии и сделали ущерб нашей вере. Поэтому мы, весь мусульманский народ, просим нашего хана, чтобы он начал священную войну; но он, заблудившись от истины, по неверной дороге (буквально) вел дружбу с русскими, сделал много подарков, от белого царя получил титул светлейшего хана, обольстился своей страстью, не принимал наших просьб и советов, отдался белому царю, отвратил свое лицо от страны мусульман, для своей пользы вцепился за полы неверного царя и наконец ушел от нас. После этого мы, все духовные лица, ученые, эмиры и жители, собравшись вместе, с общего согласия уничтожили все противозаконные дела, старшего сына прежнего нашего хана Сеид-Мухамед-Насыр-Эдинбека в добрый час возвели на ханский трон, признали его нашим верховным правителем, ради всемогущего бога и его великого пророка и священной войны мы опоясались крепко. В эту сторону соберутся два или три ляка[2]

---

[1] "Султаны: Кенисары и Садык". Биографические очерки султана Ахмета Кенисарына. Ташкент, 1889 г., стр. 2-3.

[2] Ляк, значит 100.000.

людей, все мы от старшего до младшего признаем религиозную войну для себя обязанным, надеясь на помощь бога, будем воевать с неверными русскими до последнего человека, если это будет угодно богу; не удивительно, если правда одержит победу над неправдой"[1] – так пишет Абдурахман в одной из своих прокламаций.

Кенисара противопоставляет свою программу решительных действий податливому Вали-хану, фактически состоявшему на службе у русских. Абдурахман свою программу священной войны против неверных противопоставляет мирной программе "вцепившегося в полы неверного царя" Худояр-Хана. И там и здесь решительная борьба за самостоятельность. В этом сходство обоих программ. Но есть и различия: у первого нет лозунга "газават", а у второго этот лозунг занимает центральное место.

Должен сказать, что это различие не случайно, в нем отражаются два во многом отличные периода разбираемой полосы движения, ее начало и ее конец.

Впервые лозунг "газават", как лозунг движения против русских, появляется в Средней Азии только в 1868 г. и его отсутствие до этого времени имеет свои причины. Кенисара боролся не только против русских, но также и за объединение разрозненных манапств киргиз и казаков в одну державу под своим управлением. Этому же мешали его феодальные соседи – Кокандский и Хивинский ханы и Бухарский эмир. У него не могло, поэтому, возникнуть лозунга, говорящего об единстве всех мусульман, а таким ведь и был лозунг "газават".

Но за период от поражения Кенисары и до 1868 года, во-первых, колоссально увеличилась опасность со стороны русских – они были уже в самом "сердце" Средней Азии, в Ташкенте, во-вторых, появилась полоса таких движений,

---

[1] Дело канцелярии Туркестанского генерал-губернатора № 174 – 1875 г. лист. 111.

как восстание Джан-Гуджи в 1856 году, восстание в Мангышлаке в 1870 г. и в Сыр-Дарьинской Области в 1871 году. Во всех этих случаях вожди восстания уже не имели никакой другой своей "внешней" политики, как только обращения за помощью к мусульманским соседям. Эти две предпосылки и создавали почву для провозглашения газавата. Постоянные раздоры феодалов отступали все больше и больше на задний план стремление же к единству идеологически оформилось в пропаганде священной войны.

И "газават", как лозунг, в эпоху революций 1868 и 1875-76 годов был подлинно лозунгом революции. Он точно отражал задачи революции: борьба действительно шла против неверных, он правильно фиксировал и расстановку сил: ведь в этот период подлинно все мусульмане выступали единым фронтом.

Решительная борьба за самостоятельность в первый период движения, та же решительная борьба, освященная лозунгом "газават" – во второй период – вот идеология движения эпохи завоевания.

Национальное движение в конце XIX века.

Видимое единство всех классов, гегемония знати и духовенства и лозунг "газават" сохранились и во вторую эпоху изучаемого периода, в последние два десятилетия XIX века. Только лозунг "за самостоятельность", сменился лозунгом "восстановление Кокандского ханства".

Но несмотря на это видимое единство и видимую близость по своему характеру этого периода движения к первому, между ними, однако, есть существеннейшая разница: внутри движения теперь, в отличие от эпохи завоевания, совершенно определенно наметилась дифференциация.

Стояли новые задачи. Свержение русского колониального господства нужно было не только потому, что русские лишили самостоятельности Средне-Азиатские ханства, но уже также и потому, что к концу века довольно ощути-

тельным образом давали о себе знать новые противоречия, выросшие из самого русского господства. Колониальная же эксплуатация края не всех классовых группировок туземного населения касалась одним и тем же образом, различны, поэтому, должны были быть мотивы выступления в национально-освободительной борьбе этих группировок. В этом же различии мотивов, вернее в различном отношении к революционным задачам, и был заложен источник дифференциации.

Мы помним, что еще Кауфман больно ударил по интересам знати и духовенства, желая подорвать экономическую мощь этой "политически враждебной" силы. Это было причиной, толкавшей и знать и духовенство на решительную борьбу с Россией. Но у духовенства, кроме того, были и другие, может быть, не менее важные мотивы.

В связи с Андижанским восстанием 1898 г. в Средней Азии появилось несколько религиозных прокламаций к населению, вне всякого сомнения исходивших от духовенства, в которых излагался, якобы, завет божий, переданный "пророком" через имярек шейха. Чрезвычайно характерен основной мотив этих прокламаций. Процитируем пару довольно-таки выразительных мест из двух таких прокламаций.

Вот первая. Найдена в Чимкентском у., в 1898 г. В ней сначала обещаются бесчисленные "кары" правоверным от бога за их беззаконие, а затем вскрывается и суть этих беззаконий:

"Это произошло от несоблюдения молитвы и ее формы, от несправедливостей царей, оттого, что богачи не делают пожертвований, оттого, что ученые идут против учения, сыновья не слушаются родителей, жены ослушаются мужу и не закрывают лицо, оттого, что торговцы покупают товар на весах тяжелыми камнями, а продают на легких камнях, оттого, что не стали бояться: подмогильных стра-

даний, волосяного моста и страха суда божиего".[1]

Почти те же мотивы и во второй, распространявшейся в Сыр-Дарьинской Области в 1899 г. В ней бог говорит Магомету:

"Меня не боялись, тебя не постыдились, все люди стали жестокими, злыми, времена испортились: богатые сделались ростовщиками, скот и деньги стали давать под %, а потому все, что они пили и ели, конечно, поганое, щедрую милость прекратили давать, бедные не стали довольствоваться тем, что у них имеется, не стали бояться чужой собственности, не стали восхвалять меня за данное им блаженство, теперь пусть убираются с моей земли и неба, пусть разыщут другого кроме меня бога".[2]

В этих "божественных посланиях", как видим, великолепно вскрывается, в чем здесь дело. Вся суть в том, что "времена испортились". Появились жадные ростовщики и скупщики, которые, однако, несмотря на свое богатство "не делают пожертвований", "щедрую милость прекратили давать". На другом же полюсе стоят бедняки, которые "не стали бояться чужой собственности". Этот же очевидный и быстрый рост капитализма разрушает все устои "нравственности", те самые устои, на которых и держалось благополучие духовенства. Словом, здесь ярко выражен протест против роста капитализма, подрывавшего основы жизни и существования многочисленного туркестанского духовенства.

Итак, знать и духовенство вместе протестует против урезки их прав и привилегий, и против прямого подрыва их экономической мощи. Духовенство же, кроме того, ополчается на капитализм, развитию которого был дан большой толчек превращением Туркестана в колонию.

---

[1] Дело канцелярии Туркестанского генерал-губернатора № 31 – 1898 г. отд.1, ст. VI, лист. 2, Официальный перевод.

[2] Дело Сыр-Дарьинского Областного Управления № 6, ч. 11 – 1899 Рев. Отдел. Фонд XX, № 3, лист 17, офиц. перевод.

Обе эти социальные силы борются за возврат утерянных возможностей эксплуатировать своих единоплеменников. Их интересы целиком, без остатка укладывались в требование: назад к Кокандскому ханству.

Не то с дехканством. Оно выступает не за право на эксплуатацию, а как класс, который является объектом колониальной эксплуатации. Расцвет капитализма несет ему разорение, и он отвечает на это так называемым "разбойными нападениями". Число случаев разбойных нападений, зарегистрированных канцелярией генерал-губернатора по трем областям: Ферганскоя, Самаркандская и Сыр-Дарьинская, с 1887 по 1898 год достигает 668.[1] При этом подавляющее количество этих нападений падает на Ферганскую область, именно на ту область, в которой процесс разорения дехканства пошел особенно быстро. Разбойные нападения по областям распределяются так: Ферганская 429, Самаркандская – 182, Сыр-Дарьинская – 57.

"Землеустройство" начала 90-х годов дало не только отмеченное уже выше повышение податей, но и обрезку богарных (не орошенных искусственно) земель. И оно "вызвало глухое неудовольствие на правительство", приведшее к введению "усиленной охраны" в Ферганской области.[2]

Тяжело ударило по дехканству хищничество администрации, и оно отвечает на это конфликтами с администрацией. Таких конфликтов за тот же период, с 1887 и по 1898 г., по тем же областям насчитывалось 25, число же лиц администрации, против которых были направлены возмущения дехкан, равняется 34, из них 20 человек убито.[3]

По своим собственным мотивам выступают город-

---

[1] Подсчет произведен по "Ведомостям о происшествиях", сохранившимся в Средне-Азиатском архиве.

[2] Фонд Туркест. Охр. Отд. № 12, д. № 1471, лист 28.

[3] Цифры получены из того же источника, что и цифры о "разбойных нападениях".

ские ремесленники и мелкая буржуазия. Холерный бунт в Ташкенте в 1892 г. был вызван двумя причинами. Во-первых, это был, конечно, протест против разрушения Туркестанского ремесленного производства, вследствие конкуренции русских фабрикантов, во-вторых, это была борьба против методов русского администрирования.

Все это описание интересов дехканства и ремесленников показывает, что уложить их в требование "назад к Кокандскому ханству" было очень трудно. Между тем движение идет именно под этим лозунгом и этому причина недостаточная дифференцированность движения, обеспечившая гегемонию знати и духовенству.

Конечно, ни в "разбойных нападениях", ни в конфликтах с администрацией, мы не найдем этой гегемонии, это только говорит о том, что в этих новых формах крестьянского движения была заложена предпосылка будущего раскола крестьянства со своим вождем. Но ведь окрашивают эпоху все же не эти формы борьбы. Она окрашивается следующими тремя восстаниями: восстание в Фергане в 1885 г., восстание в Ташкенте в 1892 году и Андижанское восстание в 1898 году.[1] А на этих-то примерах мы как раз и можем проследить указанное единство всех классов и руководящую роль знати и духовенства. Дадим краткое изложение истории этих трех восстаний.

Восстание Дервиш-Хана-Тюры летом 1885 года началось с провозглашения Дервиш-Хана Кокандским ханом. Это провозглашение состоялось в ночь с 16 на 17 августа, в

[1] Кроме этого в делах генерал-губернатора упоминаются еще следующие восстания: в 1882 году – объявление "газавата" в Ферганской области с ханом во главе; в 1884 – восстание в Ошском уезде во главе с ишаном; в 1892 году – объявление "газавата" Сабыр-Ханом в Кокандском уезде; но все попытки найти дела об этих восстаниях не увенчались успехом. Дать их описание сейчас, поэтому, нельзя, но судя по вождям и по "газавату", можно полагать, что по своему характеру они мало чем отличаются от восстания Дервиш-Хана и Мин-Тюбинского ишана.

эту же ночь была объявлена священная война неверным. Восстание продолжалось всего одни сутки и выразилось в нападении на волостных управителей, которых Дервиш-Хан объявил не мусульманами. За день восстания Дервиш-Хану удалось призвать под свое знамя, во всяком случае, не более 300 человек, при чем большинство из них были "бездомники". Привлечена, таким образом, была только беднота, всколыхнуть же массу дехканства так и не удалось.

17 августа вечером партия Дервиш-Хана уже была разогнана. После этого он попытался 2 сентября опять появиться в Ферганской долине с неизвестно откуда набранной партией в 200 человек, но и это появление опять было также безуспешным.

"Холерный бунт" 1897 года в Ташкенте произошел вследствие очень необдуманных мер русской администрации в связи с холерной эпидемией. Администрацией были выработаны такие правила похорон умерших от холеры, которые оскорбили религиозные чувства туземцев. Это и было толчком к возмущению.

24 июня утром громадная толпа жителей старого города, около 400 человек, во главе с ишанами Азизметом и Абдул Касым Ходжой и базарным старшиной Зия Мухамед Иса Махомедовым, направились в новый город с требованием, чтобы ей отдали на расправу старшего аксакала (старшину) города Магомет Якуба Карымбердиева, бывшего непосредственным исполнителем приказов русских властей о порядке похорон.

Когда начальник города, полковник Путинцев, встретившийся толпе по дороге, отказал выдать Карымбердиева, то толпа с криками "газат" (газават) избила его до полусмерти и разгромила полицейское управление. Бунт был усмирен только к вечеру силою войск, которые неоднократно стреляли по толпе. Были жертвы.

Необходимо отметить только две показательных по-

дробности. Первое, что в прошении, написанном муллами накануне восстания, авторы прошения, наряду с просьбой об отмене противохолерных мер, изливали также и свои верноподданнические чувства, и второе, что возглавлявших толпу ишанов и базарного старшины во время разгрома полицейского управления в толпе не оказалось. Это показывает, что ишаны в 1892 году, хотя и были во главе движения, но их тактика была соглашательская, а в решительный момент они просто сбежали.

Минтюбинский ишан Ички-Ишан-Магомет-Али-Халиф был гораздо счастливее своих предшедственников. Ему после довольно длительной организованной подготовки удалось собрать толпу до 2000 человек, т.е. такую массу народа, какая до того времени ни в одном из восстаний разбираемого периода не участвовала. С этой толпой он в ночь 17 на 18 мая 1898 г. напал на Андижанские казармы и зарезал 21 чел. солдат. Разбуженные солдаты без труда, конечно, разогнали недогадавшуюся завладеть винтовками толпу ишана. Это и было его первым и последним сражением, ибо предполагавшийся план развернуть восстание на всю Фергану не удался. Но, несмотря на это, все же восстание Минтюбинского ишана, по сравнению со всем тем, что было до этого, является крупнейшим событием в истории национально-освободительной борьбы в Средней Азии.

Чего же хотел добиться Ички-Ишан, подымая это восстание?

На вопрос следователя, что побудило его подымать против русских восстание, он заявлял:

"1. Что после завоевания края русскими в народе началась сильная порча нравов.

"2. Отступления от требования шариата.

"3. Русская власть, хотя и обращалась с народом мягко, но запрещала паломничество.

"4. Отменила "зякет".

"5. Лишила вакуфных законов.

"6. Не заботилась о поддержании нравственности и семеных начал".[1]

Если мы сравним эти требования с цитированными выше местами из религиозных прокламаций периода восстания, то мы найдем здесь значительную часть того, что находим в прокламациях – это жалоба на порчу нравов, разрушение семьи и т.п. После всего сказанного выше нечего разъяснять источник этих жалоб. Ясен для нас также и пункт о вакуфах. Требует некоторого объяснения только пункт о "зякете" (торговый налог в 1/40 части товара, существовавший в Кокандском ханстве). Этот пункт будет ясен, если вспомнить, что, готовясь к восстанию, Ички-Ишан наметил в кокандские ханы своего двенадцатилетнего премянника и одновременно с этим разослал письма многим богатым людям Ферганской Области с предлжением внести зякет. Этим всркывается прежде всего то обстоятельство, что Ички-Ишан, как и Дервиш-Хан, намеревались восстановить Кокандское ханство под своею властью. А вместе с восстановлением ханства ему, конечно, нужно было восстановить и зякет. На следствии не было сказано всей правды,[2] о зякете же умолчать было нельзя, ибо слишком велика была улика – ишанские письма.

Если оставить в стороне несколько своеобразное восстание в Ташкенте в 1892 г., то на истории восстаний 1885 и 1898 года можно легко видеть тенденцию развития национально-освободительного движения. Руководящая роль знати и духовенства и лозунги движения остаются неизменными. Размах же движения растет, и этот рост идет за счет

---

[1] В.И. Сальков. Андижанское восстание 1898 г. Казань, 1901 год, стр. 79-81.

[2] Нужно иметь в виду, что все туземцы без исключения, как участники движения до Андижанского восстания, так и после, на следствии обыкновенно были чрезвычайно скрытны. Следствию, поэтому, никогда не удавалось восстановить полной картины движения. Это, между прочим, затрудняет и разработку истории движения сейчас.

увеличения участия в движении крестьянской массы: Дервиш-хан сумел собрать не больше 300 человек бедноты, за Минтюбинским же ишаном шла партия в 2.000 человек.

Совершенно очевидно, что этот рост участия дехканства в движении объясняется ростом колониальной эксплуатации этого дехканства. В частности, Андижанское восстание можно объяснить тем хлопковым кризисом, который переживала Фергана в 1897 и 98 г.г. вследствие падения мировых хлопковых цен.

Вот таблица, иллюстрирующая это положение:

Годы	Цены на хлопок в сравнении с ценами 1900 г., принятыми за 100.	Площадь посева хлопка в Фергане в десятинах.
1895	88	109,701
1896	78	128,726
1897	60	116,802
1898	54	106,230

Кризисные годы резко ухудшили положение дехканства, и оно пошло за ишаном на борьбу с русскими.

Этим можно закончить описание национально-освободительного движения в XIX веке. Коротко намеченные еще в начале главы периоды движения можно характеризовать так: период первый – этот период движения "всех" (мусульман) против "всех" (неверных-русских); период второй пока еще тоже остается движением "всех" против "всех", но в нем уже было заложено то, что в будущем должно было исключить и возможность движения "всех" единым фронтом, и возможность движения против "всех".

Колонизация, как средство против национально-освободительного движения.

Мы не можем сказать, что национально-освободительное движение в Средней Азии во второй половине XIX века имело широкий размах; все же, несмотря на свою слабость, русские власти оно пугало очень сильно, и пугало, главным образом, своим ло-

зунгом священной войны против русских (газават). Власти принимают меры к уркеплению своей силы в крае. Лучшей мерой против такого рода движения (священная война), как казалось властям, была колонизация края русскими переселенцами крестьянами. Уже с конца 60-х г.г. муссируется, поэтому, вопрос о колонизации края. Скоро действительно колонизация началась, и к концу XIX века край имел около 12 тысяч крестьянских семей. Но просто семьи крестьян, расселенные среди туземцев поселками, правительство не удовлетворяли. Чтобы сделать эти поселки реальной силой в крае, их вооружают военными винтовками. Вооружение начинается с конца 90-х г.г. После же описанного Андижанского восстания, а особенно после боксерского восстания в Китае, оно превращается во всеобщее вооружение (по винтовке на семью).

Переселенческая политика между тем порождает новое противоречие – борьбу туземцев и русских переселенцев за землю. Этот вопрос, однако, лучше всего разобрать в связи с историей края в XX веке.[1]

5. Заключение первой части.

Мы наметили, таким образом, зарождение следующих процессов в истории Туркестанского края. Край к концу XIX века окончательно превратился в колонию царской России. Это выразилось: во-первых, в типичном для колонии характере обмена с ее метрополией и, во-вторых, в том (это звено предыдущего), что край начал давать России такой важный сырьевой продукт, как хлопок.

Развитие хлопководства, после неудачных попыток пойти по пути фермерско-капиталистическому, пошло по

---

[1] Об этом см. также наши работы: 1) Вооружение русских переселенцев в Средней Азии. Ташкент, 1926 г., 2) Переселенческая политика царского правительства в Средней Азии с. 1. Напечатаны первые 5 глав в журнале "Комм. Мысль" №№ 2,3,4 и 5.

линии развития мелкого хлопкового хозяйства. Русский торговый капитал стал хозяином над этим производством. Его эксплуатация при этом была настолько велика, что хлопковое хозяйство под прессом этой эксплуатации могло развиваться только экстенсивно. Хищническая эксплуатация хлопкороба русско-туземным торгово-ростовщическим капиталом законсервировала старую допотопную технику этого хозяйства еще на целый ряд десятилетий. Этим самым сохранилась техническая база для роста "азиатчины", чайрикерства, т.е. крепостничества. И очень важно, что за весь этот период почти не орошались новые земли. Русские использовали то, что уже было сделано в этом отношении до их прихода.

Для господства в крае торговый капитал создал паразитический аппарат власти, который не только "управлял" и когда надо усмирял, но также и эксплуатировал – был аппаратом "первоначально накопляющим".

На утверждение русских в крае Туркестан отвечал революционной борьбой против этого утверждения. Сначала это была борьба всех мусульман против неверных, но к концу XIX века в ней уже наметились некоторые признаки дифференциации.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КОЛОНИАЛЬНЫЕ ВЛАДЕНИЯ ЦАРСКОЙ РОССИИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА.[1]

Уже цитированная выше "Записка о государственных и общественно-экономических нуждах Туркестанского края", представляющая собой отношение военного министерства на имя графа Витте (Март 1906 г.), заканчивается следующей заключительной страницей:

"Туркестанский край не только может, но и должен дать России новые выгоды обладания им и сторицей возместить затраты, понесенные на его завоевание и устройство. Составляя ныне неотъемлемую принадлежность империи, край вступил в эпоху полного расцвета, и правительству необходимо взять на себя инициативу в безотлагательном проведении всех государственных мероприятий, посильно намеченных в этой записке. Время слишком дорого и упускать его было бы ошибочно. Необходимо самым деятельным образом поставить на очередь к осуществлению в ближайшем времени: а) энергичное ведение работ по орошению государственных земель, остающихся непроизводительными, несмотря на редкую пригодность их богатой эксплуатации, б) поднять сельско-хозяйственную промы-

---

[1] Бухарское и Хивинское ханства в очерк не включены, ибо вопрос о них требует отдельного исследования и отдельной, совершенно самостоятельной работы.

шленность на почве самых благоприятных к тому условий, в) широко использовать горные богатства страны, г) оказать содействие к развитию колонизации края русским элементом, д) развить дело народного просвещения и е) поддерживать в организации управления основные начала, установленные нами со времени завоевания края, не упуская из виду, что Туркестан – колыбель мусульманства – не может тяготеть искренно в сторону мира христианского и покоряется судьбе только под влиянием силы, которою и сдерживается от проявления своего фанатизма к "неверным".[1]

Здесь намечены, как видим, основные линии, по которым должна была итти колониальная политика правительства в Средней Азии. В области порядка управления края здесь курс старый – сохранять "основные начала, установленные нами со времени завоевания края", но в области политики хозяйственной здесь наряду со старым мы находим кое-что и новое. Старыми остаются уже известные из первой части линии: на горные богатства, она только здесь усиленно подчеркнута, и на "развитие" сельского хозяйства, т.е. иначе говоря на развертывание дальнейшей эксплуатации определенным образом развивающегося декханского хозяйства; но в то же время мы находим и новое: военное министерство говорит об орошении земель – вопрос становится актуальным – и подчеркивается далее колонизация.

Круг вопросов, подлежащих рассмотрению в этой части работы, сравнительно с предыдущим изложением, таким образом, несколько изменяется: к старым вопросам об аппарате, горном деле и торгово-ростовщической эксплуатации края, плюс примыкавшая сюда же торговля с Россией, теперь прибавляется два новых вопроса – орошение и колонизация. Не снимается, конечно, и вопрос о националь-

---

[1] Цитированная "Записка о государственных и общественно-экономических нуждах Туркестанского края", стр. 26-27.

но-освободительном движении. Приведенная же цитата будет для нас служить исходной точкой. Из нее мы видим, куда стремилось правительство в своей колониальной политике в Туркестане. Наше же изложение должно показать, чего на этом пути оно добилось, и куда привело развитие в крае тех самых противоречий, которые в основном оформились уже в XIX веке.

Начнем с аппарата.

1. Аппарат власти в крае в XX веке.

Источники. Выше, в главе об аппарате, мы все время ссылались на такой документ, как отчет о ревизии сенатора Гирса, в дополнение же к нему мы использовали, между прочим, и одно дело канцелярии генерал-губернатора с жалобами на злоупотребления местных властей. Здесь, за XX век, мы опять имеем очень хороший и к тому же неизмеримо более богатый фактическим материалом печатный источник – ревизию графа Палена, а вместе с тем можем использовать уже не одно, а целый ряд дел с прошениями на злоупотребления, как туземной администрации, так и русских чиновников. Эти два источника и лягут в основу этой главы. При этом мы уже здесь, несколько забегая вперед, можем заметить, что и изобилие фактического материала у Палена и большое количество дел с прошениями (за XIX век удалось найти в архиве только два таких дела, а за XX-й – 21) прежде всего объясняются большим расцветом того хищничества, которое было уже в XIX веке.

Выборы волостной администрации. С целью выяснения результатов политики правительства в вопросе о туземной власти Пален подробно обревизовал делопроизводство 20 кочевых и 9 оседлых волостей. Это и дало Палену тот фактический материал, на который мы будем ссылаться.

Порядок и бытовая сторона выборов, администрации и суда остались те же, что и в 80-х г.г., с тою только разницей, что сейчас расходы на выборы, как видно по всему, сильно возросли, а вместе с этим, конечно, возросли и поборы.

Вот паленовское описание выборов в кочевом районе.

"В волостях, заселенных *киргизами* разных родов, а таких волостей большинство, главари каждого родового отделения выставляют кандидатуру своих родовичей. Обыкновенно образуются в таких волостях две крупные партии, а иногда и три"... и начинается борьба. Если третья партия слабее и не имеет шансов на проведение своего кандидата, то... "она заботится, главным образом, об извлечении из выборов материальных выгод, а вместе с тем об установлении дружеских отношений с партией, одержавшею верх верх". Борьба развертывается тогда между сильными партиями за завоевание на свою сторону слабой, чтобы получить перевес над соперником. При этом: "обыкновенно вопрос этот решается в пользу той стороны, которая может заплатить больше; но бывают случаи, хотя и весьма редко, когда одна из двух крупных партий, опасаясь победы другой, примыкает к самой малочисленной, лишь бы только не передать власть в руки противников. Чаще всего это происходит тогда, когда во главе третьей партии находится лицо, обладающее достаточными денежными средствами для того, чтобы возместить партии хотя часть понесенных ею на выборную агитацию расходов".

Но борьба за большинство идет не только по линии борьбы за третью партию. Пускаются в ход и другие "дозволенные и не дозволенные" средства, чтобы искусственно получить нужное количество кибиток: сюда относится образование новых кибиток, перечисление кибиток из одних аулов в другие и т.д.

"Все эти изменения так называемых аульных обществ производятся легко, так как между членами аула господ-

ствует полное согласие, и необходимые приговоры составляются без каких-либо возражений и пререканий. Впрочем и здесь не обходится без подкупа: всех более или менее влиятельных аксакалов главарям партии приходится одарить за оказываемые услуги.

"Гораздо труднее достигаются выборные цели в спорных аулах. Пускаются в ход не только все дозволенные, но и не дозволенные средства: прием новых членов, выделение новых кибиток, подкупы, подлоги в посемейных списках, заочное составление доверенности от имени отсутствующих членов общества, баранта (угон) скота, похищение женщин, запугивание и даже лишение свободы избирателей противной партии, или насильное недопущение их в место, назначенное для сбора данного съезда, наконец, ложное обвинение и фиктивные иски.

"Составление большинства в этих аулах чаще всего удается той партии, к которой принадлежит наличный волостной управитель, так как через него могут быть сделаны в посемейных списках необходимые исправления, например, приписка к семье одного из приверженцев данной партии лиц, нигде не приписанных, для выделения их в новые кибитки; при его же содействии могут быть составлены приемные приговоры на новых членов.

"Огромные средства затрачиваются на подкупы обеими партиями. Новые кибитки выделяются в самых широких размерах, так как каждая из сторон желает этим путем создать себе большинство. Наконец, если это не приводит к желаемому результату, то применяются указанные выше насильственные меры. Другая партия отвечает тем же и разгорается настоящая междоусобица, нередко с человеческими жертвами.

"Даже тогда, когда выясняется, что для одной из сторон дело проиграно, побежденная партия не успокаивается и прилагает все старания к тому, чтобы сорвать выборы и тем выиграть время для последней попытки спасти пар-

тийное дело. С этой целью затеваются драки, скоро превращающиеся в общие побоища, которые делают невозможным окончание выборов. Иногда страсти разгораются до того, что даже представители уездной администрации, присутствующие на выборах, не гарантированы от посягательств на личную их неприкосновенность. Такие печальные случаи имели, между прочим, место в Пржевальском уезде Семиреченской области, где несколько лет тому назад во время общего побоища уездному начальнику были нанесены удары нагайкой, а в 1909 г. та же участь постигла Атбашинского участкового начальника. В некоторые волости приходилось командировать на время выборов в распоряжение администрации казаков, без содействия которых не представлялось возможным закончить выборы".[1]

Мы имеем, таким образом, ожесточеннейшую борьбу за должность с бесчисленными подкупами и всевозможными махинациями по части составления нужного большинства.

Существует предрассудок, что ни о какой классовой борьбе в киргизских аулах, сохранивших родовой быт, до самой революции говорить вообще не приходится. Мы вернемся к этому вопросу еще в другой связи, здесь же заметим только, что описанная чиновниками паленовской ревизии борьба при выборах – есть *ожесточенная классовая борьба.*

Богатым родовичам не было бы никакой возможности вовлекать в эту борьбу массы, если бы здесь не было элементов борьбы этой массы против эксплуатации администрации.

"Группирующиеся около соискателей той или иной общественной должности избиратели прекрасно знают, что в случае поражения они не могут рассчитывать на пощаду со стороны победителей и что они в течение трехлетия дол-

---

[1] Отчет по ревизии Палена. Сельское управление: русское и туземное. стр. 96-100.

жны будут терпеть всевозможные притеснения со стороны враждебных им органов администрации и суда".[1]

Мы видим, таким образом, что масса участвует в борьбе вовсе не из-за любви к своему родовичу, а чтобы отстоять себя от неудержимой эксплуатации "чужого" эксплуататора и получить некоторое облегчение от "своего".

Та же самая картина выборов и в районах оседлых.

"Среди туземного *оседлого* населения, имеющего в своей среде несколько влиятельных и более развитых лиц, желающих из корысти или честолюбия занять почетные в глазах народа должности управителей или народных судей, партии составляются путем подкупа. И между ними выборная борьба ведется не с меньшей ожесточенностью, чем у кочевников. Как там, так и здесь главную роль играют подкупы, предъявление межных исков и обвинений, драки и побоища, сопровождающиеся убийствами".

И здесь, как видим, те же самые подкупы, та же борьба главарей, а в этой борьбе и, конечно, по тем же мотивам, т.е. по мотивам *классовым,* участвуют массы.

Если источники XIX в. рассказывали, что расходы на выборы исчислялись тысячами, иногда достигая *десятка* тысяч, то паленовская ревизия уже говорит о *десятках* тысяч.

"Главы партии расходуют на подкупы и выборную агитацию огромные суммы, иногда доходящие до 40-50 тыс. рублей. И такими крупными денежными суммами партии редко располагают, поэтому деньги добываются за весьма высокие проценты у ростовщиков и, таким образом, весьма значительные средства уходят из волости в руки ловких спекулянтов, уменьшая благосостояние сельского населения".

Итак, совершенно очевидно, что борьба за административные должности идет сейчас еще более интенсивно, чем она шла в XIX в. Баи и манапы расходуют на выборы

[1] Там же, стр. 96.

еще большие суммы, чем они расходовали в XIX в. "Аппаратная" проблема обостряется.

Выборы народных судей.

Совершенно то же самое и с судами: "Воспитанные веками в принципах восточной деспотии, туземцы не могли понять и усвоить выгодных сторон выборного начала назначения судей. Возникли партийные интриги, приобрела самое широкое распространение система подкупа избирателей, и в судьи стали попадать не лучшие, а более ловкие люди, не соответствующие по своим назначениям и нравственным качествам знанию судьи и преследующие свои корыстные цели. В результате народный суд стал ареною "для сведения личных счетов и орудием эксплуатации населения его же избранниками, стремящимися за время своего нахождения в должности судьи вернуть с избытком подчас весьма крупные суммы, затраченные на выборную агитацию".[1]

Суд, как видим, совершенно не отстает от административной власти по части предвыборной борьбы и сопровождающих его подкупов и в результате является ничем иным, как "орудием эксплуатации населения".

Поборы волостных управителей и судей.

Остается теперь только несколько дополнить картину данными о том, как выборное "начальство" возвращает с избытком свои расходы при выборах.

"Как указано, победа на выборах обходится партии и в том числе избранным должностным лицам очень дорого. Естественно, что, заполучив власть, они стараются использовать ее прежде всего для возмещения расходов, понесенных как ими лично, так и главарями партии, обеспечившей им избрание. Поэтому в служебной практике выборных должностных лиц неуклонно соблюдается правило – да-

---

1 Отчет по ревизии Палена. Народные суды Туркестанского края. стр. 8.

ром не делать ничего, но за вознаграждение разрешать все. Кроме вознаграждения за услуги, законные и незаконные, весьма часто, преимущественно в киргизских волостях, они прибегают к взиманию различных поборов (чигын) с населения, под видом возмещения расходов понесенных будто бы на общественные надобности. На приобретаемые этим путем средства, туземные власти покупают себе содействие народного суда в делах против непокорных членов своего общества, не желающих поддерживать с ними добрых отношений.

"Туземцы, видя, что народный суд и туземная администрация идут руку об руку, и что русская власть не в силах помочь им, подчиняются этим поборам беспрекословно, так как знают, что в случае отказа их заставят при помощи сложных исков и обвинений уплатить не только вдвое, но и отбыть за непослушание тюремное заключение.

"Самой тяжелой для населения вид чигына – это сбор, производимый для возмещения расходов, понесенных главарями партий на выборы должностных лиц и доходящий иногда в кара-киргизских волостях до 20 и более рублей с кибитки. Кроме этого побора чигын взыскивается по самым ранообразным случаям, например, в виде дорожной повинности в вознаграждение за выставляемые приезжающему начальству юрты, за съеденных начальством баранов, за лошадей, за юрты для чрезвычайных съездов народных судей, за ведение судебных и других общественных дел в высших инстанциях и т.п. На все эти надобности собирается гораздо больше, чем в действительности израсходовано, и этот излишек, а часто и всю сумму, делят между собой немногие влиятельные туземцы и выборные должностные лица".[1]

К этой выписке абсолютно нечего прибавить. Тот же тезис, который защищался нами в первой части работы,

---

[1] Отчет по ревизии Палена. Сельское управление: русское и туземное, стр. 108-109.

здесь остается в полной силе, да к тому же в подчеркнутом виде. Волостной управитель чрезвычайно смахивает на маленького феодала в своей крохотной вотчине. Он облагает, взимает, грабит, ничего не делает даром. Его паразитическая эксплуатация разрушает хозяйство скотовода-дехканина.

А рядом с ним, с администратором, то же самое проделывает его сотоварищ – судья: "...Народные судьи снимают с бедного туземца последнюю рубаху, при чем страдательной стороной являются члены той партии, которая была против избрания данного народного судьи".[1]

Туземная администрация и суд на службе у туземного эксплуататора.

Паразитический эксплуататорский характер аппарата туземной власти и суда пред нами встает сейчас с полнейшей очевидностью. Такой правовой распорядок, если чему и соответствовал, то только "работе" героев "первоначального накопления". Это было прямое хищническое разграбление туркестанского земледельческо-скотоводческого хозяйства. Это последнее в своем развитии упиралось не только на эксплуатацию, но также и в невозможность иметь справедливый для правильных хозяйственных сделок суд и такую же, охраняющую хотя бы буржуазный порядок, власть. Вся эта власть охраняла только порядок хищнического разграбления накопленных скотоводами и дехканами ценностей: "зависимость управителей и старшин от кучки влиятельных лиц проходит красной нитью через всю их служебную деятельность и налагает на последнюю явный отпечаток пристрастия и несправедливости".[2]

И в другом месте:

---

[1] Отчет по ревизии Палена, Народные суды Туркестанского края, стр. 35.

[2] Ревизия Палена. Сельское управление: русское и туземное, стр. 108.

"Непригодный для проведения правительственных преобразований действующий сельский строй имеет еще и ту отрицательную сторону, что он задерживает экономический и политический рост местного населения. *Выборная система в киргизских районах дает прочную опору невежественному манапству, угнетающему народные массы: она обеспечивает кучке богатых и влиятельных лиц властную поддержку правительства в их борьбе за право взимать с беднейшей части населения в свою пользу поборы и лишать их того земельного фонда, на который всякий киргиз, по закону, имеет право.* С другой стороны, эти беднейшие слои населения вынуждены держаться первобытных форм экономической жизни и не имеют возможности перейти от пастушеского быта к оседлому земледелию".[1]

И о судах:

"Таким образом, назначение народного суда – отправлять правосудие по обычаям на основах патриархального быта – выродилось *в лицеприятное служение со стороны судей хищническим инстинктам партийных главарей и угнетения народных масс*".[2]

Бай и манап имели много средств для того, чтобы эксплуатировать своих соотечественников; передача аульно-кишлачной власти и народного суда в их руки прибавляла к этим средствам еще одно могучее средство. Но факт наличия именно таких, а не других суда и власти имел своим следствием не только это. Отмечаемая в приведенных цитатах теснейшая связь и зависимость низового аппарата управления от байства и манапства является великолепным показателем того обстоятельства, что при нем было достаточно "вольготно" для бая и манапа затягивать в

[1] Там же, стр. 143-144. Курсив мой.

[2] Ревизия Палена. Народные суды Туркестанского края, стр. 42. Курсив мой.

свои сети скотовода и дехканина. Эта власть была родная и близкая ему власть. Ее деятельность в основном, конечно, была деятельностью низового аппарата русской власти, но деятельность эта в рамках возможного подчас сильно отклонялась от линии политики русского правительства, и отклонялась она в таких случаях в сторону интересов байства и манапства. Волостной управитель служил не только русской власти, но и своему собственному классу – байству и манапству – иногда даже против интересов русских.

И Пален это по своему великолепно понял. Он одновременно подчеркивает негодность аппарата туземного управления, как аппарата слишком близко связанного с туземными богачами, и отмечает быстрый рост туземной торгово-ростовщической буржуазии. А отсюда вполне логически он делает два практических вывода для политики правительства: замена волостной власти бая-манапа властью русского кулака-поселенца и борьба с ростовщическими операциями байства.

Линия на сохранение старых порядков управления, намеченная военным министерством в 1906 г., в результате ревизии колебнулась. С этого времени идет разработка вопроса о реорганизации власти в Туркестане, но революция прекратила ее на одном из последних этапов.

Выводы о туземной власти и суде.

Итак, и сейчас, для XX века, мы имеем полное право квалифицировать аппарат туземной власти, как аппарат паразитический, разрушавшей своей эксплуатацией хозяйство дехканина и скотовода. Эксплуататорские черты этого аппарата сейчас, в XX веке, выступают еще резче, чем в XIX-м. По своему типу эта эксплуатация была эксплуатацией феодальной. По своему характеру групповая борьба отдельных претендентов на административные и судебные должности очень похожа на борьбу феодалов за "уделы". Но в этой борьбе участвовала также и масса. Борьба этой последней, хотя и в чрезвычайно своеобразной

и искривленной форме, была тем не менее борьбой классовой. Она не объединяла классы против классов, она разъединяла классы. Борьба против эксплуатации "чужого" (из другой группы) эксплуататора была, в то же время, борьбой за "своего" (из своей группы) и не вместе со всеми угнетенными, а своей кучкой против (в том числе) "чужих" сотоварищей по классу. В этом ее своеобразие.

Этой своеобразностью партийной (классовой) борьбы определялось и отношение к ней русской власти. Центру выгодно было "разъединять и властвовать". И когда местной властью края после Андижанского восстания 98 г. взят был курс на назначение военного правителя, что усиливало, конечно власть русского чиновника, что, следовательно, выгодно было местному чиновничеству, то из центра был немедленно получен отбой – не назначать, а выбирать: не объединять, следовательно, всю дехканско-скотоводческую массу против своих и русских властителей, а разъединять и, следовательно, ослаблять. Поворот на пересмотр положения об управлении краем, как уже было отмечено[1] обозначился только десятком лет позже.

Особенность власти в районах, где не было групповой борьбы.

Но не легче, конечно, было и там, где не было этой ожесточенной групповой борьбы – имеется ввиду Закаспийская область – и где "руководителями судей и вдохновителями постановляемых решений являются участковые пристава, уездные начальники и их помощники, участвующие в заседаниях суда в качестве председателей".[2]

Там: "Оказывая авторитетом своего служебного положения весьма заметное влияние на решение народного суда они (т.е. перечисленные русские чиновники П.Г.) отнимают у этого примитивного органа правосудия его единствен-

---

1 Смотри цитированную в начале этой части работы записку военного министерства.

2 Пален, Народ. суды, стр. 156.

ное достоинство — непосредственную простоту и *заменяют ее собственным усмотрением быть может и доброжелательным, но не всегда справедливым, а главное изменчивым, зависящим от настроения и личного взгляда, а подчас и предубеждения*. Поставленный в такие условия суд только по ошибке или недоразумению может носить название суда, с которым у него нет ничего общего, кроме права постановлять решения, подлежащие принудительному исполнению".[1]

Словом, плохо и то, что власть в кишлаке-ауле была отдана в руки местного эксплуататора, не лучше и там, где над местным судом и администрацией была повседневная опека русского чиновника. Здесь совершенно исчезает всякий суд, а русский чиновник зато превращается в настоящего бека: "и уездные начальники, и участковые пристава это — те же беки, на деятельности которых построено управление названных владений" (т.е. Бухарского и Хивинского ханств, Персии и Афганистана) — аттестует Пален чиновничество Закаспийской области.[2]

Посмотрим теперь, как на этом новом промежутке времени обстояло дело с русским чиновным аппаратом.

Русский чиновный аппарат власти.

В 90-х г.г. XIX века было несколько циркуляров генерал-губернатора, категорически воспрещавших начальствующим лицам заниматься какими-бы то ни было коммерческими предприятиями. Это, конечно, должно было ослабить предпринимательскую деятельность чиновников, но это нисколько не ослабило их "деятельности" по взяточничеству и по дележу "прибылей" туземной власти.

Ревизия Палена старалась всеми мерами выгородить русского чиновника, рассеять то "широко распространенное мнение о крупных незаконных побочных доходах", ко-

---

[1] Ревизия Палена. Народные суды Туркестанского края, стр. 179-180. Курсив мой.

[2] Всеподданнейшая записка, ч. 11, стр. 8.

торое сложилось вокруг этого чиновника. С этой целью даже все жалобы, поступавшие ревизору, куда-то были припрятаны и совершенно не нашли никакого отражения в отчете. Нам придется, поэтому, для характерикстики этой стороны вопроса опираться по преимуществу на второй наш источник.

Но начнем все же с Палена, ибо и у него, несмотря на все старание смазать вопрос, крупица правды также проскользнула; тем ценнее и показательнее эта правда.

"Дурунский, Иолатанский и Пендинский пристава пользовались бесплатно не только трудом арестантов; также бесплатно или за ничтожное вознаграждение они заставляли работать на них туземцев, под видом выполнения натуральных повинностей. Так Иолатанский пристав почти ежедневно наряжал рабочих из местного населения, иногда в самую страдную пору, для рытья канав и исправления построек частного завода. Тому же приставу, для его личных нужд, жителями ежегодно в течение 5 дней доставлялись бесплатно дрова, причем пристав не платил даже за верблюдов. В случае отказа со стороны населения поставить рабочего и верблюда, пристав налагал на виновных штраф в 6 туманов или наряжал их на работу на 2 месяца, при чем в получении штрафа никаких расписок не выдавалось. Таким способом заготовлял пристав и дрова для школ, а заготовив вместо 15 вьюков, нужных для школ, 200 вьюков, излишек, отправлял в Асхабад на продажу.

"Дурунский пристав также ежегодно делал наряды от населения от 10 до 40 человек с аула на работу по использованию дороги из Бухардена на свою дачу. Дорога эта, постоянно размываемая сильными потоками, представляла большие трудности, и так как наряд совпал со страдною порою, то население нанимало рабочих, платя им от 80 коп. до 1 руб. в день.

"Рабочими от населения по наряду для себя пользовался и Пендинский пристав".[2] (Пален, стр. 151-152.)

Но почитаешь Палена, так кажется, что это было только в Закаспийской области, нигде в другом месте не наблюдалось. Жалобы же на администрацию показывают, что это было во всяком случае не только там. Трудно сказать, насколько это было распространено по краю.

Вот пример для Верненского уезда, вскрывающий явление того же порядка. Управитель Карамской волости в 1905 г. "в горячее время весенних полевых работ", "для доставки участковому приставу штабс-капитану Вирскому дров из селения Кикная в город Верный, принудил население выставить по две телеги с каждого пятидесятника (всего 85 подвод) с платой по 3 – 4 рубля за каждую, тогда как жалобщик не взялся бы добровольно выполнить этот наряд и за 15 рублей".

Но характернее всего то, что "и эта плата произведена"... "не управителем наличными деньгами, а за счет общества – путем зачета подати, предоставления не в очередь воды или увеличения на один год земельных наделов".[1]

То, что делал в свое время Кауфман в больших "генеральских"масштабах для своего конского завода, то делают здесь пристава для своих дач и "частных заводов" в масштабах обер-офицерских: они пользуются натуральной повинностью населения в своих интересах. Словно крепостники силою своей власти они заставляют туземца отдавать им свой труд, а если тот отказывается, то взамен получает штрафы или усиленную порцию трудовой повинности.

Взяточничество и спайка с туземным эксплуататором.

Но совершенно понятно, что "злоупотребления" натуральной повинностью это не главное из того, о чем здесь следует говорить. Взятки и поборы всевозможных видов, так сказать, если уж итти по линии довольно-таки рискованных сравнений, "оброк" в денежной форме, вот что для чиновника было главным.

---

[1] Дело канцел. Туркестанского генерал-губернатора № 90 – 1905 г. Отд. 1, ст.4, лист 7.

Иллюстрируем это на нескольких примерах из "жалоб".

Вот пристав второй части города Самарканда Зотоглов. Он получает 3000 рублей в месяц содержания с публичного дома. Это, очевидно, самый главный "доход". Но, кроме этого, у него масса и других источников. Начать хотя бы с того, что с "5 малолетних девиц" того же дома "за проживание и промысел" он получает по 50 рублей в месяц. С арестованного без всякой причины в номерах гостиницы туземца-кутилы за освобождение он получил 50 рублей. С набуянивших в том же доме 2-х туземцев под угрозой закрыть в назначенный день все публичные дома своей части от шести домовладельцев в общей сложности получил 2250 рублей и т.д. и т.д. Всех фактов не перечисляем потому, что в данном документе они очень однообразны.

Вот "полицмейстер Старого Маргелана полковник Пахотин", который "ведет тесную дружбу с ростовщиками, казиями, базарными депутатами и аксакалами, дающими ему ссуду под векселя и расписки". Он же "ежегодно по несколько раз выезжает на базар для сбора с лавочников денег, которые собираются под разными предлогами базарными депутатами и аксакалами и тут же передаются полицмейстеру".

Само собой разумеется, что так тесно связанный экономически с аксакалами и казиями Пахотин должен им во всем покровительствовать: "Все жалобы, приносимые на аксакалов и казиев лично ему или по почте, уничтожаются им, полицмейстером, без всякого расследования, и таковые жалобы даже не заносятся и в настольный журнал. Жалобы на незаконные действия и произвол тех же должностных лиц, подаваемые военному губернатору или другим начальствующим лицам, благодаря пристрастному отношению к делу того же полицмейстера, остаются без последствий, так как последний, не производя по существу дела дознания, каждый раз возвращает таковые жалобы с своим личным заключением в пользу должностных лиц".

Под рукою у Пахотина имеется пристав Юдин, у которого "ни одного дела без взятки" ... "не разрешается", и который состоит в "неоплатном долгу", "должен многим туземцам и долгов не платит"... Пахотин ему покровительствует: "Все жалобы, приносимые на злоупотребления означенного Юдина, названный полицмейстер направляет для расследования тому же Юдину, благодаря чему ни одна жалоба обиженных туземцев не приводит к справедливому разрешению дела".[1]

Вот начальник Маргеланского уезда полковник Домбровский, который в 1903 и 1904 г.г. "умышленно" установил поборы с населения, "под видом мирской денежной повинности на уплату за служебные книги и бланки для туземных должностных лиц", собрал этим способом "около 7.000 рублей" и присвоил на свои нужды.

Вот полицейский пристав города Ура-Тюбэ поручик Коробка. Он во время расследования его дела был должен жителям города Ура-Тюбэ 2300 рублей. Это только та сумма, которую "кредиторы" осмелились назвать. А получил он этот "кредит" следующими приемами. Рассказывает один из кредиторов Вали-Джан-Халимджанбаев: "Год с лишним тому назад" он "был арестован на 14 суток по распоряжению поручика Коробка за то, что, приехав в город, привязал своего ишака к столбу на улице, что было воспрещено. Во время содержания его под арестом к нему зашел туземец Магзамхан и от имени пристава попросил взаймы 100 рублей. Он выразил на это свое согласие и в тот же день (на другой после ареста) был освобожден. Затем он внес требуемую сумму поручику Коробка и получил от последнего вексель". И автор документа дальше продолжает: "Приведенный случай не является вовсе исключительным, и арест на 14 суток практикуется поручи-

---

1 Дело канц. Турк. генерал-губернатора № 28 – 1910 г. Отд.1 ст. 4. лист 23-24.

ком Коробка довольно широко, как я мог убедиться из книги постановлений об аресте".[1]

Эту вереницу можно бы еще сильно удлинить, но нам кажется, что и этого достаточно. Не можем только удержаться, чтобы не рассказать о "деятельности" того самого Пржевальского уездного начальника, о котором в одной из приведенных выше цитат из Палена сказано, что ему во время перевыборов туземной администрации "были нанесены удары нагайками". Это тем более интересно, что наш документ вскрывает подлинную причину такого невежливого обращения жителей Пржевальского уезда со своим начальником.

Полковник Иванов, о нем идет речь, действовал совместно со своим переводчиком Кучуковым. Они каждый год устраивают "охоту на диких коз", которая тяжелым бременем ложилась на жителей уезда. "Охота эта начинается облавой при помощи 30 – 40 конных объезчиков и продолжается несколько дней. Не мало мы несем расходов по угощению уездного начальника с его свитой во время этой охоты, покупая на свой счет дорогих вин: красных и белых сортов, закусок из рыб и всякие другие сладости, какими питаются высокопоставленные лица". Они произвели "сбор с народа хороших кобылиц для случки с казенными жеребцами. Впоследствии кобылиц этих присвоил себе начальник уезда и переводчик, не заплатив за них никому ни одной копейки". Но главная "специальность" у Кучукова и Иванова это, повидимому, взятки во время выборов туземной администрации и вообще взятки с волостных управителей и с казиев. Во время выборов они, как это полагалось и по закону, выезжали на места и "каждый раз" "возвращались из таких поездок с деньгами свыше 20.000 рублей, сообща набранных ими во время выборов с соискателей должности волостного управителя в народе".

---

[1] Дело канц. Турк. генер.-губ. № 32 – 1906 г., Отд.1,ст,4,лист 3-4.

А дальше идут конкретные примеры взяток с выбираемых управителей: в Тунской волости взяли "2.000 рублей и двух лошадей", в Джетыугузской волости "2.500 рублей" и лошадь "рыжей масти", в Кенсуйской волости – 1.000 рублей и т.д. "Словом", продолжают авторы прошения: "они берут с каждого волостного управителя не менее одной тысячи рублей. Должность волостного управителя они, можно сказать, отдают с торгов: кто даст больше денег, тот и попадет в волостные управители".

На ежегодные "чрезвычайные съезды народных судей в Пржевальском уезде" назначаются "только те судьи, по одному из каждой волости, которые вносят за это назначение по 100 рублей начальнику уезда и его переводчику".

И вот за поборы во время перевыборов и попало полковнику Иванову в 1903 году в Тунской волости. Там перед выборами боролись кандидаты двух партий. Наши "герои" использовали это положение тем, что "брали в одно время деньги, как с одной, так и с другой стороны", Это привело "к драке между этими партиями, в которой был ранен в голову поименованный выше переводчик и побит нагайкой (5 или 6 ударами) начальник уезда".[1]

Пример с полковником Ивановым подводит нас вплотную к вопросу о спайке между туземной администрацией и судом и русским чиновным аппаратом власти. Волостные управители и судьи за право обирать народ дают солидную дань своим русским патронам, делятся с ними "результатами трудов своих" и действуют после этого совершенно свободно.

Наш источник и по этому вопросу дает достаточно примеров. Вот некторые из них.

Джетысуйская волость Сыр-Дарьинской Области. Туземная администрация этой волости "совершила ряд незаконных поборов с населения", а "участковый пристав

---

[1] Дело канц. Турк. генер.-губ. № 28 – 1906 г. Отд.1,ст.4, лист 12-13.

штабс-ротмистр Боборыкин, к которому обращались за защитой жалобщики, посадил одного из свидетелей под арест без всякой вины с его стороны". Кроме того, следствием подтвердился "намек на то, что повар (! П.Г.) того же пристава, имея большое влияние на дела, входит в незаконные сделки с администрацией".[1]

Джулекский пристав Перовского уезда. О нем в прошении заявляется: "Пристав находится в дружбе с управителем Приреченской волости Абдурхаимом Палибаевым; они оба, как друзья, составляют одну кампанию, делая друг другу имущественные подарки". И указывается на побои приставом жалобщика за то, что тот посмел подать прошение за злоупотребления волостного управителя.[2]

Исфарийский волостной управитель Ходженского уезда. Он "доставляет из Ходжента приставу пиво, водку, хлеб и другие продукты, благодаря чему пристав ему покровительствует, а волостной делает доносы на тех людей, которых он почему-либо ненавидит, и последние без всякого расследования арестовываются приставом". Кроме того, тот же пристав не выдавал жалованья волуправителям и некоторым полицейским чинам; входя с певрым в сделку, оставлял без разбора вопиющие дела, брал у судей деньги и т.д."[3]

Факт торговли должностями волостных управителей не отрицается впрочем и ревизией Палена. На странице 151 цитированного выше тома "Ревизии" – "Уездное Управление" – указывается, что в Закаспийской области за утверждение волостного управителя русская администрация получала от 200 до 2000 рублей.

Характерно – и это нужно также отметить, – что взяточничество шло не только по линии обирания туземцев, но также, конечно, и по линии взяток при обслуживании

---

1 Дело канц. Турк. генер.-губ. № 37 – 1906 г. Отд. 1, ст. 4.

2 Дело канц. Турк. генер.-губ. № 42 – 1905 г. Отд. 1, ст. 4, лист 10.

3 Дело канц. Турк. генер.-губ. № 61 – 1903 г. Отд. 1, ст. 4, лист 4.

нужд русской буржуазии. Паленовская ревизия обнаружила, что по коренным областям и Семиречью за 8 первых лет XX века при выдаче дозволительных свидетельств на разведки горных богатств было выдано с нарушением закона 52 % свидетельств, а по Закаспийской области даже 88 %. Нарушения происходили, конечно, не бесплатно.

Таким образом, несмотря на уверения ревизии Палена о бедности и скудности жизни туркестанского чиновничества, о ложности "широко распространенного мнения о крупных незаконных побочных доходах" русских чиновников, мы должны все же сказать, что это мнение не было преувеличенным. Наряду с туземным героем первоначального накопления не отставал и чиновник. Нужно только заметить, что первый, как правило, тотчас же превращал свои поступления в торгово-ростощический капитал, второй же, стесненный несколько уже упомянутыми циркулярами генерал-губернатора, воспрещавшими чиновникам участвовать в ростовщичестве и скупках, скорее проживал свои "доходы" "по-барски", чем пускал их в дело. Многие использовали "сбережения" на покупку домов, земель и т.д.

Взяточничество и дележ "добычи" с туземной администрацией сильно спаивали интересы чиновника с интересами туземных эксплуататоров. Эта спайка сказывалась иногда настолько сильно, что подчас чиновники в бюрократической переписке, да частично и в своей деятельности, начинали защищать интересы буржуазии туземной против интересов буржуазии русской, что вызывало сильное раздражение в Петербурге.

Совершенно ясно теперь, что характер властвования русского чиновника в крае и теперь, в XX веке, остался тем же, чем он был в предыдущий период. Мы имеем как бесчисленные самоличные поборы и взяточничество, так и теснейшую спайку с местным эксплуататором по дележу результатов его эксплуатации. Русский чиновник по-прежнему остается героем первоначального накопления. Мы мо-

жем только констатировать, что, в отличие от XIX в., все это хищничество, взятки и поборы получили гораздо более широкий размах и приняли значительно более острые формы.

Подати. Не уменьшились, а как раз возросли и подати с населения, шедшие на содержание чиновного аппарата. Мы помним, что в XIX веке Туркестан сводил свой бюджет с дефицитом. Теперь этот "непорядок" был изжит: с 1906 г. край начинает давать прибыль.

Но цена этого "успеха" для населения, как легко догадаться, была, конечно, весьма солидной.

Такой официальный документ, как "Журнал Совещания податных инспекторов Ферганской области 10-12 октября 1914 г"[1] дает следующую справку о размере налоговой тяжести в крае ко времени работы этого совещания:

	Миллионы рублей		На 1 жителя в руб. и копейках.	
Обыкновенные налоги	По 3 коренным областям Туркестана.	По всей империи	По 3 коренным областям Туркестана.	По всей империи
Налоги поземельные на недвижимое имущество, подати	7,0	80,6	1 р.35 к.	45 к.
Промысловый налог.	0,9	132,3	17 к.	73 к.
Питейный налог и винная монополия	2,3	873,6	44 к.	4 р.82 к.
Пошлины гербовые, судебные, канцелярские.	1,5	101,6	23 к.	56 к.
Пошлины с переходящих имуществ	04	44,5	7 к.	25 к.
Почтовый и телеграфный доход	1,4	110,7	26 к.	61 к.
	13,5	1343,3	2 р. 72 к.	7р. 42 к.

[1] Дело Управл. Пересел. делом в Сыр-Дарьинском районе № 82 – 1915 г. лист 3.

Таблица эта может помочь, конечно, какому-либо либералу делать сногсшибательные выводы о том, что край был "облагодетельствован" Россией: при среднем налоге 7 р. 42 к. с человека по всей империи, коренные области Туркестана платят только 2 р. 72 к. Но иллюзия, конечно, рассеивается в тот же час, когда вы сравниваете поземельный налог во всей России и налог в Туркестане, т.е. делаете единственно законное, в данном случае, сравнение. Поземельный налог в Туркестане оказывается ровно в три раза выше, чем тот же налог по империи. Край избавлялся от такого рода налога, как питейный, край давал ничтожные цифры такого рода налогов, которые вытекали из промышленного характера коренной России и отдувалось за все это хозяйство дехканина. Налоговый пресс на дехканина остался могучим прессом и сейчас, в XX веке, гораздо более могучим, чем даже пресс на русского крестьянина в империи. Правительство могло торжествовать успех: за 5 бездефицитных лет 1906-1911 г.г. чистая прибыль края по данным Туркестанской казенной палаты исчислялась в 9.868.412 руб.

Не беда, что от этого нищало население и с каждым сезоном сбора податей русские и туземные ростовщики все больше и больше забирали в свои руки скотовода и дехканина – это "цивилизаторов" трогало очень мало, "доход" же, конечно, был для них явлением утешительным.

Почти не стоит далее добавлять, что, несмотря на это колоссальное напряжение своей налогоплатежной силы, край все же не получал удовлетворения своих насущных общественных нужд – просвещение, медицинская, агрономическая и т.п. помощь: подати тратились на русский чиновный аппарат и на русские войска, т.е. на аппарат угнетения края, отмеченные же излишки уходили в коренную Россию. Край же, как и прежде, оставался без школ, без врача, ветеринара и агронома, с поголовной безграмотностью, с баснословным распространением всякого рода болезней.

Заключение главы.

Мы разобрали, таким образом, один из вопросов, намеченных нами в самом начале, — вопросе о характере административного аппарата управлением краем. Аппарат в XX веке остается таким же военно-полицейским, эксплуататорско-паразитическим аппаратом, каким он был и до сих пор. Заметно нарастали только размеры его произвола и поборов. Спайка между русским чиновником и туземным эксплуататором в основном осталась старой.

Противоречие между ростом народного хозяйства и теми сдвигами, которые происходили там, с одной стороны, и аппаратом управления краем, — с другой, были настолько велики, что их подчеркивает даже сам Пален.

"При первом же соприкосновении с действительностью пришлось установить два следующие основные положения: 1) чрезвычайно быстрый рост края в отношении экономического развития и 2) недостаточное соответствие действующих ныне законоположений с современным хозяйственно-бытовым укладом населения".[1]

Пален говорит, как видим, только о законоположениях. Совершенно ясно, что нужно бы сказать о всей системе управления краем со всеми ее бытовыми и паразитическики-эксплуататорскими сторонами. В то время, когда хозяйство так или иначе развивается, двигается вперед, паразитический аппарат власти остается и в своей структуре и по своему духу и характеру неподвижным. Росла необходимость взорвать этот аппарат силой революции, чтобы дать простор развитию хозяйства. Направление политики военного министерства на сохранение старого порядка управления привело к обострению противоречий между потребностями развития народного хозяйства и аппаратом управления краем.

---

[1] Ревизия Палена. Материалы к характеристике народн. хозяйства ч. 1, стр. IV.

2. Промышленность края.

Следующий вопрос, подлежащий нашему рассмотрению, это вопрос о горных богатствах. Цитированная выше записка военного министерства сильно подчеркивала необходимость "широко использовать горные богатства края". В этой главе нам и предстоит посмотреть, насколько велики были успехи правительства в этом направлении. Но вопрос о разработке горных богатств был в то же время вопросом о вывозе в Туркестан капиталов. Этот же последний является вопросом о промышленном развитии края вообще. Будет, поэтому, совершенно правильно, если мы, вместо узкого вопроса о горном деле, рассмотрим здесь вопрос о всей промышленности, а в том числе, следовательно, и о горном деле.

Правительство о промышленном развитии края.

В настоящее время довольно широко распространено мнение, что царское правительство вело систематическую политику против развития городской машинной индустрии в крае. Нам кажется, что это мнение не имеет под собой никакой положительной почвы.

Во всеподданнейшем докладе генерал-губернатора о положении дел в крае в 1909 г. мы находим целый раздел, который посвящается вопросу о насаждении русской промышленности в крае. Он рассматривает вопрос под углом зрения интересов русской колонизации.

Обрисовав затруднения с земледельческой колонизацией в виду недостатка земельного фонда, генерал-губернатор далее продолжает:

"Но так как в Туркестане имеются все условия для развития обрабатывающей промышленности и вывозной и внутренней торговли, будущность страны и колонизация ее в весьма значительной мере зависят от русских промышленников, предпринимателей, торговцев и представителей

русской культуры в широком смысле этого слова. Насаждение в крае русской промышленности, фабрик, заводов, частных и правительственных русских школ и просветительных учреждений могли бы обеспечить в ближайшем будущем заселение края русскими людьми и главенство их среди туземных народностей".

Мы имеем, таким образом, совершенно четкую установку на "насаждение в крае русской промышленности, фабрик, заводов"..., но эта установка, конечно, не является установкой ради промышленности: цель — колонизация, "заселение края русскими людьми и главенство их в среде туземных народов", а промышленность только средство, но тем не менее мы никак не можем сказать, что политика генерал-губернатора направлена против насаждения фабрик.

И надо заметить, что эта линия получила полнейшее одобрение центра. Сам Николай II против соответствующего места доклада написал резолюцию в том смысле, чтобы всячески поощрять русское предпринимательство в крае и ни в коем случае не пускать в край иностранцев и евреев.

Граф Витте еще в 1901 г. тоже по поводу вопроса о колонизации края развивал точно такую же программу. Он был против земледельческой колонизации, ибо это разрушало хлопковое хозяйство, но зато он стоял за развитие русской промышленности в крае и за колонизацию путем развития промышленности.

Русская буржуазия и вывоз капиталов.

Но чрезвычайно характерно, что сама русская буржуазия относилась к этому вопросу чрезвычайно холодно.

Милюков, в III-й госуд. думе, выступая по вопросу о Туркестанской политике, поет дифирамбы торговле с краем, но совершенно умалчивает о возможности ввоза в край русских капиталов в промышленной форме.

"...Наша истинная национальная задача в Туркестанском крае заключается в поддержке тех добрых отноше-

ний с местным населением, которые уже оказали нам огромные услуги".

И далее:

"На другой день после кровопролитных битв в стан вчерашних врагов смело являются торговцы припасами и на каком-то непонятном языке умеют объяснить друг другу все, что нужно. Русские колонизаторы дороги для Азии тем, что умеют установить практический легкий способ обращения между собой и завоеванным населением. Вот, господа, чего наши друзья в Европе ждут от нас и в дальнейшем – и чего боятся наши враги"...[1]

Для Милюкова важно, во-первых, чтобы иметь мир в крае, конечно, для того, чтобы спокойно получать оттуда сырье – в основном это хлопок, для него важно, во вторых, мирное и широкое развитие торговли: край интересует его, как рынок.

Но у Милюкова нет *"в-третьих"*, нет совершенно того, о чем говорит Витте, о чем распространялся генерал-губернатор – для него нет вопроса о вывозе русских капиталов.

Вопрос о вывозе капиталов нельзя, таким образом, ставить в той плоскости, что якобы русская власть из страха пред развитием в крае "язвы пролетариатства" шла против основания промышленных предприятий. Правительство понимало этот вопрос как раз в обратном смысле. Вывоз капиталов для него означал широкую колонизацию, умножение русского населения края, следовательно, укрепление русского господства, а не ослабление. Капиталы не только пускали, но даже приглашали, но они не шли, потому что этого не хотели обладатели этих капиталов. Ответ же на вопрос: почему не хотели, кроется в общеизвестном сейчас факте – недостаток капиталов в России. Россия сама была районом ввоза капиталов.

---

[1] Вопросы колонизации № 9, стр. 315.

Ввоз в край иностранных капиталов.

Конечно, иностранные капиталы, приливавшие в Россию, могли бы приливать и в Среднюю Азию, но их туда пускали чрезвычайно туго.

"Естественные богатства Туркестана, далеко еще не использованные, главным образом, вследствие недостаточно развившейся русской предприимчивости, отчасти же вследствие отдаленности края, который не был связан с внутренней Россией непрерывным рельсовым путем, привлекали неизменное внимание иностранных капиталистов, ищущих мест выгодного помещения своих средств. Со своей стороны, правительство, в постоянной заботе о развитии в средне-азиатской окраине русской промышленности и русской торговли, настойчиво противилось проникновению в край иностранных и еврейских капиталов, и потому большинство весьма многочисленных ходатайств различных иностранных предпринимателей о допущении их в Туркестанские области с промышленной целью были отклоняемы. Весьма редкие изъятия делались для тех обществ, операции коих по существу своему не носили характера чисто-иностранного предприятия, когда участниками их являлись, в известной мере, и русские капиталисты. Ныне, с развитием железно-дорожных сообщений и особенно с окончанием постройки Оренбург-Ташкентской жел. дороги, Туркестан несомненно начнет развиваться еще более в торговом и промышленном отношениях, привлечет к разработке своих естественных богатств и русский капитал и русские технические силы и послужит богатым рынком для сбыта наших русских фабрикатов, к которым туркестанский туземец уже давно привык. Поэтому, именно теперь необходимо, в видах предусмотрительности и государственной пользы, сохранить исключительно за русскими подданными возможность пользоваться богатствами края, к развитию отечественной промышленности и созданию благприятных условий подъема материального благо-

состояния туземцев и коренных русских людей. Поддержание доктрины — Туркестан для русских — может привести к самым положительным результатам, сохраняя всегда полезное значение в политическом отношении. Если до настоящего времени этот принцип не нарушился, несмотря на кажущуюся убыточность для нас молодой окраины, то ныне, когда экономическое развитие края идет быстро вперед, отступать от принятой системы невыгодно с государственной точки зрения".[1]

Россия, как видим, сидела в Туркестане словно собака на сене — ни себе, ни другим. Сама не может достаточно использовать край, "вследствие недостаточно развившейся русской предприимчивости", и иностранцев не пускает, ибо "с государственной точки зрения" выгодно "поддержание доктрины — Туркестан для русских".

Туркестанский край, таким образом, страдал не только от того, что он был колонией и был подвержен интенсивной колониальной эксплуатации, он страдал также еще и потому, что он был колонией отсталой страны — России. Тот незначительный прилив капиталов, который имел все же место в изучаемый период, почти целиком был приливом иностранного капитала, кое-как преодолевавшего поставленные ему преграды. Челекенские нефтяные промыслы принадлежали англичанам и немцам. Англичане проникали также и в Ферганский нефтяной район.

Горное дело.

В 1908 г. состояние горного дела по 4-м областям края (Сыр-Дарьинская, Самаркандская, Ферганская и Семиреченская) рисуется в следующих величинах:[2]

---

1 Цитированная записка о госуд. и общественно-экономич. нуждах Туркестанского края, стр. 4.

2 "Ревизия" Палена. Горное дело.

Название предприятий	Число рабочих рук	Добыча в пудах	Продано на сумму	Примечания
Каменно-угольн.копи	436	1.647.734	151.650	
Нефтяные промыслы	412	2.755.766	802.594	
Золотые прииски	—	—	—	
Медные рудники	117	52.360	27.150	
Асфальтовые ломки	13	16.000	1.660	
Озекиритовые ломки	8	25.800	1.700	
Серные рудники	1	1.200	400	Чистая сера
Соляные источники	14	338.250	—	

Рабочие, занятые в деле, исчисляются даже не тысячами, а только единицами, десятками и сотнями. Продукция только по нефти приближается к первому миллиону рублей и по каменному углю достигает 1,5 сотен тысяч, а по остальным областям продукция так и остается копсечной продукцией.

Как и в 1903 году, так и сейчас Закаспийская область по размерам горной промышленности стояла значительно выше остальных областей края. В 1907 г. здесь добыто: нефти 767.242 пуда, плюс 14.900 пудов озекирита и 3,15 миллионов пудов соли. Но и это в сравнении с общим размером продукции всей горной промышленности России составляло величину очень незначительную. Достаточно напомнить, что в том же 1907 году общая добыча нефти по России достигала 476,5 мил. пудов.

За пятилетие с 1908 по 1913 г. мы имеем по некоторым отраслям горного дела довольно значительный рост; каменного угля, например, в одной Ферганской области в 1913 году добывалось 5.406.858 пудов, т.е. примерно в 3 с лишним раза больше, чем в 1908 году по 4-м областям края. Нефти там же в том же году добывалось 1.447.988 п. по Закаспийской области, на Челекене, в 1912 году нефти уже добывалось 14.594.117 п. Правда, потом в 13 и 14 годах, в силу истощения челекенских нефтяных источников,

добыча эта снижается, но, несмотря на это, добыча все-таки остается в сравнении с 1908 г. очень большой.[1] Тем не менее, горная промышленность края, несмотря даже на этот как будто значительный подъем, не достигла сколько-нибудь значительных размеров. Туркестан по-прежнему остается в основном колонией, дающей сырье для текстильной промышленности, для тяжелой же промышленности почти не представляет никакого интереса.

Обрабатывающая промышленность.

Обрабатывающая промышленность была, конечно, в том же положении, как и промышленность горная, если не сказать еще больше.

Здесь лучшие данные это, конечно, данные Заорской и Александер.

Ими обследовано 4 области (Сыр-Дарьинская, Самаркандская, Ферганская и Семиреченская), за исключением Аму-Дарьинского отдела и Копальского, Джаркенского и Лепсинского уездов Семиреченской области. Охвачены, таким образом, наиболее промышленные районы. В подсчет входили предприятия с двигателем и не менее как 10-ю чел. рабочих. Только в виде исключения предприятия, имеющие краевое значение, подсчитывались независимо от их размеров. На 1 января 1914 г. они насчитали всего по краю 706 предприятий с общим количеством рабочих 20.925 человек. В среднем на одно предприятие это составит 29,8 человек.

Мы имеем, таким образом, чрезвычайную ничтожность количества предприятий вообще и чрезвычайно мелкий размах этих предприятий.

Но важно, конечно, не только это, важен также характер предприятий; важно то, что основная масса предприятий занимается вовсе не производством фабрикатов, а только подготовкой сырья на вывоз из края.

---

[1] Данные обзоров областей.

Вот список тех заводов, которые занимаются исключительно этим делом

Наименование производств	Число предприятий	Процент по отношению к общему числу зарегистрированных предприятий
Хлопкоочистительн. заводов	197	27,9
Кожевенных.	72	10,2
Кишечно-очистительных. . . .	18	2,6
Шерстомоек.	18	2,6
	305	43,3

43,3 % заведений, как видим, заняты исключительно подготовкой сырья на вывоз.

Но если мы посмотрим далее весь список заведений цитируемого источника, то мы не найдем среди них почти ни одного предприятия, фабрикаты которого могли бы конкурировать с ввозными фабрикатами России. В списке подавляющее большинство предприятий, обслуживающих те местные нужды, которые не могут быть обслужены фабрикатом из России. Среди них главнейшее место занимают следующие производства: 46 мельниц, 33 электрических станций, 40 заведений минеральных вод, 30 типографий, 19 хлопко-маслобойных заводов, 11 дренажных заводов, 20 кирпичных и т.д.

Русская промышленность не имела конкурентов в Туркестане. Такая промышленность в Средней Азии, если и могла развиваться, то только благодаря приливу русских капиталов, но такого прилива не было. Всякие же зародыши местной индустрии, вступившей в конкуренцию с русскими фабрикатами, немедленно погибали в этой конкуренции.

Положение русского пролетариата в крае.

Следует в заключение еще отметить два очень важных для понимания будущей революции явления. Это — первое: те 21 тыс. рабочих, которые работали на подсчитан-

ных предприятиях, группировались вокруг железных дорог.

По всему краю количество заводов (в %%), отстоящих от железнодорожной станции будет:

От 0 до 5 в.	От 5 до 10 в.	От 10 до 50	Свыше 50	Всего
51,6	16,1	13,3	19,0	100

Совершенно не случайно, конечно, что базой пролетарской революции в крае были железные дороги. Сгруппированный на дорогах железнодорожный пролетариат имел также вокруг себя довольно сильный отряд промышленного пролетариата — 20 тысяч человек при 7 — 8 милл. населения, конечно, большая сила.

Второе: русские рабочие во всех этих предприятиях занимали место квалифицированных рабочих.

Категории рабочих	Русские	Узбеки	Киргизы	Таджики	Кашгарцы, дунгане, таранчи	Другие пришлые	Всего %
Рабочие по производству	20,2	69,0	5,4	0,4	1,3	3,7	100
по двигателю.....	79,9	13,0	0,4		0,2	6,5	100
ремонтные и по другим вспомогательным работам	70,3	21,0	3,0	—	0,4	5,3	100
Чернорабочие..................	13,2	50,5	1,7	24,4	2,1	8,1	100
Работающие на стороне...	19,5	49,5	12,7		2,5	15,8	100

Наиболее квалифицированные работы, как видим, исполняются русскими, а среди чернорабочих русские составляют только 12 %, в то время когда туземцы — 86,8 %.

Насколько важно это последнее обстоятельство может показать следующее описание условий труда русских квалифицированных рабочих и неквалифицированных туземцев, взятое нами из ревизии Палена:

Контингент квалифицированных рабочих в Туркеста-

не, свидетельствует Ревизия, ..."крайне ограничен, а пополнение его кадрами рабочих из внутренних местностей империи сопряжено для владельцев промышленных предприятий с большими трудностями. Поэтому рабочие указанной категории отличаются высокой расценкой своего труда и более высокими требованиями по отношению к хозяйствам, в результате чего нигде, быть может, в империи владельцами не сделано рабочим в последние годы таких уступок, как здесь: рабочее время сокращено до минимальных размеров (в большинстве случаев до размеров 8-ми часового рабочего дня); право на полный отдых в праздничные дни и частичный отдых в предпраздничные использованы в самом полном объеме, причем и право самого определения праздничных дней рабочие присвоили отчасти себе. Далее пользование медицинской помощью за счет хозяев, плата за заработанные дни в случае внезапного без предупреждения расчета хозяевами, страхование и т.п. стороны рабочего быта получили в значительной степени свое осуществление; наконец, в некоторых предприятиях даже наем и увольнение рабочих, определение им размера жалованья, распределение между ними работ и проч. частности внутреннего распорядка производятся по соглашению с рабочими".

Но совершенно иное, конечно, было положение неквалифицированных туземцев. Эти рабочие... "отличаются низкой сравнительно расценкой своего труда, ограниченностью своих притязаний на праздничный отдых, которым они пользуются только по пятницам и в первый дни мусульманских праздников Байрама и Нового Года, и крайней нетребовательностью по отношению к хозяевам".

Вследствие этого "в противоположность рабочим первой категории" (т.е. русским) они "находятся в полной зависимости от хозяев, обычно никакой заботливости к их нуждам не проявляющих".

К ним ..."весьма туго прививаются и такие меропри-

ятия как страхование рабочих, ограждение машин приспособлениями, предупреждающими несчастные случаи, санитарное благоустройство и т.п."[1]

Положение русских квалифицированных рабочих было, как видим, неизмеримо лучше, чем положение неквалифицированных туземцев. Если даже допустить, что ревизия преувеличивает те уступки, которые были сделаны русским рабочим со стороны предпринимателей, то и тогда положение все же ни в коей мере нельзя считать равным. Это обстоятельство всегда нужно помнить при изучении революции в крае. Те колонизаторские шатания, какие наблюдались среди русских рабочих в крае в начале революции, имеют, как видим, под собою достаточно оснований.

Заключение главы. Вопрос о промышленности мы можем теперь закончить.

Мы видим, что Туркестанский край, будучи колонией отсталой страны, был также отсталой колонией, хотя бы по сравнению с такими колониальными странами, как Индия, Канада и т.д. Причиной тому было почти полное отсутствие ввоза в край капиталов в промышленной форме.

Результатов этого своеобразного положения края было два: первое, что в крае к революции 1917 г. туземная промышленная буржуазия была только в зародыше, причем это было скорее буржуазия мелкая, чем даже средняя.

И второе – слабость пролетариата.

Туземный пролетариат вообще был до мизерности слаб, сильнее был пролетариат русский – в первую очередь это железнодорожные рабочие. Но положение этого пролетариата было в значительной степени положением привилегированным. Особенно ярко это сказывалось на наиболее квалифицированной его части.

Из первого обстоятельства вытекает слабость такого

---

[1] Приложение к отчету по ревизии Палена. Материалы к характеристике народного хозяйства, ч. 1, отд. 11, стр. 332-334.

движения национальной буржуазии как туркестанский "джадидизм", а из второго – колонизаторские шатания русского пролетариата в первые годы революции.

3. Хлопковое хозяйство.

Рост хлопководства в XX веке и виды правительства.

Хлопководство Туркестана в XX веке сделало большие успехи. Посевная площадь хлопка поднялась с 234,3 тыс. десятин в 1900 г. до 533,7 д. в 1916 г., т.е. в 2 1/4 раза; Вывоз хлопка в Россию – с 5 милл. пудов в 1900 г. до 18,5 мил. пудов в 1915 году, т.е. в 3,7 раза; процент средне-азиатского хлопка в общем хлопковом потреблении России с 32,6% в 1900 г. до 54,9 % в 1913 г. и до 100 % в 1915 и 1916 г.г.[1]

Уже в начале XX века Туркестан окончательно сделался крупным хлопковым районом. Вдали уже рисовалась перспектива полного освобождения России от влияния мирового хлопкового рынка.

Стоял жесткий курс на монопольное обладание хлопком Туркестанского края. Когда в 1903 г. германская фирма Бишофф обратилась в Туркестан с запросом о возможности вывоза из края хлопка в Германию, то правительством без всяких оговорок было принято следующее заключение чиновника по сельско-хозяйственной и оброчной статьям при управлении земледелия и государственных имуществ в Туркестанском крае агронома Понятовского:

"...Продажа нашего волокна в Германию не желательна".

И мотивы:

"1) Нашего волокна не хватает еще и для наших фабрик;

"2) Хлопководство наше, созданное с большими

---

[1] Данные А. Демидова. "Экономические очерки хлопководства и хлопковой торговли".

жертвами со стороны коренного населения империи, *должно прежде всего обогащать русскую, а не иностранную промышленность.*

"3) В данное время Россия нуждается не в сбыте своего волокна, как сырья, а в рынках для своей мануфактуры и в этом отношении Германия является серьезным конкурентом".[1]

И министерство земледелия распорядилось:

"...В случае обращения каких-либо иностранных агентов к правительственным чинам по сельско-хозяйственной части в Туркестанском крае за помощью организации и развитию такового экспорта, оказание особого содействия в этом отношении представляется излишним".[2]

Туркестанский хлопок должен был "прежде всего обогащать русскую, а не иностранную промышленность". Вывоз в другие страны, поэтому, нежелателен. Как и горные богатства края хлопок тоже был, как видим, в монопольном владении, так называемых, "русских подданных".

Но монопольного обладания, конечно, было мало – это было только средство, цель же заключалась в том, чтобы, обладая краем, окончательно освободить себя от необходимости закупать хлопок за границей.

У Палена по этому поводу имеется следующее мечтательное место:

"Одно это (т.е. определенное количество туркестанского хлопка и соответствующий плюс в торговом балансе. П.Г.) – гворит Пален – уже дает стране громадный национальный доход, т.к. имея свой собственный внутренний хлопковый рынок, Россия не будет в зависимости от разных заграничных трестов и произвольных цен на хлопок, устанавливаемых лондонскими и американскими биржа-

---

1 Дело Управления земледелия и госуд. имуществ в Туркестанском крае № 31 – 1913 г. лист. 69. Курсив мой.

2 Там же, лист 84.

ми, а сама будет в состоянии тогда регулировать цены на него. Кроме того, затрачиваемые ныне на закупку заграничного хлопка деньги не уходили бы за границу, а остались внутри страны".[1]

Во всем этом рассуждении легко заметить два звена; оба они очень цепко связаны друг с другом, но все же это отдельные звенья. Звено первое это мечта о таком развитии хлопка, чтобы можно было совершенно избавиться от влияния мировых хлопковых цен и тогда регулировать, конечно, цены по усмотрению русской торговой и промышленной буржуазии; звено второе – постоянная нота в песне русского правительства по хлопковому вопросу – забота о торговом балансе.

Итак: курс правительства был, во-первых, на монопольное владение Туркестаном и, во-вторых, на освобождение от мирового хлопкового рынка во имя "своих" цен на хлопок. Первое, конечно, служило второму. Но если монопольное обладание уже было налицо, появилось как результат включения Туркестана в границы Российской империи, то "свои" цены не могли появиться еще вплоть до 1914 года включительно: этому мешали, как еще увидим, внутренние противоречия в развитии самого хлопкового хозяйства, которые сильнейшим образом тормозили это развитие. Только 1915-16 г.г. принесли "свои", нормированные цены. Они как раз и вытекали из этого вполне понятного курса правительства на освобождение из-под влияния мировых цен, но они пришли не в результате роста хлопкового вывоза из края, а в результате причин, ничего общего, конечно, с ростом хлопководства не имевших, – в результате войны. Война выключила Россию из мировых торговых связей. Неожиданно русская торговая буржуазия получила как раз то, чего ждала: от влияния мирового

---

[1] Ревизия Палена. Материалы к характеристике народного хозяйства, ч. 1, отд. 11, стр. 378-79.

рынка туркестанский хлопок сделался свободным, и "свои" цены появились немедленно.

Мы вскрыли, таким образом, характер того курса на развитие хлопкового хозяйства, о котором шла речь в цитированной во введении записке военного министерства: это был курс на активный торговый баланс и на "свои" цены. Мы видим также, что хлопководство за изучаемый период сделало большие успехи. Но чтобы ответить на вопрос: насколько близко все же подошло правительство к осуществлению своей мечты, нужно рассмотреть также *характер развития* самого хлопкового хозяйства – характера курса и абсолютных цифр развития здесь еще мало.

Рост хлопковой площади и торгово-ростовщические операции.

Хлопководство росло, но росло так, что каждый день роста все больше приближал предел возможностям этого роста.

"...Быстрый рост хлопчатки происходил вследствие относительной свободы в количестве орошенных земель, могущих быть отведенными под эту культуру. При этом техническое урегулирование и усовершенствование обработки земли и водопользования не имели места, и хозяйство велось хищнически. *Достигнув известного предела истощения земель и в качественном и в количественном отношении рост культуры хлопчатника неминуемо должен остановиться,* особенно в силу необходимости в плодосменной системе и в распределении работ в течение лета на разные культуры".[1]

Совершенно нечего прибавить к тому, что констатировано автором только что приведенной выписки. Укажем только на следующие чрезвычайно характерные данные: по требованиям агрономии для правильного ведения хлопкового хозяйства необходимо, чтобы под хлопок ежегодно занималось не более как 30 процентов орошенной площа-

---

[1] Туркестанское сельское хозяйство № 4 – 1911 г., стр. 176, статья И.М.Слуцкого. Курсив мой.

ди; между тем, в основном хлопковом районе – в Ферганской области – уже в 1910 г. хлопок занимал 31,1 % орошенных земель, а к войне он поднялся до 38,6.

Хлопководство катилось по тем же рельсам, на какие оно стало еще в XIX веке, – посевы расширялись почти исключительно только за счет вытеснения зерновых посевов. Но если в XIX веке простор для такого расширения хлопководства был еще чрезвычайно велик, то конец изучаемого периода дал такую предельную цифру хлопковой площади, за которой "рост культуры хлопчатника неминуемо должен остановиться".

И встает вопрос, почему же развитие идет именно за счет "свободы в количестве орошенных земель", но не за счет орошения новых?

Было два возможных пути для расширения этой задачи. Путь первый – орошение земель за счет ввоза капиталов из метрополии, путь второй – орошение за счет накопления внутри самого хлопкового хозяйства. Но путь первый по уже известным нам причинам был исключен; по крайней мере, до промышленного подъема 1910-14 годов капитал по недостатку в край не ввозился. Остается путь второй – это накопление в самом хлопковом хозяйстве. Но... не было и этого.

Вот таблица, которая самым ярким образом покажет, куда уплывали те средства, которые при иных обстоятельствах действительно могли бы пойти на новые оросительные работы, так и на интенсификацию хлопкового хозяйства.[1]

Области	Стоимость производства 1 п. хлопка	Стоимость кредита
Ферганская	1,85	2,77
Самаркандская	1,62	2,43
Ташкент	1,82	2,76
Закаспийская	2,00	3,00

[1] М.И.Малаховский. "Материалы для изучения хлопководства. С.П.Б. 1912. Данные вычисления финансовой комиссии Госуд. Думы.

Ростовщический кредит хлопкоробу стоил гораздо больше, чем само производство хлопка. При стоимости производства от 1,62 р. до 2 рублей стоимость кредита простирается от 2,43 до 3 рублей на пуд.

Насколько широко были развиты в изучаемый период ростовщические операции в крае, можно видеть из следующей таблицы, позаимствованной нами из "ревизии Палена".[1]

Волости	% хозяйств, прибегавших к кредиту	Средний размер долга
Долинные......	45,7	203 руб.
Долиностепные	27,5	88 ,,
Предгорья	40,3	129 ,,
Горные............	43,6	35 ,,
Всего..	42,0	175 ,,
Аму-Дарьинский отдел..................	–	–
Шураханский р-н	66,4	206 ,,
Чимбайский ,,	13,7	42 ,,
Вообще	50,0	192 ,,

Ростовщик оперировал по всем районам, но самый пышный цвет ростовщические операции дали как раз в хлопковых районах: долинные и долинностепные волости и Шураханский район Аму-Дарьинского отдела.

Ко всему этому нужно добавить те бесчисленные махинации по обиранию, которые практиковались при кредитовании: например, кредит совершенно ненужными дехканину товарами, но, конечно, по повышенной цене, и такие же махинации при скупке: обсчет, обвес, штрафы, скидки на "качество" и т.д.

---

1 Ревизия Палена. Материалы к характеристике народ. хозяйства, ч. I, отд. II, стр. 510.

Совершенно ясно, что через все эти дорожки уплывало такое количество прибавочного труда из подавляющей части дехканских хозяйств, что дехканство не могло, конечно, и мечтать о каком бы то ни было хозяйственном накоплении и об интенсивном развитии его хозяйства. Не до жиру — быть бы живу!..

Путем колоссального нарпяжения мускульной силы дехканство вырабатывало прибыли для ростовщика и скупщика и минимальное для себя пропитание. Шло не накопление, а прогрессивное разорение хлопкороба. Старые оросительные системы, созданные трудом предыдущих поколений, сверх всякой меры, с угрозой в конец истощить почву, нагружались интенсивной хлопковой культурой, весь же прибавочный труд закабаленного торгово-ростовщическому капиталу дехканства сейсас, в XX-м веке, шел в карманы ростовщика и скупщика.

Получая колоссальные прибыли, торгово-ростовщический капитал мечтал о еще более колоссальных, об освобождении от мирового рынка и о "своих" ценах. Но колоссальная прибыль сегодняшнего дня вырывала еще более колоссальную прибыль будущего; хищник подрубал сук, на котором сидел сам. Подрубание началось еще в XIX веке, но теперь оно дошло до предела. Сук грозил обломиться.

Но кто же, спрашивается, персонально был этот хищник? В чьи колоссальные эксплуататорские интересы уперлось развитие производительных сил хлопкового хозяйства?

Эксплуататорская система.

После того, что уже было сказано в первом очерке работы, легко догадаться, что и здесь речь будет итти о тех же 3-х звеньях эксплуататорской системы, какие мы имели, может быть, в недостаточно развитом виде, уже в XIX веке — это банки, русские хлопковые фирмы и туземный бай с системой собственной агентуры.

Звенья остались те же, но их "работа", вместе с ростом хлопководства, конечно, расширялась, получила гораздо большие размеры, а вместе с тем значительно изменился их удельный вес по отношению друг к другу.

Первое, что должно отметить – это колоссальный рост роли банков в кредитовании хлопковых операций:

"....Задолженность всего населения кредитным учреждениям края на 1 ноября 1912 года равнялась:

Долг Государственному банку 27.530.000

Долг частным банкам 129.182.000

Итого..............156.712.000[1]

В то же время задолженность хлопковым фирмам исчислялась примерно в 35.000.000 рубл.[2]

Задолженность банкам, таким образом, превышает задолженность фирмам примерно в 4 1/2 раза. И чрезвычайно важно, что банки сейчас не только кредитуют хлопковые фирмы – они работают также вполне самостоятельно. В основном эта работа велась при посредстве быстро растущей кредитной кооперации, в которой "водворилась система просвещенного кооперативного абсолютизма и такой степени опеки, которая превращала кредитные кооперативы не в организации самого населения, а в органы государственного банка под надзором инспекции мелкого кредита".[3]

Не без борьбы, однако, удалось банкам получить некоторый доступ к непосредственному кредитованию хлопкороба. В этом отношении в высшей степени характерно следующее место из докладной записки Ферганского военного губернатора о положении дел в Фергане к апрелю 1914 г.

---

1 А.Демидов. "Экономич. очерки хлопководства"... Изд. 26 г. стр. 125.

2 Там же – стр. 125.

3 В.Кильчевский "Сельско-хозяйственная кооперация в Туркестане". Народное Хоз. Ср. Азии № 2–3–1924 г. стр. 150.

"В 1904 году вышел, наконец, закон о мелком кредите, однако, общий для всей империи без присобления к особенностям нашей окраины. В результате получилось то, что Центральное Управление до сих пор, вот уже 10 лет, все еще колеблется и сомневается, можно ли применять мелкий кредит к Ферганской области. С 1911 года, во исполнение общих предуказаний нашего высокопревосходительства, я стал энергично нажимать на это дело и достиг того, что за три года моего управления создалось в Ферганской области до 170 учреждений мелкого кредита, но таковых требуется по примерному подсчету, по крайней мере, 1.200. Между тем, уже на втором году моей работы, когда возникло всего до 60 учреждений, Центральное Управление подало секретный лозунг "довольно". Это было сделано по докладу командированного сюда из Петербурга ревизора Евдокимова, который выразил мнение, что учреждение мелкого кредита надлежит вводить с крайней постепенностью, по 2 и по 3 в год, а никак не с такою быстротою, как дело это поведено в Ферганской области. Если стать на такую точку зрения, то Фергане потребовалось бы 500 или 600 лет для устройства народного кредита. в 1912 году я имел случай докладывать о таком положении бывшему министру финансов статс-секретарю В.Н.Коковцеву, с тех пор снова дело несколько двинулось вперед. Недавно, в марте сего года, опять приезжал из Петербурга ревизор г. Савицкий, по мнению когорого закон 1904 года совсем неприменим к Фергане по той причине, что население тут "покоренное", не достаточно развитое, малограмотное, не имеющее инициативы, лешенное чувства необходимости взаимного контроля и т.д. Между тем, факты показывают, что это покоренное население исправнейшим образом вносило до сих пор получавшиеся им из Государственного банка ссуды, за месяц до наступления сроков. Теперь надо ждать опять задержки в назначении инспекторов мелкого кредита, без коих эти учреждения не могут размножаться".[1]

[1] Дело Турк. охр. отд., Фонд 12, № 1471, лист 31-32.

Это свидетельство представляет собою лучшую иллюстрацию того, какие рогатки ставились на пути развития кредитной кооперации. В то же время известен факт, что сам Витте распоряжался в том смысле, что "деятельность банка должна быть направлена на развитие операций крупных торговых и промышленных учреждений, а не на мелкие ссуды, лишь обременяющие банки".[1]

Так оберегала русская торговая буржуазия свои безграничные возможности эксплуатации туркестанского дехканства.

Несмотря, однако, на это сопротивление, банки в строительстве кооперативной сети достигли довольно больших результатов. Это будет видно из следующей таблицы:[2]

Годы	Число кредитных кооперативов
1909	10
1910	46
1911	81
1912	265
1913	401
1914	517
1915	650
1916	762

Кредитная кооперация росла. Банки завоевывали позицию за позицией, фирмы оттеснялись. Вот первый, чрезвычайно важный сдвиг, происщедший в области взаимоотношений отдельных звеньев аппарата торгово-ростовщической эксплуатации края.

Но был и второй – это быстрый рост и уркепление ту-

---

1 Туркестанское сельское хозяйство № 6–1911 г., стр. 353. И.М.Слуцкий "О земледельческом кредите в Туркестане".

2 В.Кильчевский "Сельско-хозяйственная кооперация в Туркестане". "Народнос Хоз. Ср. Азии" № 2–3–1924 г. стр. 150.

земной торгово-ростовщической буржуазии. Вырастали "местные миллионщики". В "русские времена", говорится в только что цитированном докладе Ферганского военного губернатора: "стали возможны такие явления, как сосредоточение в руках малограмотного Миркамиля Мумынбаева состояния в 14.000.000 рублей, нажитых им на ростовщических операциях. Таких кулаков, как Миркамиль развелось здесь много, вся разница в размерах накопленных богатств. Сосредоточились капиталы также и у евреев, общеизвестны здесь имена Потеляхова, Водьяева, Симхаева, Давыдова и друг. Масса же населения, утрачивая деньги и земли, постепенно обращается в безземельных батраков".[1]

Трудно учесть удельный вес русских фирм и туземных, но что быстрый рост туземных баев миллионеров имел свое место, в этом нет никакого сомнения. Нет сомнения также и в том, что этим ростом был сильно обеспокоен русский торговый капитал. Лучшим доказательством этого является та же "Ревизия" Палена. Умалчивая об операциях русских фирм, он в то же время забил сильную тревогу по части роста операций туземной буржуазии. Именно эти последние он имел в виду, когда писал:

"Чтобы сохранить Туркестан, как колонию, способную доставлять нужные нам продукты, и как большой рынок для продуктов фабрично-заводской промышленности Европейской России, необходимо вырвать туземное земледельческое население из рук ростовщиков и задаткодателей".[2]

Положение дехкан можно было облегчить организацией мелкого кредита, и Пален приходит к этому выводу: "...борьба с указанным выше недугом (ростовщичество П.Г.) возможна только путем правильно поставленного мелкого кредита для одних потребностей долгосрочного,

---

[1] Дело Турк. охр. отд., фонд 12, № 1471–1914 г. лист 31.

[2] Ревизия Палена. Материалы к характеристике народного хозяйства. Ч. 1, Отд. 11, стр. 532.

ипотечного, или на началах мелиоративного кредита, и для других потребностей – краткосрочного"... (Стр. 532).

Но правильно организованная кредитная кооперация ударила бы не только по туземному баю, но и по русскому ростовщику. Пален поэтому, не сделал следующего вывода – организовать кооперацию. Наоборот, он заявил, что "для кооперативного кредита туркестанское население еще не созрело". (Стр. 568). Единственной безвредной с точки зрения Палена формой кредита мог быть только кредит таких бюрократических учреждений, как существовавшие тогда в руках уездных начальников уездные ссудные кассы. Практическое предложение Палена сводится, поэтому, к расширению этих касс. Но жизнь пошла, однако, не по Палену. Вмешались интересы банков. Они дали краю "кооперативы" с "просвещенным кооперативным абсолютизмом".

Итак – второй сдвиг в соотношении частей аппарата торгово-ростовщической эксплуатации – это быстрый рост туземной торговой буржуазии. Он внушал довольно сильное беспокойство. Об этом забили тревогу.

Если банки достигли столь значительных побед, как это было констатировано выше, то это, надо полагать, вытекало не только из интересов банков, но и из наличия борьбы русских фирм и туземных миллионщиков. Как никак кооперативы били в первую очередь по этим миллионщикам.

Выводы главы.

Росла торгово-ростовщическая эксплуатация. В этом росте в семье эксплуататоров на первое место выдвинулись банки, сильно подросла также туземная буржуазия, но основные звенья аппарата эксплуатации остались старыми. Сук рубили банки, фирмы и туземный бай. Рост производительных сил хлопкового хозяйства одновременно упирался как в русскую колониальную эксплуатацию края, так и в эксплуатацию туземной торгово-ростовщической буржуазии. Вскры-

тая выше политическая смычка бая и русского чиновника в аппарате власти была не только смычкой на базе "аппаратной" эксплуатации, эксплуатация торгово-ростовщическая была не менее прочным камнем в фундаменте этой смычки.

И общий итог: правительство приблизилось не к решению поставленной им в самом начале задачи – развить хлопководство до такого предела, чтобы совершенно освободиться от влияния мирового рынка, а к еще большим затруднениям в решении этой задачи. Хлопководство было заведено в тупик и переживало скрытый кризис.

Рост хлопковой площади вовсе не являлся показателем хозяйственного благополучия, это был показатель все большего и большего напряжения мускульной силы мелкого производителя-дехканина, зажатого в тиски торгово-ростовщического капитала: сменить зерновую культуру хлопковой – это означало для него получить широкую возможность для нового напряжения этой силы. Зато был такой верный показатель сркытого кризиса, как полная застойность техники и обнищание дехканства.

Перифразируя цитированные выше слова "ревизии" Палена, скажем: чтобы сохранить производство, нужно было "вырвать земледельческое население из рук ростовщика и задаткодателя" и при этом не только из рук ростовщиков-туземцев, как это думает Пален, а из рук *всех*, и в первую очередь русских.

4. Кочевой район.

Удельное место скотоводческого района в колониальной политике правительства.

Несмотря на свою территориальную обширность, кочевые скотоводческие районы края играли, однако, неизмеримо более слабую роль, как в мерах выгод, получаемых с края в результате колониальной эксплуата-

ции, так, следовательно, и в определении основной линии колониальной политики русского правительства в крае. Это объясняется, конечно, сравнительно меньшей экономической значимостью скотоводческого хозяйства по сравнению с хозяйством земледельческим.

По данным П.А.Полубояринова, довоенное ценностное соотношение продукции сельского хозяйства (в золотых рублях) по разным видам хозяйства выразится в следующих величинах:[1]

	Полеводческое хозяйство		Животноводческое хозяйство	Общая стоимость продукции
	Стоимость всей продукции	В том числе хлопок		
Абсолют.	359.935.022	176.562.135	96.389.049	456.124.071
В %	78,9	38,7	21,1	100,0

В то время когда земледельческая продукция составляет 78,9 %, продукция скотоводческая только 21,1 %. Совершенно ясно, что и доходы русских колонизаторов здесь должны были быть меньше и внимание их к кочевым районам должно было быть слабее.

Однако, игнорировать на этом основании кочевые районы в нашем изложении мы все же не можем, ибо тогда наши выводы о крае в целом, построенные на изучении истории районов оседлых совершенно неправильно распространялись бы и на во многом своеобразные киргизские кочевые районы. Данная глава, поэтому, посвящается разбору того своеобразного, что было в колониальной эксплуатации киргизского скотоводческого хозяйства Туркестанского края.

[1] Материалы по районированию Туркестана вып. 11, статья Н.А.Полубояринова "Туркестан как экономический район", стр. 147.

Отличительные черты колониального состояния кочевых районов.

Когда мы говорили об аппарате и о промышленности – это относилось ко всему краю, т.е. в том числе и к кочевым районам, но все то, что было сказано о хлопке, относилось только к оседлым хлопковым районам.

У кочевников не было хлопка – не было поэтому и связанных с ним операций, но это, однако, еще не значит, что положение кочевников было легче положения оседлого населения, их положение было только несколько своеобразно.

Будем считать, что вопрос об аппарате власти в киргизских районах нами выяснен достаточно, что противоречие, вытекавшее из "аппаратной проблемы, здесь стояло не менее, если не более, остро, чем оно стояло в районах оседлых; будем далее считать, что поскольку промышленность края, в главной массе своей, концентрировалась в оседлых районах, колониальная отсталость в кочевых районах, в этом отношении, была выражена еще более ярко. Мы имеем, таким образом, уже два звена колониального состояния кочевников – промышленная отсталость и эксплуатация через туземно-русский аппарат власти. Эти звенья глубоко сближают районы кочевые с районами оседлыми: они – общие звенья.

Звено третье – хлопковое – в кочевых районах отсутствовало, но вместо него здесь имелось такое своеобразное звено, как беспрерывная конфискация киргизских земель для крестьянской колонизации. Крестьянство плыло, конечно, и в районы оседлые, но туда его пускали чрезвычайно неохотно, ибо этот наплыв не содействовал хлопку, а разрушал хозяйство хлопковода узбека. Переселенцы, поэтому, как и деятельность переселенческих организаций, концентрировались в кочевых районах.

Хорошей иллюстрацией этого положения будет следующая таблица об итогах колонизации края к 1-му янва-

ря 1916 года (только по Семиречью данные относятся к 10 января 1915 г.).

Области	Число селений	Число дворов	Число душ обоего пола
Семиреч. обл	228	16.409	51.382
Сыр-Дарьинская	190	10.848	65.749
Ферганская	59	2.399	14.254
Самаркандская	20	1.945	8.492
Закаспийская	33	754	4.142
А всего по краю	530	32.355	144.019 [1]

На первом месте по количественному результату колонизации стоит, как видим, Семиреченская область, т.е. область кочевого киргизского хозяйства. За нею следует Сыр-Дарьинская область, большая часть которой тоже принадлежала к кочевому киргизскому району. Колонизация остальных областей, сравнительно с этими двумя, очень незначительна.

Вопрос о переселенческой политике правительства мы относим в одну из последующих глав, здесь же нам важно только констатировать факт, что при отсутствии в кочевых районах хищнической эксплуатации русского торгового капитала через скупку хлопка и кредитование хлопкового хозяйства, кочевые районы имели взамен этого колонизацию, отнимавшую лучшие киргизские земли. Результат, конечно, был один и тот же – обезземеление трудящихся масс – с той разницей, что в первом случае это происходило путем экономическим – сначала разоряли, а потом отнимали землю за долги, здесь же у кочевников это происходило в силу "закона" и "права" завоевателя: земля просто отмежевывалась распоряжением власти. Что легче –

[1] Данные по 4-м областям взяты из сельскохозяйственного обзора Туркестанского края за 1915 г.; данные по Семиречью – из сельскохозяйственного обзора Семиреченской области за 1914 год.

это взвесила история: в 1916 г. в равной мере бунтовали против русского господства и кочевники и оседлое дехканство.

Проникновение русского торгового капитала в кочевые районы.

Но нельзя сказать, конечно, что русский торговый капитал абсолютно не проникал в кочевые районы; проникновение было, но в неизмеримо меньших размерах, чем проникновение в районы хлопковые.

Вот свидетельство ревизии Палена о Семиречье:

"С развитием промышленности в области многие продукты местного хозяйства составят значительную статью для вывозной торговли, но пока *главным предметом ее являются скот и продукты скотоводства,* и насколько торговля ими признается имеющей важное значение, указывает, как сравнение выше приведенных цифровых данных о размерах этой торговли в 1906 и 1907 г.г. так и то обстоятельство, что *многие торговые фирмы европейской России открывают в различных местах области и не только в оседлых пунктах, но даже в степи постоянные торговые заведения для скупки сырья.*

"Таких заведений в 1907 г. по сведениям податной инспекции насчитывалось 320, с общим оборотом до 4 миллионов рублей. Сумма эта приблизительна, но, однако, она меньше чем в действительности.

"Независимо постоянных[1] торговых заведений для скупки скота и сырья, существующих в области, операция эта на самых широких началах производится на степных ярмарках, о которых говорилось выше".[2]

Русские торговые фирмы по скупке в кочевых районах исчислялись, как видим, целыми сотнями и настойчиво проникали даже в степь.

---

1 Так в подлиннике.

2 Ревизия Палена. "Материалы к характеристике Народ. Хоз." ч. 1, отд. 11, стр. 352-53. Курсив мой.

Как опутывались тогда этими фирмами кочевники, будет видно из следующего свидетельства одного из агентов-комиссионеров фирмы "Торговый Дом Юсуф Давыдов и Ко", опериововавшей в окрестностях города Туркестана.

"Еврейская тогровая фирма под названием "Торговый Дом Юсуф Давыдов и Ко" имеет очень большое отделение в г. Туркестане, где имеются склады мануфактуры и др. товаров, сбываемых ловкими агентами этой фирмы в степь всего того, что оказалось залежью и не имело сбыта в Ташкенте.[1] Так как за наличный расчет подобный товар продать нельзя, поэтому единственным способом сбыта является отпуск таких товаров степнякам-кочевникам в кредит на сроки или до урожая зерновых посевов или же до осеннего и весеннего сезона стрижки баранов и проч.

"Путем таких коммерческих комбинаций фирма "Т/Д. Юсуф Давыдов и Ко" сумела заполнить и захватить почти весь Туркестанский участок и нет почти юрты, которая не была бы в неоплатных долгах от этой фирмы. Я говорю, конечно, про кочевников малосостоятельных, ибо богатые, конечно, избегают таких сетей".[2]

Нет принципиальной разницы между такими скупками, как скупка хлопка, и такими, как скупка скота – разница, в данном случае, только количественная. Там в районах хлопковых были десятки фирм, но зато их обороты были гораздо крупнее – каждая фирма в отдельности ворочала миллионами, здесь фирм было более трех сотен, но по размерам они неизмеримо меньше. Но и там и здесь "работа" фирм ведет к одному и тому же результату: там запутывается в сеть долговых обязательств дехканин, здесь в ту же сеть затягивается скотовод; сеть может быть не так густа и цепка, но все же запутывает она достаточно крепко.

И деятельность торговых фирм в кочевых районах

---

[1] Неправильный оборот в подлиннике.

[2] Дело канц. Турк. генер.-губ. № 5 – 1914 г., ч. 1, отд. 1, ст. 4, лист 81.

росла: в 1910 г. статистический обзор Семиреченской области уже насчитывал 341 фирму с общим оборотом в 6 милл. руб. За три года число фирм увеличивалось, таким образом, на 21, а размер их оборотов ровно в 1 1/2 раза (с 4 милл. до 6). Даже и в том случае, если эти цифры недостаточно точны, они все же дают представление о сырьевой торговле русского капитала в Семиречье.

Агентами-комиссионерами по свидетельству того же только что цитированного прошения состояли киргизы же (казаки) "из более или менее грамотных, способных и состоятельных". И здесь, в довершение сходства, торговые фирмы опираются на богатеев туземцев.

Но кроме операций русских торговых фирм в степи, в низовой торговой сети, орудовали также и купцы узбеки и татары, применявшие не менее хищнические методы торговли, чем русские фирмы.

"Торговая же деятельность их (разумеются указанные степные торговцы – узбеки и татары. П.Г.) в степи носит обыкновенно характер эксплуатации мало развитых кочевников: обмер, обвес, обсчитывание, ростовщические условия кредита и т.п. явления составляют ее существенный признак, а отсутствие широко развитой конкуренции между самими торговцами и удаленность стойбищ кочевников не только от надзора администрации, но часто даже от людского взора вообще, создают для этого самую благоприятную обстановку".[1]

В нашем распоряжении нет документов, по которым бы можно было судить, насколько прочно сомкнулись операции русских фирм с операциями этих хищников, но свидетельство Палена позволяет думать, что эта "смычка" была. "В большинстве случаев степные торговцы производят свои спекуляции за счет более или менее крупных пред-

1 "Ревизия" Палена. "Материалы к характеристике народного хозяйства". Ч. 1, отд. II, стр. 308.

приятий, находящихся в городах и других оседлых поселениях, являясь или приказчиками владельцев таких предприятий, или лицами, берущими у них товар в кредит, на началах представляющих собою нечто среднее между комиссионной деятельностью и приказчичьим ремеслом; реже степные торговцы являются самостоятельными предпринимателями".[1]

Так как большинство "более или менее крупных предприятий" в степи были русскими, то и здесь приходится полагать, что Пален просто умалчивает о причастности к этим хищническим операциям русских фирм.

Итак мы не можем сказать, что русский торговый капитал совершенно не проник в качевые районы, не можем далее сказать, что он проник с такой же силой, как и в районы хлопководства, но мы должны тем не менее констатировать, что это проникновение имело место и здесь, что качественно оно ничем не отличалось от проникновения в районы хлопковые, и что и здесь, как и в районах хлопковых, если и не сложился окончательно, то во всяком случае наметился стык между местным торговым капиталом и русским.

Колонизация и торговый капитал.

Но не только скот и продукты скотоводческого хозяйства были предметом вывоза из кочевых районов – вывозился также и хлеб.

В 1914 г. по данным железнодорожных перевозок из кочевого района, в том числе и всей Сыр Дарьинской области, во внутренние области края было вывезено хлебных грузов 8.339.489 пуд.[2]

Этот вывоз не был, однако, вывозом продуктов производимых киргизским народом – хлеб производился русскими переселенцами.

---

1 Там же, стр. 307.

2 Цифра взята у Д.П.Красновского. См. предисловие к работе И.А.Ремез "Внешняя торговля Бухары до мировой войны".

Русский торговый капитал не только проникал в кочевые районы для скупки сырья у кочевников, но также, экспроприируя кочевника, создавал в лице хозяйства русских поселенцев новых поставщиков хлеба, торговля которым включалась в орбиту его оборотов.

Колонизация была дополнительным звеном в уже разобранной картине проникновения русского торгового капитала в кочевые районы.

Основные звенья колониальной эксплуатации кочевых районов и их место в политике правительства.

Итак, основные звенья проникновения русского торгового капитала в кочевые районы были следующие: звено первое — эксплуатация через аппарат власти и налоги; звено второе — торговля сырьем и русскими фабрикатами и звено третье — крестьянская колонизация. Самым слабым было, конечно, звено второе. Политика правительства по отношению к кочевникам определялась не им, а остальными двумя звеньями, эти же последние через весь изучаемый период вступали в некоторое противоречие между собою. Чтобы успешно эксплуатировать через аппарат нужно было сохранять кочевой быт киргизского народа и господство там манапства, а чтобы успешно колонизовать, выгодно было переводить киргиз на оседлое положение и отнимать в процессе этого перехода "излишние" земли для русских поселков. На этом противоречии выростала чрезвычайно характерная междуведомственная борьба. Местная власть, персональный представитель "аппаратной" эксплуатации, стояла против оседания, а вместе с тем и против переселения; министерство же земледелия и его органы по заведыванию переселением — за переселение, а, следовательно, и за оседание.

Но понять значение политики русского правительства в данном вопросе мы можем только тогда, если сделаем предварительно некоторый экскурс во внутренний строй киргизского народа.

Оседание кочевников.

В изучаемый период мы имеем процесс оседания казак и киргиз кочевников, зашедший уже довольно далеко. Представление об этом даст следующая таблица, составленная нами на основании материалов обследования киргизского хозяйства переселенческими управлениями (Семиреченским и Сыр-Дарьинским). (См. таб. на стр. 132).

Только один Джаркенский уезд Семиреченской области, да кочевой район Аму-Дарьинского Отдела можно назвать совершенно кочевыми районами – там процесс оседания еще почти не начался, во всех же остальных районах мы имеем от 15 до 83,3 % уже некочующих хозяйств. Так далеко зашло оседание.

Но и кочующие хозяйства все больше и больше комбинировали хозяйство скотоводческое с хозяйством земледельческим. Это видно из следующей таблицы: (См. таб. на стр. 133).

Процент сеющих хозяйств в общем по всем районам гораздо выше, чем процент уже осевших (1 таблица). Это значит, что посевами занимается также значительная часть и тех хозяйств, которые еще остаются хозяйствами кочующими. Но, с другой стороны, средний размер посева еще в общем не велик: посевы еще не приобрели преобладающего значения.

Обе таблицы, однако, приводят нас к одному и тому же выводу – из кочевого киргизского хозяйства вырастало хозяйство оседлое земледельческое, кочевые киргизские районы уже не были однородно кочевыми районами, ибо процесс оседания зашел уже довольно далеко.

Но самое важное для нас, конечно, не самый факт оседания, а его характер, важен вопрос из каких (по достатку) хозяйств выростало оседлое земледельческое хозяйство и какие хозяйства держались за старую хозяйственную систему.

№№	УЕЗДЫ	% некочующих хозяйств	Год, к которому относятся данные
	Семиреченская обл.		
1.	Лепсинский уезд	28,0	1909
2.	Копальский „	28,19	1910
3.	Джаркенский „	3,6	1910
4.	Верненский „	15,3	1911
5.	Пишпекский „	15,11	1912-13
6.	Пржевальский „	19,37	1913
	Сыр-Дарьинская обл.		
7.	Чимкентский уезд (юго-восточ.ч.)	83,35	1906
8.	Аулиатинский уезд (южная ч.)	49,9	1907-9
9.	Район р. Чу и низовьев р. Таласа Чимкентского и Аулиатинского уездов	24,2	1913
10	Перовский уезд	61,18	1910
11	Казалинский уезд	57,14	1911
12	Аму-Дарьинский Отд. (кочевой район)	0,49	1912-13
	Ферганская обл.		
13	Южная часть: Ошский, Скобелевский и Коканд. уезды	35,3	1913
14	Андижанский уезд	24,2	1911
15	Наманганский „	15,3	1912
	Самаркандская обл.		
16	Район голодной степи и прилегающих местностей Ходжентского и Джизакского уездов	15,4	1911-12

№№	УЕЗДЫ	% хозяйств, занимающихся земледелием (сеющих)	Площадь посева на 1 наличное хозяйство (десятин)	Год, к которому относятся сведения
	Семиреч. обл.			
1.	Лепсинский у.	76,61	1,8	1909
2.	Копальский „	81,51	2,31	1910
3.	Джаркевский	68,80	0,93	1910
4.	Верненский	79,26	4,44	1911
5.	Пишпекский	92,94	3,39	1912-13
6.	Пржевальский	93,95	1,63	1913
	Сыр-Дарьинск.обл.			
7.	Чимкенский у.	84,5	5,58	1906
8.	Аулиатинский	92,1	4,27	1907-8
9.	Перовский	74,8	1,32	1910
10	Казалинский	49,9	0,97	1911
11	Аму-Дарьинский Отд. (кочев. р-н)	2,53	1,6	1912-13
	Ферганская обл.			
12	Андижанский у.	99.0	3,6	1911
13	Наманганский	91,8	2,2	1912
14	Южная часть: Ошский, Скобелевский и Кокандский уезды	94,5	2,93	1913
	Самаркандск.обл.			
15	Район голодной степи и прилегающих местностей Ходженского и Джизакского уездов	14,8	0,26	1911-12

Иллюстрируем и это на соответствующих цифровых показателях. По трем уездам Семиреченской области (Лепсинский, Джаркенский и Верненский) имеются не только данные группировки хозяйств по посеву, но отдельно и данные группировки хозяйств по скоту. По этим группировкам процент осевших хозяйств распределяется следующим образом:

№№	Группы по скоту	% оседлых хозяйств		
		Лепсинский уезд	Джаркенск. уезд	Верненский уезд
1	Не имеющие скота	56,5	33,6	46,9
1	Имеющие скота до 1 шт.	74,5	12,2	46,8
2	от 1 до 3 шт.	61,5	9,6	37,8
3	„ 3 „ 8 „	32,6	4,7	20,1
4	„ 8 „ 15 „	11,95	2,5	9,4
5	„15 „ 25 „	4,9	1,4	2,9
6	„25 „ 50 „	1,9	0,4	1,4
7	„50 „100 „	0,7	0,7	1,1
8	„100„200 „	1,2	0,3	0,7
9	более 200 „	0,0	1,4	0,0
		28,0	3,6	15,3

По всем трем уездам мы имеем совершенно одинаковую закономерность: чем зажиточнее хозяйства, тем меньший среди них процент оседлых хозяйств; в самых же высших группах этот процент доходит даже до нуля или до десятых долей процента. Совершенно ясно, таким образом, что в Семиречье оседлое земледельческое хозяйство вырастало из бедняцкого и середняцкого хозяйства.

Та же закономерность наблюдалась и в других районах края. Вот для примера соответствующие данные по 4 уездам и по южной части Ферганской области.

Группы по лошадям	% оседлых хозяйств				
	Аулиатинский уезд	Казалинский уезд	Южная часть Ферганской области	Наманганский уезд	Андижанский уезд
1. Без лошадей	83,1	59,36	66,81	46,4	70,8
2. Имеющие 1 лошадь	63,5	65,68	40,95	9,8	44,4
3. 2-5 „	49,5	57,12	27,74	4,8	23,3
4. 4-5 „	34,9	42,56	23,25	1,9	9,3
5. 6-8 „	27,6	46,57	20,08	1,2	9,4
6. 9-13 „	31,6	27,47	13,97	2,3	6,0
7. 14-22 „	13,5	30,78	16,25	1,6	9,1
8 23-50	7,7	15,25	10,0	0,0	3,0
9. свыше 50	3,9	7,07	15,38	0,0	0,0
	49,9	57,14	35,28	15,3	25,0

Как и в Семиречье, процент оседлых хозяйств тем ниже, чем выше группа по лошадям; оседлое хозяйство и здесь было хозяйством бедняцким и середняцким.

Это явление с точки зрения условий ведения хозяйства совершенно понятно: без скота или с малым количеством скота кочевать, конечно, нельзя, нужно было переходить к хозяйству земледельческому. Оседлое земледельческое хозяйство выростало, поэтому, из бедняцкого и середняцкого хозяйства.

Этих иллюстраций, как нам кажется, совершенно достаточно, чтобы показать, что если в кочевых районах шла борьба двух систем хозяйства – кочевое скотоводческое и оседлое земледельческое, – то эта борьба должна была итти по линии борьбы многоскотных групп с одной стороны и средне и малоскотной – с другой. Так оно и было на самом деле.

В одном документе, принадлежащем Главному Управлению Землеустройства и Земледелия (октябрь

1908 г.) находим следующее очень характерное место:

"Под прикрытием идеи принадлежности отведенных под кочевание киргиз государственных земель всему киргизскому народу фактическими распорядителями этих земель явились в каждой общине отдельные наиболее состоятельные лица, которые, не неся никаких особых государственных повинностей и налогов, раскладываемых по кибиткам (т.е. посемейно), сосредоточили в своих руках все выгоды пользования общинной землей. В иных случаях они развили весьма обширные скотоводческие хозяйства, в других – большие запашки, во многих случаях присвоили себе и в свою пользу право сдачи в аренду общинных земель русским переселенцам и, наконец, на почве чисто экономического влияния подчинили себе прочее население, захватив в свои руки и народный суд и управление. *Не в их интересах обеспечение наделами оседлого трудового населения*, которое находится в полной от них личной зависимости, близкой к крепостному состоянию, и *не в них, конечно, встретят поддержку какие-либо мероприятия к оседлому устройству на захваченных ими землях земледельцев, киргиз и русских переселенцев, и неизбежная ломка всех бытовых форм, которыми держится вокруг них общинно-земельное бесправие".*[1]

Главное управление землеустройства и земледелия, как уже было отмечено, стояло за оседание и оно великолепно вскрывает, кто стоит на пути его планам. Зажиточные захватили в свои руки общинные земли, они же превратили в полукрепостных бедняцкую часть населения – они, поэтому, против разрушения кочевого быта, ибо с этим связано и разрушение их господства.

С другой стороны, средняцко-бедняцкая часть идет за

---

[1] Вопросы колонизации № 5 - 1909 г., стр. 82-83. Статья Румянцева "Социальное строение киргизского народа в прошлом и настоящем". Курсив мой.

оседание под лозунгом избавления от манапской кабалы. Вот выписка из одного прошения киргиз об оседлом устройстве:

"Мы возбудили ходатайство об обращении нас в оседлое состояние не из-за какой-либо партийной вражды, а убедившись и признав оседлость полезным и заниматься обработкой земли, теперь вовсе не желаем быть кочевниками, *дабы больше не страдать от делаемых нам злоупотреблений манапами и всеми должностными лицами и киргизским народным судом".*[1]

Мы имеем, таким образом, совершенно четко выраженную борьбу двух классов в среде киргизского народа. С одной стороны, манапы, имевшие в своих руках и власть и суд, и закабалившие киргизскую массу, идут за кочевой быт и, с другой стороны, киргизская трудящаяся масса устремляется обосновать оседлое хозяйство "дабы бодьше не страдать от делаемых нам злоупотреблений манапами"

Идет борьба двух систем хозяйств – старого, экстенсивного, кочевого и нового, более интенсивного, земледельческого, и чем сильнее, надо полагать, был манапский зажим за первую систему, тем больше и больше наростали революционные силы внутри киргизского народа против манапской эксплуатации и за новую систему хозяйства.

Правительство и оседание.

Вмешательство русского правительства не ослабляло, а только обостряло это противоречие. Заинтересованные в сохранении кочевого быта и власти манапа, русские властелины чиновники ставили оседанию неисчислимые бюрократические препятствия.

В "Журнале общего присутствия семиреченского областного правления от 15 мая 1907 г." находим следующее очень характерное заключение:

---

[1] Дело Управления Земледелия государств. имуществ. Туркестанского края № 10, 1907 г., лист 23. Курсив мой. Неправильный оборот речи в подлиннике.

"Правление полагает с представлением копии сего журнала донести г. Туркестанскому генерал-губернатору, что удовлетворение ходатайств, заявленных несколькими группами киргиз Пишпекского уезда об устройстве для них оседлых селений и об выделении их в самостоятельные волости, *представляется невозможным впредь до подробного исследования на местах условий землепользования просителей и выяснения – кто из числа их действительно желает перейти в оседлое состояние и устроиться на принадлежащих землях:* вместе с тем просит разрешение приступить к производству означенных исследований, результаты которых будут своевременно представлены его высокопревосходительству".[1]

Чиновники не находят возможным удовлетворить желание киргиз до тех пор, пока пройдет обследование киргизского землепользования, несмотря на то, что на этот счет были совершенно недвусмысленные указания в степном положении о праве перехода киргиз в оседлое состояние. Это означало затяжку если не на десяток лет, то во всяком случае, на годы – обычный бюрократический прием.

И было, конечно, великолепно известно, что манапство сопротивляется оседанию, что оно своим нажимом всячески осаживает стремление к оседанию бедняцко-середняцкой массы, а между тем то же "Присутствие" в другом своем протоколе постановляет:

"Что же касается стремления киргиз избавиться от подчиненности своему народному суду, то подобные ходатайства не могут подлежать удовлетворению за отсутствием в степном положении указаний о судебном устройстве в оседлых и киргизских поселениях. Ввиду изложенного, надлежит поставить в известность всех киргиз, которые

---

[1] Дело об Управлении земледелия и гос. имуществ в Туркестанском крае № 10 – 1907 г., лист 48. Курсив мой.

просят о переходе в оседлое состояние, что для такого перехода не требуется никакого разрешения, но до издания нового закона о судебном и административном устройстве оседлых киргизских поселений, *жители последних должны оставаться по-прежнему в составе своих волостей и подчиняться существующему народному суду.* Об этом общее присутствие полагает: дать знать указами надлежащим уездным начальникам для объявления просителям, предложив принимать законные меры к защите киргиз, переходящих в оседлость, от притеснений и обид со стороны их однообщественников".[1]

Губернатор протоколы утвердил, а с линией губернатора согласился и генерал-губернатор.

Были учреждены, так называемые, уездные совещания в Копальском, Лепсинском, Джаркенском и Пржевальском уездах, на которые и "возложено было выполнение заключения общего присутствия и распоряжения генерал-губернатора", т.е., следовательно, изучение условий землепользования в связи с прошениями об оседании, что означало, конечно, не содействие делу, а затяжку его решения. Ни о какой защите оседающих от манапства при существующей системе управления не могло быть, конечно, и речи — это была простая бюрократическая отговорка.

И манапство широко пользовалось затяжкой дела, чтобы приучить "крамольных" однообщественников. Репрессии за желание оседать сыпались, как из рога изобилия. Манапы расправлялись.

"Будучи в Лепсинском уезде, мне пришлось, между прочим, быть очевидцем дикой расправы богатых киргиз с киргизами бедняками. Последние просили перечислить их на крестьянское положение в качестве оседлых. *За эту просьбу бедняки киргизы подвергнуты беспощадному избиению кочевниками, не сочуствующими переходу своих*

---

1 Там же, лист 107. Курсив мой.

одноплеменников к оседлой жизни".[1]

Но дело, конечно, не ограничилось только кулачными расправами, манапство широко пользовалось также и своею административно-судебной властью. Вот несколько выдержек из прошений оседающих.

"Как только мы начали об этом (переводе в оседлость) совещаться, манапы решили сразу запугать нас и с этой целью бий (судья) нашего 7 аула своим судом уже покарал главарей наших: Т.Манкина по ложному иску о краже без опроса свидетелей приговорил в тюрьму на 2 месяца, а у брата его Джумылы насильно отнял жену и дал ей развод".

И в другом прошении:

"Волостным приговором 14 января постановлено выгнать нас даже с тех земель, на которых мы теперь живем. Начали взыскивать по 3 руб. с юрты будто бы в жалование администрации, квитанций не выдают, а за неплатеж начинают бить. Мы знаем, что это бездокументальный манапский побор, ибо раскладки по волости еще не было. Нас, таким образом, хотят разорить, чтобы принудить отказаться от просьбы об оседлом поселении. Это пока меры притеснения администрации, а что будет, как и суд примется за нас, страшно подумать".[2]

У манапства было, как видим, достаточно административно-судебных средств, чтобы поделом наказать середняцко-бедняцкую крамолу. Пускались в ход не только судебные и административные преследования против инициаторов, но и нажим на массу, в данном случае, просто, штраф и угроза согнать с занятых земель. Массы под влиянием этого террора били, конечно, отбой, отказываясь от

---

1 Вопросы колонизации №6, стр. 16. А.Л.Трегубов. "Переселенческое дело в Семиреченской области". Свидетельство относится к 1909 г. Курсив мой.

2 Велецкий. "Записка о положении и нуждах переселенческого дела в Семиреченском районе". Хранится в Средне-Азиатском архиве.

своих прежних прошений.

Мы видим, таким образом, что в ожесточенной борьбе двух систем хозяйства русско-чиновный аппарат власти стоял на стороне манапства, помогал поскольку позволяли ему "законные" рамки всячески зажимать вырастание земледельческого хозяйства. Нароставший внутри киргизского народа революционный конфликт был в то же время конфликтом с русским чиновным аппаратом власти.

В 1909 в центре была, наконец, закончена выработка инструкции по оседлому устройству киргиз. Согласно ст. 20 этой инструкции киргизы должны были устраиваться "на одинаковых с переселенцами основаниях". Дело землеустройства было отдано в руки переселенческой организации. Это была полнейшая победа хлопотавшего об этом ведомства земледелия.

Но как обстояло дело с "одинаковыми основаниями" и каковы были действительные цели хлопот ведомства земледелия, покажут несколько следующих цитат из соответствующих документов.

Вот инструктивное указание заведующего Сыр-Дарьинской переселенческой организации Сахарова производителю работ по устройству русских поселений Звягинцеву от 25 августа 1912 г.:

"По поводу разного рода сомнительных вопросов, возникших у вас при землеотводных работах, считаю необходимым сообщить для руководства следующее: в счет киргизской земельной нормы необходимо вводить, между прочим, и каменистый выгон, который, как видно и из вашего сообщения может быть прекрасно использован для скотоводства, тем более, что район этот считается даже не чисто земледельческим, а скотоводческо-земледельческим. При этом вам надлежит вводить в такие зачеты каменистого выгона, какие окажется необходимым сделать. При этом, однако, весьма желательно устроить киргиз на оседлом положении, если они на этом настаивают. Так как в

случае неудовлетворения этого их желания они заявили бы об этом временной комиссии, а такое заявление сделало бы затруднение при рассмотрении проектов участков. *Но устраивая киргиз на оседлом положении, отнюдь нельзя везде руководствоваться в буквальном смысле ст. 20 Инструкции "на одинаковых с переселенцами основаниях" в том, например, смысле, что киргизам необходимо дать столько же на двор отдельных угодий, сколько переселенцам.* Необязательно, например, чтобы киргизский двор получил 10 десятин с половиной земли, потому, что соседний крестьянский получает тоже 10 десятин с половиной земли.

"В нашем районе это даже не соответствовало бы требованию действительной жизни, т.к. киргизы, согласно статистическим сведениям, имеют на хозяйство менее 3-х десятин посева и весь район признается скотоводческо-земледельческим, а, следовательно, киргизы здесь нуждаются в усиленном наделении выгонными землями, тогда как несомненно, что переселенцы здесь будут чистые земледельцы. *Во всяком случае, считаю весьма желательным, чтобы вами было достигнуто добровольное соглашение с киргизами по поводу их устройства без уменьшения того размера заготовки, которая вами предположена (1364 двора)".*[1]

Мы имеем, таким образом, типичнейший документ, который свидетельствует, что основное для переселенческого управления, это – *не уменьшить число заготовок.* Что же касается "одинаковых оснований", то, "устраивая киргиз на оседлом положении, отнюдь нельзя руководствоваться" буквальным смыслом ст. 20 и в то же время "в счет киргизской земельной нормы необходимо вводить, между прочим, и каменистый выгон", т.е. земли, конечно, никуда негодные.

[1] Дело Управления переселенч. делом в Сыр-Дарьинском районе № 42, 1912 г., лист 103. Курсив мой.

Оседлое устройство киргиз для ведомства земледелия было не целью, а средством. Оно должно было давать и давало новые изъятия киргизских земель для крестьянских поселений. Отчет того же управления по переселенческим делам Сыр-Дарьинского района за 1911 г. дает следующее по этому поводу замечание:

"Стремление киргиз к переходу на оседлое положение объясняется также желанием закрепить за собою наиболее ценные угодия своего землепользования: клеверные поля, полевные пашни, таловые и другие древесные насаждения, а также свои зимовые стойбища. По представлению киргиз это возможно сделать в том случае, если они заявят желание об устройстве их на оседлое положение. Конечно, подобное представление киргиз в действительности не оправдывалось: *во всех тех случаях, когда в отчетном году для киргиз образовывались участки, предусматривалось обеспечение в землеотводном отношении устроенного киргизского населения, на совершенно одинаковых с переселенцами основаниями и все наличные угодия делились по возможности поровну между киргизами и будущими переселенцами*".[1]

Переход на оседлое положение дает управлению возможность поделить "все наличные угодия" "по возможности поровну между киргизами и будущими переселенцами" нисколько не считаясь с тем, какая норма угодий остается киргизам после этой своеобразной дележки на "одинаковых основаниях".

То же самое и в Семиречье.

Там землеустроительные работы киргиз начались с 1910 года. Как велики при этом были успехи переселенческой организации будет видно из того, что в 13 волостях, устроенных первыми при замежевании киргизам 475.783

---

[1] Дело Управления переселенч. делом Сыр-Дарьинского района, № 38, 1012 г., лист 68. Курсив мой.

дес. земли, было взято в государственный фонд 248.380 дес., т.е. по площади больше, чем 30 % и, конечно, лучшие по качеству.[1]

Саботаж оседлого устройства киргиз туркестанским чиновничеством был реакционен, но не менее реакционно было, конечно, и сочувствие этому землеустройству со стороны ведомства земледелия. Оно ставило курс на изъятие земель при оседании и этой своей политикой, конечно, задерживало оседание. К концу изучаемого периода подача прошений об оседлом устройстве почти прекратилась. Нажимом с двух сторон – со стороны манапа и русских властей – было зажато, наконец, это прогрессивное движение киргизской середняцко-бедняцкой массы.

Заключение главы. Наши выводы сводятся, таким образом, к следующему. Русское господство в кочевых районах было не менее тяжелым господством, чем то же господство в районах оседлых. Оно не только задерживало промышленное развитие края, не только разрушало киргизское хозяйство через беспрерывную конфискацию киргизских земель, оно стояло также поперек дороги такому прогрессивному движению в этих районах, как оседание.

Стык с интересами киргизского манапства был, однако, здесь гораздо слабее, чем соответствующий стык с интересами байства в районах оседлых. Русские власти связывались с манапством по линии "аппаратной" эксплуатации, это влекло за собой некоторую солидарность в вопросе об оседании. Но победа ведомства земледелия и курс на оседание в результате этой победы сильно разобщали русских с манапством. Конечно, "землеустройство" по методам переселенческой организации задерживало развитие киргизского хозяйства и этим самым консервировало кочевой быт, но то же землеустройство, отнимая землю, под-

[1] Велецкий, цитированная записка, стр. 11.

рывало и мощь манапа и бая, насаждая в крае его конкурента – русского кулака. Манапство, несмотря на всю свою реакционность в вопросе об оседании, было в то же время революционно в вопросе о борьбе с русским колониальным господством в степи.

5. Торговля.

Чтобы подытожить вопрос об экономической эксплуатации края, посмотрим бегло, в каком положении была русская торговля с краем за этот период.

Мы уже видели выше, как вырос вывоз из края такого основного сырьевого продукта, как хлопок. Размеры этого вывоза к концу изучаемого периода перевалили за 200 тыс. тонн, а в 1915 г. достигли даже более 300 тысяч тонн. По этому основному продукту росли, как видим, колониальные торговые связи с Туркестанским краем – возрастал сырьевой вывоз.

Познакомимся теперь с оборотами торговли по другим статьям ввоза и вывоза. Н.А.Полубояринов дает следующие данные оборота внешней торговли края с Россией и сопредельными странами в 1914 г.[1] (См. таб. на стр. 146).

По некоторым графам, как например, текстильное, кожевенное, хлопковые семена и как видно продукты их переработки и т.д., авторам не выделены сырьевые статьи торговли от торговли фабрикатами, вот почему цифры таблицы сильно затемняют существо вопроса, однако, все же на ее основании мы можем сделать довольно важные для нас выводы.

Прежде всего нужно отметить, что край вывозил

---

[1] Материалы по районированию Туркестана, вып. 11, ст. 11, ст. Н.А.Полубояринова "Туркестан, как экономический район", стр. 152.

Наименование производства	Ввоз	Вывоз	Вывоз из края больше (+) или меньше (–) ввоза	Ввоз	Вывоз	Стоимость вывоза больше (+) или меньшн (–) ввоза
	В пудах			В золотых рублях		
1. Топливо	13.667.900	4.500.431	– 9.167.469	12.249.800	3.390.499	– 8.859.301
2 Хлебные грузы	13.632.576	669.228	– 12.963.348	17.564.707	510.819	– 17.053.888
3 Пищевое производство	7.743.721	9.981.192	+ 2.337.596	42.158.913	34.039.398	– 8.122.515
4 Текстильное	3.350.881	16.990.192	+ 13.639.311	114.477.047	233.387.088	+ 118.910.041
5 Деревообделочное	10.429.619	63.869	– 10.365.750	16.558.882	396.184	– 16.162.698
6 Минеральное	2.902.631	496.433	– 2.406.197	8.390.292	1.415.986	– 6.974.306
7 Химическая	770.259	840.069	+ 69.810	14.143.532	3.070.610	– 11.072.862
8 Металлообрабатывающ.	2.026.036	198.228	– 1.827.808	27.521.341	3.547.769	– 23.973.572
9 Горнозаводская	1.370.752	196.764	– 1.173.988	7.251.467	1.044.769	– 6.206.698
10 Кожевенное	261.901	867.082	+ 605.181	7.905.166	18.359.878	+ 10.454.712
11 Бумажное	185.267	24.355	– 160.912	727.654	98.692	– 628.962
12 Хлопковое семя и пр.	185.255	1.612.935	+ 1.427.680	2.334.191	2.394.408	+ 60.525
Итого	56.526.798	36.440.904	–20.085.894	271.282.992	301.653.408	+ 30.370.416

больше, чем ввозил. Давая России сырье на определенную сумму, край в то же время не мог предъявить платежеспособного спроса на ту же сумму на ввозимые Россией товары. Разница в 30 миллионов между ввозом и вывозом, надо полагать, в подавляющей своей части представляла собой прибыль торгового капитала и русских банков, которая реализовалась не в Туркестане, что и уменьшало покупательную способность населения на эту сумму.

Но таблица дает, конечно, и еще кое-какие интересные показатели. Строки: 1, 8 и 9, т.е. топливо, металлообрабатывающая и горная промышленность, дают для края колоссальный пассив. Это иллюстрация уже вскрытого положения, что край не был поставщиком руд и топлива для тяжелой индустрии. Совершенно наоборот: наряду с потреблением изделий металлообрабатывающей промышленности он потребляет также и продукты горной добывающей индустрии. Графы 2 и 3 – пищевое и хлебное производство – для края тоже пассивны. Это результат вытеснения хлопком зерновых культур в крае. Пассивны для края также графы о торговле изделиями бумажной, минеральной и химической промышленности. Край и здесь является потребителем фабрикатов.

И только там, где в Туркестанский вывоз включено сырье – графы: текстильное, кожевенное и хлопковые семена – Туркестан имеет вывоз больше ввоза, т.е. актив в своем торговом балансе.

Несмотря на некоторую неудовлетворенность таблицы, все же она дает достаточное представление как о размерах внешней торговли края, так и о его характере – край дает сырье и получает фабрикат, край имеет типичный колониальный торговый баланс: актив по сырью и пассив по фабрикатам.

Чтобы отметить тут же, что эта торговля была в подавляющей своей части торговлей с Россией, укажем так же, что по данным того же автора в весовых величинах

№№ по пор.	Наименование товаров	Ввоз в пудах			Вывоз в пудах			Преобладание вывоза над ввозом + больше – меньше
		Из России	Из сопредельных стран	ИТОГО	В Россию	В сопредельные страны	ИТОГО	
1	Скот живой	88.476	2.166.890	2.255.336	264.576	876.300	114.879	– 1.114.487
2.	Мясо всякое	101.968	4.627	106.595	11.626	1.633	13.259	– 93.336
3.	Сало животное	61.454	387	61.841	1.181	2.159	3.340	– 58.501
4.	Молочные продукты	53.201	3.526	56.727	1.607	353	1.960	– 54.767
5	Шерсть	1.319	557.527	558.846	1.140.350	8.389	148.739	+ 589.893
6	Кожи	7.375	162.074	169.449	283.198	3.469	286.667	+ 117.218
7	Овчины, шкуры, шкурки	2.067	26.219	28.286	543.806	5.531	549.157	+ 520.871
8	Каракуль и мерлушка	89	4.938	5.027	22.654	–	22.654	+ 17.627

туркестанские торговые обороты с соседними странами (Персия, Афганистан и Китай) в том же 1914 г. составляли только: по ввозу 10,1 % и по вывозу 9,6 %. Торговля Туркестана была торговлей с его метрополией – Россией.

У того же автора находим также данные и о том, что включало в обороты внешней торговли хозяйство скотоводческое.

Вот его таблица об оборотах внешней торговли по скотоводческим продуктам.[1] (См. таб. на стр. 148).

Скотоводческое хозяйство, как видим, не удовлетворяло даже внутреннего спроса края на мясные продукты. Край давал по этим продуктам меньше вывоз, чем ввоз, но зато по таким сырьевым статьям вывоза как шерсть, кожа, овчины, каракуль и т.д., край дает по вывозу больше, чем по ввозу: и с этой стороны Туркестан является поставщиком сырья для России.

Торговля подытоживает, таким образом, экономические взаимоотношения России со Средней Азией в изучаемый период: Средняя Азия – поставщик сырья и потребитель русских фабрикатов, коренная Россия в торговле с краем имела пассивный баланс – показатель размеров колониальной эксплуатации. Поставщиком сырья был не только земледельческий район, но также и район кочевой.

Туркестан, однако, и сейчас все же оставался колонией только легкой индустрии. Индустрия тяжелая получила только некоторую возможность вывоза в край своих изделий, но ни топлива, ни руд она из Туркестана не получила и на данном промежутке времени.

6. Колонизация края.

Мы разобрали, таким образом, две колониальные тяжести, легшие на край – это тяжесть эксплуатации аппара-

[1] Там же, стр. 162.

том власти, во-первых, и тяжесть эксплуатации русского торгового и банковского капитала в процессе скупки туркестанского сырья – во-вторых. Теперь осталось к ним прибавить разбор еще одной не менее значительной тяжести – имеется в виду крестьянская колонизация.

В соответствующем месте мы уже дали цифры успехов колонизации к концу изучаемого периода и указали также, что колонизация в основном направлялась в районы кочевые. Теперь нам предстоит разобрать как характер колонизационной политики правительства, так и характер самой колонизации.

Выселение и заселение.

Изучаемый период был периодом выселения крестьян из России: курс центрального правительства состоял в том, чтобы выселить возможно большее количество крестьянских семей из районов земельной тесноты, чтобы этим самым ослабить революционный напор крестьянства на помещичью землю.

Но таков был курс, если брать переселенческую политику, так сказать, в ее чистом виде, как политику выселения крестьянских семей из России. Совершенно же иначе ставится вопрос, когда мы переносим наше внимание в колонию и начинаем изучать уже не вопрос переселенческий, а вопрос *колонизационный,* вопрос о линии правительства *на заселение* края русскими людьми. Здесь мы тотчас натыкаемся на новые цели политики уже связанные с эксплуатацией края, как колонии. Русский переселенец должен был, во-первых, быть опорой русского господства в крае против "мусульманского" населения; он же должен был, во-вторых, быть производителем хлеба в тех районах, где не сеялся хлопок.

Курс на крепкого поселенца и трудности этого курса.

И отсюда вытекала линия на поселенцев богачей.

"Будущие поселенческие поселки должны быть не беднее, а богаче ту-

земных кишлаков", – писал в 1912 г. главноуправляющий Землеустройством и Земледелием Кривошеин,[1] и этот лозунг был основным звеном колонизационной политики правительства в крае, ибо совершенно ясно, что только крепкий богатый мужик мог быть действительно достаточно крепкой и надежной опорой правительства, и только богатей мог быть исправным поставщиком хлеба на рынок.

Но в решении этой задачи правительство натыкалось на большие затруднения. Затруднение первое – оно вытекало из тех обстоятельств, которые толкали русское крестьянство на окраины: крестьянство ехало не от жиру, а от земельной тесноты и помещичьей эксплуатации, оно ехало поэтому не богатым, а разоренным. Чтобы сделать его богатым в крае, нужно было позаботиться о достаточном наделении удобной землей и о помощи при водворении. И отсюда вытекало затруднение второе – недостаток земли в крае для русских поселений и недостаток денег у правительства на домообзаводственные ссуды и на мелиорацию новых земель длй поселков.

Состав переселенцев по достатку.

Иллюстрируем сначала несколькими цифрами имущественное состояние русских переселенцев, приливавших в край в изучаемый период.

Данные обследования 116 русских поселков в крае, основанных за период с 1906 по 1913 г., дают следующее процентное соотношение различных посевных групп по посеву на родине.

	Число хозяйств, засевавших на родине					
	До 1 десятины	1-2 дес.	2-5 дес.	5-10 дес.	Свыше 10 дес.	Сведений нет
Всего	177	5,22	1562	347	383	159
В % к общему числу поселков	5,0	14,7	44,0	21,0	10,8	4,5
В % к числу поселков, о посевах которых имеются сведения	5,9	17,4	52,3	11,3	18,1	–

[1] "Вопросы колонизации" №13, Записка Глав. Управл. З.З. о поездке в Туркест. край в 1912 г.

Переселенцы, имевшие на родине 10 и более десятин, составляют среди общей массы поселенцев всего 18,1 %, главную же массу составляют поселенцы, имевшие меньше 10 десят. посева. При этом больше половины падает на группу в 2–5 дес. посева, т.е. на такую группу, которая сильно приближается к группе бедняцкой. В то же самое время 23,3 % падает на заведомо бедняцкие слои крестьянства.

Край не мог похвалиться, таким образом, достатком приливавших туда переселенцев. Это были в главной массе даже не середняки, а группы, состоявшие в нижних рядах середняцкой массы русского крестьянства.

Это же положение подтверждается и сведениями об имуществе, привезенном в край переселенцами.

	Имущество, с которым прибыли переселенцы в данный поселок (в среднем на 1 х-во прибывшее с каким-либо имуществом)					
	Голов крупного скота	Орудий обработки почвы	Земледельческих машин	Пудов хлеба	Пудов домащ. имущества	Рублей, привезенных переселенцами с собой на 1 х-во, приехавшее с деньгами.
18 поселков Чимкенского уезда	2,33	0,12	0,02	0,91	7,74	133,18
3 селения Ташкентского уезда	0,11	0,14	0,39		6,50	250,84
116 поселков, основанных в 1906-13 г.г.	1,59	0,59		Сведений нет		231,8

При изучении этой таблицы нужно иметь в виду, что 36,7 % всех обследованных хозяйств прибыли в край без всякого имущества и 60,9 % без денег. В этой же таблице представлена только средняя обеспеченность деньгами и имуществом тех, кто имел это имущество и деньги. И мы видим, что эта обеспеченность чрезвычайно ничтожна. В

край прибывали, следовательно, или совершенно нищие люди, или люди с самым ничтожным достатком.

Трудность, вытекавшая из нищеты переселявшихся крестьян, была, как видим, чрезвычайно велика, положительно из нищих приходилось создавать крепкие богатые поселки, но тем не менее задача правительства была решена с достаточным успехом.

Благосостояние поселков в крае.

Вот таблица, великолепно иллюстрирующая эти успехи:[1] (См. стр. 154.)

Только 116 поселков, только что обосновавшихся в период особенного напряжения в отношении колонизационного фонда в крае, дают показатели в общем, сравнительно, низкого благосостояния. Цифры эти, впрочем, значительно уменьшены также и тем, что здесь высчитаны средние не на хозяйства, имеющие данное имущество, а на все наличные хозяйства. Но совершенно иная представляется картина, когда мы обращаемся к старожильческим уже обжившимся поселкам – Семиречье, Чимкентский и Ташкентский уезды. Наряду с чрезвычайно большой обеспеченностью землей, скотом и мертвым инвентарем, мы имеем здесь также такого рода расслоенность, которая и на низшем по зажиточности полюсе вовсе не дает неимущих бедняков. Только в Семиречье, как будто, дает некоторое количество сравнительно слабых хозяйств в двух первых посевных группах. Это объясняется, однако, тем, что там в подсчет вошел также большой процент так называемых посторонних хозяйств, т.е. хозяйств, которые еще не устроены переселенческим управлением и не наделены землею. Это же обстоятельство значительно снижает по Семиречью и цифры средней обеспеченности.

Правительство сумело, таким образом, поставить русских, обнищавших переселенцев, в такие условия, что они

---

[1] Данные обследований переселенческих управлений (Сыр-Дарьинского и Семиреченского). По 116 поселкам данные Яшнева.

Семиречье				18 поселков Чимкентского уезда			
Группы по посеву	Приходится на 1 х-во, имеющее указан. род имущества			Группы по посеву	Приходится на 1 х-во, имеющее указан. род имущества		
	Десятин земли	Голов скота	Инвентаря		Десятин земли	Голов скота	Инвентаря
1. Без посева	5,44	9,32	2,07	1. Без посева	–	12,8	2,57
2. Сеющие до 3 д.	6,37	9,53	2,45	2. Сеющие до 4 д.	41,48	14.5	3,44
3. от 3 – 5 д.	12,09	11,28	3,57	3. от 4 – 8 д.	46,40	19,2	5,31
4. „ 5 – 10 д.	20,32	20,25	3,39	4. „ 8 – 12 д.	40,21	23,5	8,51
5. „ 10 – 15 д.	30,01	32,45	8,26	5. „ 12 – 16 д.	53,85	32,8	9,19
6. „ 15 – 25 д.	42,19	48,81	10,90	6. „ 16 – 20 д.	56,12	34,8	10,68
7. „ 25 – 50 д.	69,38	78,44	15,07	7. „ 20 – 30 д.	57.34	40,5	12,87
8. „ 50 – 100 д.	117,32	132,74	21,25	8. свыше 30 д.	78,84	37,7	15,30
9. свыше 100 д.	221,76	301,17	21,98				
	24,93	25,24	6,60		50,07	27,0	8,28

3 поселка Ташкентского уезда				116 поселков Аулиатинского, Чимкентского, Ташкентск., Перовск. и Андижанск. уездов в 1906-13 г.		
Группы по посеву	Приходится на 1 х-во, имеющее указан. род имущества			Группы по посевам	Приходится на 1 наличное х-во	
	Десятин земли	Голов скота	Инвентаря		Десятин земли	Голов скота
1. Без посева	27,30	2,9	1,60	1. Без посева	10,9	2,22
2. Сеющие до 5 д.	38,81	5,3	1,84	2. Сеющие до 4,0 д.	8,7	2,81
3. от 5 – 10 д.	35,98	9,0	4,06	3. от 4,01 – 8 д.	11,3	8,11
4. ,, 10 –15 д.	41,66	12,5	4,30	4. ,, 8,01 – 12 д.	12,9	8,71
5. ,, 15 – 20 д.	43,61	16,1	6,26	5. ,, 12,01 – 16 д.	14,3	14,81
6. ,, 20 – 30 д.	51,57	16,8	6,84	6. Свыше 16.0 д.	16,6	19,93
7. ,, 30 – 50 д.	74,35	21,5	7,89			
	45,38	13,4	5,18		11,7	8,71

быстро развивали свое хозяйство. Сторожиньческие поселки уже, поэтому, превратились в экономически крепкую опору русского господства в крае, а новосельческие стояли на этом пути -- их достаток к 1913 г., во всяком случае, был гораздо более высок, чем тот достаток, с которым они уехали с родины.

Спрашивается, какими же средствами был достигнут этот результат?

Конфискация земель, как главный источник обеспечения поселков.

Главное для поселенца, это, конечно, удобная для поселения земля. Правительство безцеремонно брало эту землю у туземцев.

По официальным данным 136 поселков в 5 областях края в 1906 г. обладали 451.988 десятин земли, что в среднем на двор давало 34,4 десятины, 116 новосельческих поселков коренных областей края к 1913 г. имели 48.871,2 дес. земли, что составляло 11,7 десятин на хозяйство.[1] Для поселенцев, таким образом, экспроприированы колоссальные массивы культурной земли и это легло в основу их благосостояния.

Значительная часть этих земель была, конечно, поливной: у 116 новосельческих поселений коренных областей поливные земли составляли 29,6 %, в 18 поселках Чимкентского уезда – 19,8 % и в 3 поселках Ташкентского – 10,0%. Что же касается Семиречья, то в нашем распоряжении нет данных об отношении поливной земли к общему землевладению, но зато иемются цифры о соотношении поливного и неполивного посева, из которых видно, что поливной посев там составлял 62,5 % по отношению к общей посевной площади.

---

1 Первая цифра взята из дела канцелярии Туркестанского генерал-губернатора, № 52–1907 г., а вторая – из статьи Е. Яшнева "Колонизация Туркестана за последние годы", "Вопросы колонизации", № 18, стр. 121.

Совершенно ясно, таким образом, что значительный процент землевладения переселенцев составляли такие ценные в крае земли, как поливные, а так как мероприятия правительства по орошению были в общем чрезвычайно ничтожны, то это свидетельствует, что для переселенцев были экспроприированы также и такие земли, в которые был уже вложен труд целых поколений. Переселенческое хозяйство вырастало за счет изгнания туземцев в горы с их насиженных мест и за счет экспроприации не только просто удобных и обработанных земель, но также и земель орошенных.

Колонизационная политика царского правительства вносила, таким образом, еще один новый способ эксплуатации края – это прямая экспроприация туземного землевладения на пользу русского помещика, стоявшего за возможно более широкое переселение крестьян из России, и на пользу русского торгового и банковского капитала, насаждавшего поселки в крае для закрепления своего господства.

При этом, чтобы не повредить развитию хлопкового дела, колонизация районов хлопковых почти не допускалась – поселки вырастали в районах кочевых и превращались в производителей того самого хлеба, который, как уже было отмечено, переправлялся в хлопковые районы. Укрепляясь политически, торговый капитал расширял также сферы своих операций.

Поселенец, как эксплуататор.

Но последствия колонизации заключались, конечно, не только в этом – сам поселенец сделался тоже эксплуататором края. Эта эксплуатация была двоякого рода: во-первых, поселенцы по отношению к окружающему их туземному населению выступали как фермеры-капиталисты, наниматели его рабочей силы; во-вторых – пользуясь своим привилегированным положением "русского" населения и своей сравнительной обеспеченностью, они ши-

роко, конечно, применяли и методы всякой другой, в данном случае, уже внеэкономической эксплуатации.

Как широко в поселках был развит вольный наем, будет видно из следующей таблицы. Для краткости мы даем только нумерацию посевных групп без указания размеров посева: это можно видеть из предыдущей таблицы. (См. табл. на стр. 155).

Семиречье		18 поселков Чимкентского уезда		3 поселка Ташкентского уезда		116 новосельческих поселков коренных областей края	
№№ групп	% нанимав. хоз.	№№ групп	% нанимав. хоз.	№№ групп	% нанимав. хоз.	№№ групп	% нанимавших хоз.
I	5,0	I	–	I	10,0	I	5,9
II	56,0	II	51,3	II	0,0	II	39,6
III	58,6	III	81,7	III	15,2	III	23,2
IV	68,8	IV	87,9	IV	24,2	IV	21,0
V	81,3	V	90,2	V	56,3	V	38,9
VI	90,8	VI	90,8	VI	72,6	VI	56,2
VII	95,1	VII	98,2	VII	74,1		
VIII	98,1	VIII	95,9				
IX	100,0						
	54,3		77,5		40,3		32,0

Данные по всем графам свидетельствуют о чрезвычайно широком применении найма, причем нанимают не только высшие, но и низшие посевные группы. Даже сравнительно малозажиточные поселенцы 116 новосельческих поселков дают все же 32,0 % нанимающих хозяев.

Нанимают при этом, по преимуществу, туземцев. Вот данные текущей статистики за 1915 г.[1]

[1] Сельско-хозяйственный обзор Туркестанского края за 1915 г., ч. 1, стр. 57.

ОБЛАСТИ	Кого чаще нанимали (в процентах сообщений)		
	Русских	Туземцев	Военно-пленных
Сыр-Дарьинская	34	60	6
Ферганская	90	10	–
Самаркандская	38	62	–
Закаспийская	43	57	–

Только Ферганская область с небольшим сравнительно количеством русских поселений дает нарушение правила, очевидно, в виду наличия некоторого кадра еще неустроившихся переселнцев, во всех же остальных областях нанимают, по преимуществу, туземцев, причем это наиболее ярко выражено в наиболее заселенной русскими поселенцами области – в Сыр-Дарьинской.

О Семиречьи у нас нет по этому вопросу цифровых данных, но зато имеется свидетельство официального документа: "...по отзывам местных людей отдельные домохозяева владеют иногда двумя стами и более десятин, т.е. живут помещиками и содержат известное число дешевых киргизских работкинов. Работников таких все мало-мальски зажиточные дворы держат годовых, а кроме того, нанимают с 15 марта по 15 ноября..."[1].

Русский переселенец, таким образом, является также нанимателем разорившихся туземцев; между большею частью поселенцев, с одной стороны, и туземной беднотой – с другой, уже в процессе развития переселенческого хо-

1 "Отчет чиновника особых поручений при министерстве внутренних дел А.А.Половцева, командированного в 1896 – 1897 г.г. для собрания сведений о положении переселенческого дела в Туркестанском крае". СПБ – 1898, стр. 27.

зяйства складывалось новое противоречие – противоречие между наемником и нанимателем.

К этой капиталистической эксплуатации прибавлялась и эксплуатация некапиталистическая: "...большею частью осенью возникают споры о потравах, имеющих в своей основе единственную цель – так или иначе сорвать несколько копеек с киргиза, воспользоваться его беспечностью". На полях, для которых, чем больше будет ходить скот, "тем лучше для будущего урожая сенокосов и яровых посевов...", крестьяне "начинают устраивать ночные засады с целью констатировать факт нарушения киргизом святого значения межи, захватить скот и сорвать несколько копеек, а то и рублей за потраву".[1]

Киргизы на такие притеснения со стороны переселенцев отвечали покражей лошадей, тогда генерал-губернатором была введена мера взыскивать стоимость каждого украденного животного с киргиза той волости, в районе которой случилось воровство. А это, в свою очередь, в руки переселенцев давало новый источник эксплуатации.

Половцев говорит о семиреченцах: "Во всех случаях была взыскана с киргиз стоимость скота, которую они не похищали", например, за скот, который просто забредал от недосмотра в горы.

И далее:

"Впоследствии были обнаружены случаи, когда мужики убивали старых или больных быков своих и получали стоимость их с кочевников под предлогом кражи. Мало того, доныне в области сохранился рассказ о том, как в одном селе мужики зимой поехали в киргизский аул и вернулись оттуда, подвязав лошадям подковы задом наперед; затем, принеся жалобу на увод лошадей, они показали по снегу свежий след до аула и уездный начальник заставил

---

1 Гайер. "Голод и колонизация С.-Д. области в 1891 году", Ташкент, 1893, стр. 71.

киргиз заплатить".[1]

Так обращались со своими новыми соседями поселенцы, опираясь на власть и на свое привилегированное положение в крае. Мы видим, таким образом, что сам поселенец делался тоже эксплуататором туземца. Это обстоятельство и превращало его в прочную опору русского господства в крае, на него опирались, как на участника колониальной эксплуатации туземного населения.

Выводы главы.

Итак – колонизационная политика была третьим звеном в эксплуатации края. Выселяли в край в интересах русского помещика, заселяли богатыми поселками в интересах торгового и банковского капитала, а на туземное по преимуществу киргизское населние все это ложилось колоссальной тяжестью в виде бесконечных конфискаций их обработанных и орошенных земель. Конфисковался труд туземцев, накопленный веками.

Сам переселенец, поселившись в крае, превращался в эксплуататора того же туземца, на которого обрушивалась и вся остальная колониальная эксплуатация.

Перед скотоводческой и дехканской массой встала еще новая революционная задача – бороться против переселенческой политики русского помещика. Вместе с тем, в русских поселках вырастал новый классовый враг туземной бедноты – эксплуататорский переселенец.

7. Оросительное предпринимательство кануна войны и революции.

Оросительная горячка 11-14 г.г. и неудача оросительного предпринимательства.

Хлопководство, как помним, для своего дальнейшего развития настоятельно требовало создания новых оросительных сооружений, и это обстоятельство понималось уже в са-

[1] Чиновник Половцев. Цитированный отчет, стр. 85.

мом начале изучаемого периода. Вопрос шел только о некотором "чувстве меры" или вернее о том или другом оттенке классовых интересов.

Неизвестный автор брошюры "Задачи России в Средней Азии",[1] смотревший на дело исключительно только с точки зрения интересов хлопководства, еще в 1900 г. предлагал организовать широчайшие оросительные работы на казенный счет и вовсе не считал полезным завоз дорогого хлеба из России, ибо это должно был, конечно, удорожить цену рабочей силы в крае.

Такой же автор, как главноуправляющий З.Кривошеин еще в 1912 г. считал возможным все дальше и дальше расширять хлопководство, хотя бы за счет привозного хлеба из России, ибо:

"Каждый лишний пуд туркестанской пшеницы – конкуренция русской и сибирской пшенице; каждый лишний пуд туркестанского хлопка – конкуренция американскому хлопку. Поэтому лучше дать краю привозной, хотя бы и дорогой, хлеб, но освободить в нем орошенную землю для хлопка".[2]

Если устами первого говорил узко хлопковый интерес русской торговой буржуазии, то Кривошеин, как видим, подымается до общеклассовой точки зрения – он отражает интересы всего русского торгового капитала: нужно развивать не только хлопок, но также и спрос на русскую и сибирскую пшеницу.

И в полном соответствии с этим основным своим подходом к вопросу Кривошеин высказывается также за скорейшую перестройку Семиреченской жел. дороги – с Арыси на Верный и далее в Семипалатинск – Алтай:

"Каждый год промедления в постройке этой дороги – потеря для государства".[3]

---

[1] СПБ. 1900 г.

[2] Вопросы колонизации № 12 – 1913 г., стр. 300.

[3] Там же, стр. 303.

Когда в цитированной выше записке военного министерства на первый план выдвигалось: "энергичное ведение работ по орошению государственных земель", то вопрос был уже, конечно, не новый. Он не только неоднократно обсуждался в разных правительственных инстанциях, но значительно был продвинут и в области практического подхода к разрешению задачи: уже шли исследовательские работы по составлению проектов орошения значительных площадей, а к 1910 г. уже насчитывалось 8 предварительных проектов по орошению в крае в общей сложности на 209.750 десятин земли со стоимостью орошения в 23 – 25 миллионов рубл.[1]

Но денег у правительства не было, интерес же русских предпринимателей ко вложению капитала в оросительные системы был чрезвычайно низок, и дело не двигалось.

Голодностепская оросительная система и весьма безхозяйственно построенная плотина в так называемом Мургабском государевом имении, в Закаспийской области, были единственными крупными оросительными сооружениями, созданными в эпоху господства русских.

Все те оросительные работы, которые частично предпринимались в связи с русской колонизацией, были настолько незначительны, что едва ли заслуживают даже простого упоминания. Здесь на церкви тратилось в несолько раз больше, чем на рытье арыков.

И итоги всей этой оросительной работы сводятся к следующему:

"По довоенной статистике считается в общей сложности в Средней Азии 3.400 тыс. десятин и в Закавказье 950 тыс десятин орошенных земель. Из них русскими устроено не более 5 %.[2]

---

1 В.И.Масальский "Хлопководство, орошение государственных земель и частная предприимчивость". Изд. СПБ. 1910 г., стр. 41.

2 Хлопководство СССР и его перспективы. Москва. 1926 г., стр. 10.

Несмотря на настойчивые голоса со всех сторон, что за дело орошения должно взяться государство, что только крупные государственные капитальные вложения могут освободить Россию от влияния мирового хлопкового рынка, вопрос с оросительными работами продвигался, как видим, чрезвычайно медленно.

Между тем, начали раздаваться голоса о "грядущем хлопковом голоде" в связи с ростом текстильной индустрии в самой Америке. Туркестанское же хлопководство все больше и больше докатывалось до последних возможных границ его развития.

Однако, лед затрещал только тогда, когда в России (с 1910 года) начался промышленный подъем, а мировые хлопковые цены в то же время дали чувствительную тенденцию к повышению.

С 1907 по 1910 г. Масальский насчитал всего 7 более или менее значительных предложений на орошение земель в разных районах края, в 1911 же году по списку, составленному Управлением земледелия и государственных имуществ Туркестанского края, их насчитывалось уже 15.[1]

Значительное повышение интереса русского промышленника к оросительному предпринимательству падает, как видим, на 1910 г., а главным образом на 1911 год. С этого времени началась полоса частного предпринимательства.

Но не прошло и нескольких лет со дня первой значительной волны подъема этого предпринимательства (1910 – 11 г.г.), как уже появились большие разочарования.

В документе, относящемся к 1915 г., читаем:

"Вопрос об орошении новых земель в Туркестане с некоторого времени не получает никакого развития, если не считать правительственных специальных изысканий. На-

---

[1] Дело канцелярии управлен. земл. и гос. имуществ № 18 за 1911 г. лист 18–19.

блюдается обратное – полное затишье и даже более – недоверие к этому новому у нас делу.

"Большинство существующих предприятий страдает хроническим безденежьем и многие из них на краю гибели; соглашения по орошению казенных и общественных земель никак не могут реализовать себя, со всех сторон начинают раздаваться голоса пессимизма наряду с чрезмерно радужными ожиданиями золотых прибылей.

"А между тем дело орошения не двигается с места, и наоборот, нарождаются нехорошие признаки безнадежности".[1]

Не успев как следует расцвести, предпринимательство уже завядает.

Только что приведенная цитата взята из доклада инженера Зевальда, которому было поручено обследовать состояние оросительных предприятий по Сыр-Дарье. Его обследование привело его к следующему печальному выводу:

"В Фергане есть 40 оросительных предприятий, и из них нет ни одного, которое бы развивалось нормально и которое можно было бы назвать культурным и серьезным одновременно.

"На днях мне пришлось видеть письмо управляющего предприятем, в котором он приходит в отчаяние от положения дел и называет себя "кандидатом в желтый дом". Нет подходящих механиков, ломаются машины в разгаре сезона, но эти недочеты пустяки по сравнению с недочетами организации и последствиями несерьезного отношения к делу сначала или просто незнания; оказывается, необходимо затратить в два-три раза больше чем предполагалось, возникает сложный вопрос о кредите и ссудах населению, о рабочих руках, все это выясняется постепенно и значитель-

---

1 "Кокандский биржевый комитет 1915 г." Изд. Коканд. 1916 г., стр. 171. Доклад инженера Зевальда.

но запутывает и усложняет последствия непредусмотрительности.

"Население разбегается, ссуды остаются не возвращенными, служащие живут без жалованья, нечем покрыть перерасход и поневоле у предпринимателя опускаются руки, и он приходит в полное отчаяние, и как в данном случае, считает себя кандидатом в сумасшедший дом.

"От руководителей значительных и торговых предприятий нам приходилось слышать о больших неудачах в существующих имениях на собственных землях, об убыточности и даже совершенной невозможности ведения собственного хозяйства в крупном масштабе.

"Все эти разговоры и примеры жизни невольно наводят на мысль о полном банкротстве самой идеи эксплуатации земли крупными предприятиями".[1]

Оросительное предпринимательство провалилось самым блестящим образом.

Причины неудачи.

Трудно отыскать такие причины гибели этого предпринимательства, корни которых лежали бы в самой системе хлопкового хозяйства, ибо 15 и 16 г.г. – годы гибели предпринимательства – были также годами начала конца для роста всего хлопкового хозяйства. Здесь была нормировка цен, она вконец подорвала экономические силы хлопкового хозяйства. За ней последовала революция 17 года, гражданская война и всеобщая разруха.

Но обращает на себя внимание следующее место того же доклада Зевальда:

"При организации нового оросительного предприятия обыкновенно говорят об устройстве оросительных систем и о соответствующих затратах на ирригационные приспособления.

"Предположим, что все это сделано отлично, вода

---

1 Там же, стр. 172–173.

идет, сооружение в порядке и предприятия обеспечены необходимым личным составом, но что же дальше, кто будет обрабатывать земли, откуда взять рабочие руки и как организовать земли?

"Вот здесь и начинаются все те разочарования, к которым приходят после горького опыта".

Все злоключения по свидетельству Зевальда начинаются там, где начинается вопрос о рабочей силе.

И с этим мнением было согласно также и совещание кокандских биржевиков, которому был доложен доклад Зевальда. Основное место его резолюции напирало как раз, именно, на вопрос о рабочей силе.

"Заслушав доклад инженера П.А.Зевальда, совещание нашло необходимым с особой серьезностью отнестись к вопросам о *землеустройстве, рабочих руках и вообще организации заселения вновь орошенных земель, а также* субсидированию населения".[1]

И техническая сторона дела, и вопрос о капиталах были вещами достаточно второстепенными, главный же вопрос заключался в рабочих руках и в организации ззаселения. Это заставляет нас поискать причину гибели оросительного предпринимательства в состоянии рабочего рынка в крае.

Трудность рабочего вопроса в хлопковом хозяйстве нарастала уже давно. Показателем этого могут быть следующие данные и росте прилива рабочих из Кашгара в Ферганскую область:[2]

Годы	Перешло границу из Кашгара в Фергану	Годы	Перешло границу из Кашгара в Фергану
1904	14.556 ч.	1909	12.725 ч.
1905	13.337 ,,	1910	20.402 ,,
1906	16.882 ,,	1911	26.463 ,,
1907	26.027 ,,	1912	27.174 ,,
1908	25.943 ,,		

1 Там же, стр. 179. Курсив мой.

2 В.Юферов. "Труд в хлопководстве Туркестана". СПБ. 1914 г., стр. 22.

Вместе с этим возрастали и цены на рабочие руки: с 1900 по 1911 г. они возрасли примерно в 3,3, раза и достигли 2-х руб. за рабочий день.

Начались раздаваться голоса о том, чтобы использовать в качестве рабочих по хлопку приливавших в край русских переселенцев, но правительство давало, конечно, отпор такому посягательству на русский престиж в крае, ибо как писал Кривошеин: "самое положение русского человека, как батрака в хозяйстве покоренного им сарта, плохо вяжется с достоинством русского имени, не произведет хорошего морального впечатления на азиатской окраине и во всяком случае не может быть возведено в правило самим государством".[1]

Иначе дело стало тогда, когда возник вопрос о русском предпринимательстве: передача русского переселенца в арендаторы ли или даже в батраки к русскому же предпринимателю, русского престижа не нарушало, а к тому же поселение крестьян на орошенных частным капиталом землях содействовало решению задачи выселения крестьянства из России. И то же ведомство земледелия уже само навязывает переселенцев оросительным компаниям.

В особой инструкции о правительственном регулировании распределения вод Аму и Сыр-Дарьи Главное Управление Землеустройства и Земледелия требовало, чтобы не менее половины всей орошаемой земли поступало в распоряжение казны, для поселения на ней на условиях долгосрочной аренды русских поселений.

Предприниматели при этом не возражали. Когда инженеру Ананьеву в соглашение по орошению Ширбатской долины Бухарского ханства был вставлен пункт: "9. Из общей площади орошенных земель Ананьев обязывается до половины всех земель предоставить в аренду лицам рус-

---

1 Вопросы колонизации" № 13. Цитированная запись Кривошеина, стр. 305.

ского происхождения на условиях устанавливаемых по добровольному с ними соглашению, но не более обременительных, чем для туземного населения", то он принял этот пункт целиком без всяких возражений.

Не удалось обнаружить конфликтов по этому вопросу и с другими предпринимателями. Колонизация вновь орошенных земель была до известной степени спасением для оросительных компаний: это решало рабочий вопрос.

Но с началом войны движение переселенцев в край прекратилось, и рабочий вопрос стал основным камнем преткновения на пути широкого развития оросительных предприятий. Дело докончила война и революция.

Итак – государственного орошения земель не получилось, ибо у государства не было на это денег, орошение же частно-капиталистическое провалилось в основном в силу неудач в разрешении рабочего вопроса, но не без влияния, конечно, и всех тех общих причин, которые разрушили хлопководство в эпоху войны и революции.

Нет сомнения, что оросительная горячка 11 – 14 г.г. была не чем иным, как попыткой русской империалистической буржуазии поднять использование края, как хлопкового района, на высшую ступень. На смену торговому капиталу, или, вернее, наряду с ним в крае попытался внедритьмя капитал промышленный, чтобы путем орошения новых площадей вывести хлопководство края из описанного уже тупика на новую широкую дорогу.

Борьба правительства против крупных латифундий.

Это внедрение, как видели, потерпело неудачу, но при удаче оно означало целый переворот во всей системе хлопкового хозяйства – роль торгового капитала, нет сомнения, была бы принижена и гегемоном в крае мог бы сделаться новый господин – владелец крупнейших хлопковых латифундий.

Страхи перед грядущим хлопковым кризисом и желание освободиться от Америки были очень велики, и ка-

питалы поэтому приглашались, но крупных латифундий, надо сказать, побаивались довольно сильно. Постоянной непременной нитью во всей переписке по заключению соглашений с предпринимателями на орошение земель проходило стремление по возможности ограничить размеры латифундий. Идеологическим обоснованием этого было указание на то, что не годится, мол, отдавать все в одни руки, нужно оставить и другим претендентам, но в самом деле вопрос заключается, конечно, не в этом.

"Не надо забывать, писал один из противников крупных латифундий при обсуждении двух крупнейших проектов орошения в Голодной степи, что с проведением в жизнь крупных частных предприятий создадутся крупнейшие "латифундии", которые могут наложить свою тяжелую руку и на производителя ч на потребителя. Создание же двух громаднейших предприятий, которые станут выбрасывать на рынок миллионы пудов хлопка, конечно, должно сильно отразиться на рынке, это может оказатьмя тяжелым для всей хлопковой промышленности. Лучше несколько повременить, отложить орошение центральной части Голодной степи, нежели передать ее орошение частному обществу, да еще на тех началах, кои предлагаются концессиями". И из этого тезис, что орошение Голодной степи должно итти за счет государства.

Документ принадлежит очень небольшой сошке – начальнику изысканний, инженеру Чикову, но на нем мы имеем также следующую резолюцию генерал-губернатора Самсонова:

"Несомненно, все это правильно и скажу далеко не исчерпывает всех невыгод от сдачи концессий в руки частных предпринимателей. Мое глубокое убеждение, что и в Фергане орошение должно быть взято казною в свои руки".[1]

---

[1] Дело Управления земл. и госуд. имуществ Туркестанского края, № 23 – 1913 г. лист 20.

Со стороны людей, хорошо понимавших интерес русского торгового капитала, мы имеем, таким образом, большой афронт против крупных латифундий. Торговый капитал господин там, где мелкое хозяйство. Там же, где крупная капиталистическая латифундия, он превращается в подчиненную силу. Совершенно понятен, поэтому, трепет идеологов этого последнего пред перспективой, что крупные латифундии "станут выбрасывать на рынок миллионы пудов хлопка", что "конечно, должно сильно отразиться на рынке". Но надо полагать, что все это было бы не в ущерб интересам "всей хлопковой промышленности", как это ззаявлено в цитированном документе, а только в ущерб тому, кто сейчас господин на этом самом рынке – в ущерб русским торговым фирмам.

Лучшим наиболее безболезненным выходом из давно ощущаемого тупика для торгового капитала было, конечно, орошение земель на средства государства, и Чиков в полном согласии с Самосновым стоит за орошение на счет казны даже тогда, когда с очевидностью было ясно, что казна не имеет для этого нужных капиталов и когда уже появилась возможность широкого привлечения капиталов частных.

По их мнению "лучше несколько повременить", чем сдавать командные высоты в крае, занятые крупными торговыми фирмами.

Но эта сопротивляемость "латифундиям" была все же слишком незначительна – кое-как удавалось ограничивать размеры латифундии, а в общем курс стоял все же на поощрение частно-капиталистического предпринимательства, ибо страх пред грядущим "хлопковым голодом" и желание освободиться от Америки были сильнее.

Если предпринимательство потерпело полное крушение, то не только потому, конечно, что ему недостаточно сочувствовали, а, главным образом, по причинам совершенно иного порядка. Мы полагаем, что причиной этому

были вскрытые уже затруднения по набору рабочей силы.

Ни государство, ни частное предпринимательство не смогли, как видим, вывести хлопководство на новую дорогу, пришла революция и решила этот вопрос по-своему.

Основная задача дальнейшего изложения сводится теперь к тому, чтобы показать те революционные силы, которые сделали революцию 1917 года в Средней Азии и решили не только задачу "хлопковую", но и все остальные задачи, о которых говорилось выше.

8. Промышленный капитализм и чайрикерство в земледельческом и скотоводческом хозяйстве края и капитализм в городе.

Уже достаточно в разработанных по отдельным главам обобщениях говорилось, что в основном эти революционные силы должны были вырастать и вырастали из дехканского и скотоводческого хозяйства. Основное, все время подчеркиваемое противоречие в крае это было противоречие между колониальным господством русского торгового и банковского капитала, с одной стороны, и дехканско-скотоводческой массой плюс городской ремесленник и мелкая буржуазия, с другой. Все поставленные выше вопросы являются только отдельными звеньями, составными частями этого большого решающего противоречия.

Но недостаточно, конечно, сказать, что что-то угнеталось и в меру или без меры поплакать над этим угнетением, надо также показать, что именно подвержено этому самому угнетению, надо разобрать "основной фон того хозяйства, которое угнеталось этими непосредственными ближайшими бедствиями" (Ленин), надо спуститься, следовательно, еще раз в самый строй угнетаемого дехканско-скотоводческого и городского хозяйства края, чтобы дать себе более или менее ясный отчет, как о типе угнетаемого хозяйства, так и о характере (это вытекает из перво-

го) тех революционных сил, которые вырастали на базе развития этого зозяйства.

Чайрикерство. Первый и очень важный для нас здесь вопрос о знаменитом Туркестанском чайрикерстве, т.е. об издольщине, о своеобразном типе Туркестанского крепостничества.

Чайрикерство было и до прихода русских, было и росло, как уже видели, и в XIX веке. Не прекратился этот рост и в изучаемый период, наоборот, даже сильно увеличился. Доказательством тому будет свидетельство Палена, в которой совершенно четко констатируется факт, что разоряющиеся в результате ростовщической кабалы мелкие земледельцы "принуждены расставаться с частью своих мелких клочков земли, а то и полностью, передавая их в собственность кулаков-баев, сами же затем идут в чайрикеры-дольщики, отдавая свой труд и все выгоды от него в пользу патронов".

Чайрикерство вырастало из ростовщической кабалы, было прямым ее продолжением.

Вот таблица степени задолженности ростовщикам различных посевных групп ферганского дехканина.

Группы хозяйства	Задолженность на 1 десятину поливной земли
1. Не сеющие	262,8
2. Сеющие до 5 танапов	154,62
3. „ от 5 – 10 танапов .	99,3
4. „ от 10 – 20 „ . .	93,3
5. „ свыше 20 „	58,74
	86,76[1]

Чем ниже по достатку дехканское хозяйство, тем большая доля его имущества уже фактически принадлежит не ему, а ростовщику баю. Еще шажок и имущество бед-

[1] В.Юферов. "Хозяйство сартов Ферганской области". Изд. 1911 г., стр. 61.

няка уже не только фактически, но и юридически переходит к баю, а бывший владелец поступает к баю издольщиком, чайрикером, т.е. получает от бая теперь уже юридически его (байские) земли и орудия производства и отдает за это (обыкновенно очень солидную) долю результатов своей напряженной работы.

Из кабалы бедняцкого дехканства вырастало чайрикерство. Принципиально кабала чайрикера ничем не отличалась от кабалы "самостоятельного" хозяина, *это была только высшая ступень первой, ее логическое развитие.*

Но важно в данном случае отметить, что чайрикерство ничуть не влекло за собой перестройку сельского хозяйства. Оставалось то же мелкое производство, чайрикер по-прежнему работал своей семьей на мелком участке, вел хозяйство в мелком масштабе, работал за своей ответственностью, но работал *только уже не своим* волом и омачом (туземный плуг) и уже *не на своем* земельном участке.

Но почему же росло чайрикерство, а не вольный наем, не капитализм?

У Палена имеется очень характерный расчет стоимости обработки и прибылей при чайрикерском способе обработки и при обработке вольным наймом.

Возьмем из его расчетов для примера одну волость (Хакенскую, Андижанского уезда), которая была типичной для хлопкового района, и представим результаты расчетов стоимости обработки хлопка в следующей таблице:

Способ обработки	Расходов на обработку и уборку	Валовой доход	Чистый доход
Поденный наем .	147,60	216,00	68,40
Чайрикерство .	68,61	216,00	147,39
Плюс (+) или минус (–) при обработке и уборке силою чайрикера	– 78,99	–	+ 78,99

Мы имеем, таким образом, колоссальное преимущество труда чайрикерского над поденным наймом. Прибыль хозяина при чайрикерской обработке в данном случае больше, чем вдвое, превышает прибыль при поденном найме. Такое преимущество крепостничества перед вольным наймом было возможно только при том низком уровне производительных сил, на каком стояло сельское хозяйство Туркестана. В задержке развития производительных сил была повинна, как уже разобрано выше, колониальная эксплуатация края и примыкавшая к ней эксплуатация трудового населения местным байством и манапством. Развитие чайрикерства, поэтому, тоже можно и должно отнести за счет русского господства.

Но спрашивается, если чайрикерство не могло победить капитализм, развивавшийся в Средней Азии, то почему оно не было разрушено конкуренцией капиталистически развитого американского хлопкового хозяйства? Но на это ответ дан уже в первой части работы – от ударов конкуренции Америки средне-азиатское крепостничество защищалось стеной высоких покровительственных пошлин на хлопок.

Итак: чайрикерство было логическим развитием декханской кабалы, оно вырастало на низком уровне производительных сил туркестанского сельского хозяйства, оно не пережило кризиса в конкуренции с технически высоким американским хлопковым хозяйством только потому, что существовала четырехрублевая пошлина на американский хлопок.

Высокой пошлиной русское правительство не только повышало прибыли торговцев туркестанским хлопком, оно в то же время консервировало в крае крепостничество. Это же последнее лежало не меньшей преградой на пути развития производительных сил края, чем сама эксплуатация торгово-ростовщического капитала.

Вопрос о борьбе за развитие производительных сил

края, о революции, упирался и здесь в те же двери – через чайрикерство в русское господство. Кто был за капитализм и против чайрикерства, тот должен был быть и против русского колониального господства. Чайрикерство, как система хозяйства, как система эксплуатации вовсе не являлась системой угнетаемой, наоборот, это одно из звеньев всей системы угнетения, подобно тому, как носитель этого типа производственных отношений бай был одним из угнетателей среди всей армии угнетателей.

Капитализм в оседлых районах.

Подлинно угнетаемой системой хозяйства было как раз не хозяйство, построенное на чайрикерстве, а хозяйство, построенное на вольном найме, т.е. хозяйство промышленно-капиталистическое.

Прежде всего, вопреки мнению, прочно сидящему даже подчас в партийной литературе, нам придется сейчас констатировать, что развитие капитализма (промышленная форма) за время господства русских сделало в крае чрезвычайно большие успехи.

Вот таблица, показывающая сравнительные успехи чайрикерства и вольного найма (мардэкеры) в оседлых районах края: (См. таб. на стр. 177).

Мардэкерство, как видим, сделало не менее большие успехи, чем чайрикерство, несколько районов по данным Палена и данные о 4-х кишлаках Андижанского уезда дают даже перевес мардэкерства над чайрикерством.

В последних двух источниках нет цифровых величин о распространенности чайрикерства, но % хозяйств, пользующихся трудом мардэкеров, здесь стоит гораздо выше, чем по всем предыдущим данным. Это свидетельствует о том, что здесь процесс распространения отношений вольного найма зашел еще дальше.

И следует также отметить, что данные работы Юферова и данные 45 бюджетов относятся почти к одному и тому же району – 16 хозяйств "бюджетов" – тоже взяты из Ан-

Какие данные	Процент хозяйств, обрабатывающих землю с помощью		Год, к которому относятся данные
	Чайрикеров	Мардэкеров	
1. Волости, обследованные "ревизией Палена":			
Долинные . . .	14,65	15,77	
Долинно-степные.	22,75	14,32	
Предгорья	12,56	3,27	
Горные.	19,55	3,91	1908
2. Аму-Дарьинский Отдел:			
Шураханский р. . .	3,16	32,02	
Чимбайский р. .	3,8	6,23	
3. Данные о 4-х кишлаках Андижанского уезда из работы Юферова "Хозяйство сартов Ферганской области . .	17,40	33,92	1909
4. Данные о 4-х Узбекских кишлаках Чимкентского уезда по материалам переселенческого управления .	?	36,40	1906
5. Данные "Бюджетов 45 хозяйств Ферганской области. .	?	48,00	1915

дижанского уезда. Это дает некоторое право сказать, что более поздние данные бюджетов (1915 г.), в сравнении с более ранними данными Юферова (1909 г.), могут служить показателем роста числа хозяйств, прибегающих к вольному найму: в 1909 г. нанимающих было 33,92 %, в 1915 уже 48 %. Нет, таким образом, никаких сомнений, что наряду с полукрепостничеством – чайрикерством мы имели в оседлых районах края и рост нового типа производительных отношений, отношений промышленно-капиталистических. Важно только сейчас и совершенно необходимо для даль-

нейшего изложения выяснить, из каких групп хозяйств (по достатку) вырастал этот новый тип капитализма, капитализма промышленного.

Возьмем данные о распространенности вольного найма по группам хозяйств по достатку. Они могут быть представлены в следующей таблице: (См. табл. на стр. 179).

Чимкентский уезд, 45 бюджетов Ферганской области и оседлый район Аму-Дарьинского Отдела дают закономерное и очень резкое повышение числа нанимателей на высшем полюсе дехканского хозяйства. Но совершенно иначе это повышение идет в 4-х кишлаках Андижанского уезда и в 11 долинных волостях, обследованных Паленом. В первом случае в последней группе этот процент резко понижается, а во втором повышается очень слабо.

Кишлаки Чимкентского уезда могут быть типичными для оседлых поселений северной части Сыр-Дарьинской области, т.е. для района очень небольшого и в общем игравшего довольно незначительную роль в общей экономике края. 45 бюджетов Ферганской области уже по одному тому не могут служить прочной опорой для широких обобщений, что они дают данные всего только о 45 хозяйствах. Данные об Аму-Дарьинском отделе относятся к району отдаленному и во многом своеобразному.

Типичным, поэтому, для основного массива изучаемого экономического района могут считаться в данном случае данные о 4 кишлаках Андижанского уезда и об 11 долинных волостях, обследованных Паленом. Эти последние к тому же разбросаны широко по району.[1]

Выходит, что в данных, которые занимают в наших обобщениях первое особенно веское место, мы имеем либо замедление в росте, либо даже падение процента нанимающих хозяйств в высшей, т.е. определенно байской, по-

---

[1] 1 вол. – Ташк. уезда; 2 – Андижанского; 2 – Маргеланского; 2 – Кокандского; 1 – Ходжентского; 2 – Самаркандского; 1 – Катта-Курганского.

4 кишлака Чимкентского уезда		4 кишлака Андижанского уезда		45 хозяйств Ферганской области		11 долинных волостей, обследованных Паленом		Оседлая часть Аму-Дарьинского Отдела	
Группы хозяйств по посеву:	% хозяйств, прибегающих к найму рабочей силы	Группы хозяйств по посеву:	% хозяйств, нанимающих мардэкеров	Группы хозяйств по земле-владению:	% хозяйств, нанимающих сроковых рабочих	Группы хозяйств по земле-владению:	% хозяйств с мардэкерами	Группы хозяйств по посеву:	% хозяйств пользующихся вольным наймом вообще
				Владеющие:					
1. Без посева	2,07	1. Без посева	—	1. от 0,0 до 0,52 дес.	1	1. Безземельн.	—	1. Не сеющие	3,5
2. С посевом до 4 дес.	7,04	2. С посевом до 5 танапов	15,5	2. от 0,53 до 1,08 дес.	33	2. Владеющие до 2 д. земли	9,90	2. Засеивающие до 2 д.	8,8
3. С посевом от 4 до 16 д.	59,40	3. С посевом от 5 до 10 т.	40,2	3. от 1,09 до 2,07 дес.	41	3. Владеющие от 2,01 до 10 д.	19,80	3. Засеивающие 2-5 д.	24,1
4. С посевом свыше 16 д.	93,20	4. С посевом от 10 до 20 т.	50,3	4. от 2,08 до 3,85 дес.	66	4. Владеющие больше 10 д.	21,05	4. Засеивающие 5-9 д.	50,3
		5. С посевом свыше 20 т.	33,9	5. от 3,86 до 13,92	88			5. Засеивающие свыше 9 д	79,5
	36,40		33,92		48,00		15,75		14,7

севной группе. И мы считаем, что это совершенно не случайно, а вполне закономерно для подавляющей части изучаемого района.

Секрет этого явления нам раскроет следующая очень показательная таблица:

11 долинных волостей, обследованных Паленом				4 кишлака Андижанского уезда			
№№ групп	% хозяйств с чайрикерами	% хозяйств с мардэкерами	% х-в, эксплуатирующих чужой труд вообще	№№ групп	% хозяйств с чайрикерами	% хозяйств с мардэкерами	% х-в, эксплуатирующих чужой труд вообще
I				I			
II	7,05	9,90	16,95	II	8,2	15,5	23,7
III	18,01	19,30	37,31	III	11,49	40,2	51,51
IV	41,14	21,05	62,19	IV	17,48	50,3	67,51
				V	57,89	33,9	91,79
	14,65	15,75	30,42		17,40	33,92	51,32

Графы, показывающие процент эксплуатирующих хозяйств, дают совершенно иную закономерность, чем графы об эксплуатации вольнонаемного труда. И по 11 волостям мы имеем здесь не замедление, а как раз самое резкое повышение интересующего нас процента, и по Андижанскому уезду, не понижение, а еще более резкое повышение. Дело же, оказывается, в том, что на высшую посевную группу падает чрезвычайно высокий процент хозяйств с чайрикерами. По 11 волостям это 41,14 %, а по Андижанскому уезду – 57,89 %. В первом случае это вдвое, а во втором в 1 3/5 раза больше, чем хозяйств с мардэкерами.

Просматриваем теперь те же графы по остальным группам хозяйств и находим, что ни в одной группе это явление больше не повторяется. Закономерно, что везде % хозяйств с мардэкерами гораздо выше, чем % с чайрикерами.

Особо, как уже и было замечено, стоит оседлая часть Аму-Дарьинского отдела. Здесь процент распространения издольщины по группам выражается в следующей таблице:

Группы хозяйств по посеву	% хозяйств, пользующихся издолщиной
1. Не сеющие . . .	.0,0
2. Засевающие до 2 дес.	. . 17,03
3. от 2 – 5 дес.	.13,1
4. „ „ 5 – 9	.13,5
5. Свыше 9 дес.	.15,6

Мы имеем и здесь ту же самую тенденцию в высшей группе, выраженную только далеко не так рельефно. Цифровой ряд, кроме того, не дает такой правильной закономерности, как в уже разобранных таблицах.

Таким образом, в отношении решающих районов вскрывается чрезвычайно интересное и особенно важное для нас обстоятельство: капитализм, эксплуатация вольнонаемного труда, вырастает, как видим, по преимуществу из средних посевных групп, группы же высшие, байские, дают чрезвычайно высокий процент хозяйств, эксплуатирующих труд чайрикера. Крепостничество вырастало там же, где росла и развивалась и торгово-ростовщическая эксплуатация, бай ростовщик был в то же время и баем крепостником. Борьба двух форм производственных отношений в оседлом кишлаке должна была быть борьбой высших и средних посевных групп.

Было бы, однако, большим пробелом, если бы мы не заметили здесь же, что наличие жестокой торгово-ростовщической эксплуатации значительно изменяло характер эксплуатации вольного труда, как в низших закабаленных группах дехканского хозяйства, так и в хозяйствах самих чайрикеров, которые, надо заметить кстати, тоже нанимали батраков и поденных в свое хозяйство и нанимали

очень часто. Строй дехканского хозяйства, будь оно большое или малое, будь оно даже чайрикерское, но с вольным наймом, – был строем капиталистическим. Но ростовщический кредит и хищническая (с махинациями) скупка изымали из этого хозяйства не только весь прибавочный труд вольнонаемного работника, но вдобавок прибавляли к нему также и прибавочный труд самого хозяина и его семьи. Капиталистичность низших групп дехканского хозяйства и хозяйства чайрикера была, таким образом, чрезвычайно условной, очень своеобразной, – результаты эксплуатации в их хозяйствах вольно-наемного труда попадали не работодателю, а эксплуататору этого самого работодателя.

Совершенно очевидно, что это обстоятельство должно было передвигать и передвигало линии классовых противоречий в туркестанском кишлаке. Капиталист дехканин и наниматель чайрикер – носители новых форм производственных отношений – противостояли торгово-ростовщическому капиталу и крепостнику, и тогда, когда они стояли за свое право эксплуататора, и тогда, когда они боролись с баем, как объект его эксплуатации. С другой стороны, действительным подлинным капиталистом, присваивающим труд батрака, работающего в мелком дехканском и чайрикерском хозяйстве, был не этот мелкий дехканин и чайрикер, а бай – эксплуататор этих последних.

Бай был общим врагом и батрака и средняцко-бедняцкого дехканства и чайрикеров. Классовые противоречия между непосредственным нанимателем и наемником ослаблялись, были в то же время все предпосылки для единого противобайского фронта от батрака до среднего дехканина.

Капитализм в скотоводческом киргизском хозяйстве.

Но капитализм проникал не только в оседлый кишлак, он не обошел и скотоводческие кочевые районы.

Богатейший материал по этому во-

просу дают однажды уже использованные материалы переселенческих управлений. Для краткости, однако, как и по району оседлому, возьмем и здесь только вопрос о вольном найме.

Области и уезды	% хозяйств: Пользующихся наемным трудом	% хозяйств: Отпускающих рабочих на сел.хоз. работы (батраков)	Год, к которому относятся данные
Семиреченская обл.			
Копальский уезд	17,65	7,48	1910
Джаркентский ,,	11,4	6,91	1910
Лепсинский ,,	14,05	20,07	1900
Верненский ,,	15,73	20,73	1911
Пржевальский	16,02	6,66	1913
Пишпекский ,,	52,10	16,50	1912-13
Сыр-Дарьинская обл.		Отпускающих батраков и пастухов на круглый год.	
Чимкентск. уезд (юго-восточ. часть)	28,83	12,86	1906
Остальная часть Чимкентскогс у. за исключением района реки Чу.	23,17	4,65	1907-8
Район реки Чу и низовьев реки Таласа Чимкентского и Аулиатинского уездов	20,37	20,67	1913
Аулиатинский уезд	19,50	—	1907-9
Перовский ,,	15,71	6,00	1910
Казалинский ..	12,53	4,55	1911
Аму-Дарьинск. отд. (кочевой район)	22,76	21,34	1912-13
Самаркандская обл.			
Район Голодной степи и прилегающих местностей Ходженского и Джизакского уездов	20,17	11,06	1911-12
Ферганская область			
Наманганский уезд	11,65	5,54	1912
Андижанский ,,	12,7	1,08	1911
Южная часть области (Ошский, Скоболевский и Кокандский уезды	13,59	2,0	1913

Вот таблица, дающая представление о распространенности найма в кочевых районах. (См. таб. на стр. 183).

Процент хозяйств, прибегающих к вольному найму, в различных районах различен, но в общем он колеблется между 32 и 11. Киргизские хозяйства по распространенности найма стоят, как видим, значительно ниже оседлых узбекских хозяйств, но тем не менее и здесь отношения капиталистической эксплуатации сделали уже чрезвычайно большие успехи. Капитализм растет и в киргизском хозяйстве.

В свете рассмотренной уже борьбы богатых кочевников и оседающей бедняцко-середняцкой части киргизского народа вокруг оседания интересно бы подробно рассмотреть, как развивается капитализм в кочевом и оседлом киргизском хозяйстве, какое из них пошло дальше по пути развития капиталистической эксплуатации. Однако для этого нет достаточного количества подробных данных. Мы можем, однако, в данном случае привести следующую очень показательную таблицу по Семиречью. В ней расположены уезды в нисходящем порядке по % хозяйств, имевших посевы, и даны для сравнения графы о распространенности вольного найма.

Уезды в нисходящем порядке по % сеющих хозяйств	% сеющих хозяйств	% х-в. прибегавших к найму рабочей силы	Число нанятых работников на 1 нанимающее хозяйство
1. Пржевальский.	. . .93,95	16,02	0,82
2. Пишпекский.	. . .92,94	32,10	0,42
3. Копальский	.81,51	17,65	1,90
4. Верненский	.79,26	15,73	1,41
5. Лепсинский . . .	. .76,61	14,05	1,28
6. Джаркентский	.68,80	11,40	2,09

Пржевальский уезд исключение: он дает высокий

процент хозяйств и низкий процент нанимающих; что же касается остальных уездов, то мы наблюдаем в них очень интересную закономерность – чем меньше сеющих хозяйств, тем меньше и хозяйств, эксплуатирующих вольнонаемный труд. Капитализм развивается, таким образом, вместе с развитием земледельческого хозяйства.

Но, с другой стороны, последняя графа вносит в это положение значительную поправку, и малый % нанимающих иногда (Джаркентский уезд), как видим, сопровождается большим количеством наемников на одно нанимающее хозяйство, и наоборот: большой процент нанимателей дает малую среднюю нанимаемых работников (Пишпекский уезд). Это значит, что никак нельзя на основании приведенных данных безоговорочно сказать, что капитализм в киргизских районах появляется только благодаря развитию земледельческого хозяйства. Земледельческое хозяйство только повышает количество нанимающих, но и кочевое хозяйство дает наемников иногда, может быть, более крупных, чем хозяйство земледельческое.

К этому нужно добавить, что по остальным районам даже и такой закономерности не наблюдается, там не видно влияния роста посевов на рост вольного найма.

Мы можем, поэтому, только относительно Семиречья делать заключение, что там сказалась тенденция роста капитализма вместе с ростом земледельческого хозяйства. Только для Семиречья, поэтому, можем сказать, что борьба кочевого и оседлого хозяйства была там в то же время некоторым образом и борьбой капитализма с родовой патриархальщиной.

Интересно теперь посмотреть, насколько глубоко проникло в киргизское земледельческое хозяйство чайрикерство. Это будет видно из следующей таблицы:

УЕЗДЫ	% хозяйств, обрабатывающих пашню издольно по отношению к общему числу сеющих хозяйств.
Аму-Дарьинский отд. (кочевой район)	3,50
Район р. Чу и низовьев р. Таласа Аулиатинск. Чимкентск. уездов	19,59
Казалинский уезд . .	0,59
Перовский .	2,76
Южная часть Ферганской области (Ошский, Скобелевский и Кокандский уезды)	4,79
Наманганский уезд .	14,30
Андижанский	10,82
Район Голодной степи и прилегающих местностей Ходженского и Джизакского уездов	5,85

Большинство уездов дает очень низкий процент издольной обработки земли, но есть и такие уезды, где число хозяйств с издольщиной колеблется между 10 и 20-ю процентами. Таких районов три. Мы можем, таким образом, с полной определенностью сказать, что издольщина не имела широкого распространения в киргизских районах, растущий здесь капитализм не встречал на своем пути таких сильных ростков крепостничества, какие он встречал в районах оседлых.

Остается только добавить, что там, где издольщина действительно была, она, как в районах оседлых, являлась по преимуществу манапской и байской, а не середняцкой системой хозяйства. Это мы увидим из следующей таблицы:

Группы хозяйств по лошадям	Процент хозяйств, обрабатывающих пашню издольно, по отношению к общему числу сеющих хозяйств		
	Район реки Чу и низов. реки Таласа и Аулиатинского уездов	Наманганский уезд	Андижанск. уезд
1. Без лошадей. . .	.21,84	32,24	15,50
2. С 1-й лошадью.	.13,84	9,94	4,60
3. „ 2-3 лош.	.24,16	6,32	5,76
4. „ 4-5 „.	.34,94	6,43	8,59
5. „ 6-8 „	.25,00	7,10	12,58
6. „ 9-13 „.	.45,37	12,30	20,53
7. „ 14-22 „ . . .	.41,50	27,94	30,04
8. „23-50 „	.50,53	35,29	48,26
9. Свыше 50 лош.	.64,29	26,32	70,27
	19,54	14,30	10,82

По всем трем районам почти без колебаний процент хозяйств, прибегавших к издольщине, повышается по направлению к высшим лошадным группам. Резко нарушается правило только в первой безлошадной группе, т.е. группе, в которой издольщина ни в коем случае не могла носить эксплуататорский характер. Значительный % хозяйств киргизского манапства и байства по своему крепостническому типу ничем не отличается от соответствующей группы байских хозяйств оседлых районов. И там и здесь полукрепостничество – издольщина, но только бай в оседлом районе по этой дороге зашел значительно дальше своего собрата бая и манапа в кочевых районах.

Итак, капитализм проникал и в кочевые киргизские районы, но проникал (и проник) он сюда гораздо слабее, чем в районы оседлого хозяйства узбека. Для Семиречья мы можем сказать к тому же, что толчком для развития капитализма там в значительной степени было развитие земледельческого хозяйства.

Издольщина в общем в киргизском районе была развита чрезвычайно слабо, там же, где она достигла значительных размеров, она была формой манапского и байского хозяйства, т.е., иначе говоря, повторялось то же явление, что и в районе оседлого земледельческого хозяйства.

Капитализм в городе.

Если мы теперь перейдем к городу, то и там мы найдем капитализм того же типа.

Мы ссылались уже выше на данные Заорской и Александер, напомним теперь только, что по этим данным в 1913 г. было насчитано по самой промышленной части края 706 таких промышленных заведений, которые имели механические двигатели и не менее 10 рабочих. Всего же рабочих на них насчитывалось 20.925 человек. Данные же такого автора, как В. Балкова, относящиеся к 1920 году, показывают, что из 12.061 кустарных заведений, насчитанных по Сыр-Дарьинской, Самаркандской, Закаспийской (бывшей) и Семиреченской (бывшей) областям, 1.671 заведение имело вольно-наемных рабочих. При этом, эти вольнонаемные рабочие распределялись среди них следующим образом:

Было заведений, в которых занято рабочих:

1 человек	7907	заведений
2 ,,	2474	
3 – 5 человек	1145	
6 – 15 ,,	340	
16–30 ,,	121	
31–100 ,,	75	,,
Свыше 100 ,,	24	,,[1]

Строй городского хозяйства свидетельствует, таким образом, что и там были довольно сильные ростки промышленного капитализма, он вырастал из мелкого ремес-

[1] См. "Ком. Мысль" кн. 3, стр. 128.

ленного производства. Были даже, как видим, настоящие фабрики с числом рабочих больше 100 человек.

Динамику роста этого капитализма можно некоторым образом представить себе на основании следующей таблицы, составленной по данным Заорской. Из всех обследованных Заорской заведений было открыто:

до 1880 г.	3,0 %
1880-1890 г.г.	9,0 %
1890-1900 „	15,8 %
1900-1910 „	37,3 %
„ 1910-1914 „	29,3 %
неизвестно когда	5,6 %

Мы имеем, таким образом, не только наличие промышленных заведений с вольным наймом, но и прогрессивный рост количества этих заведений.

Выводы главы.

Вся глава, таким образом, приводит нас к выводу, что при наличии жестокой торгово-ростовщической и "аппаратной" эксплуатации, при наличии далее очень широко распространенной издолщины, росли тем не менее и новые формы производственных отношений, рос капитализм в промышленной форме, как в городском, так и в сельском хозяйстве. Этот растущий капитализм как раз и составлял "фон того хозяйства, которое угнеталось этими непосредственными бедствиями" (Ленин).

Если мы теперь вернемся назад и еще раз перечислим точнее и несколько подробнее эти "бедствия", то нам представится следующая картина.

Район кочевой: – здесь оседающее киргизское хозяйство, уже ставшее на путь капитализма, встречает на своем пути: во-первых, колонизационную политику русского помещика, разрушающую хозяйство и оттесняющую киргиза в горы; во-вторых, борьбу манапа против оседания и за

сохранение кочевого быта и поддержку этого манапа со стороны русской администрации; в третьих, – хотя и в слабой мере – эксплуатацию его хозяйства ростовщиком и скупщиком; в-четвертых – государственный туземно-русский аппарат власти, бравший с киргиза "по всякому поводу, всякого административного исправления обязанностей". Аппарат не только эксплуатирует, но и просто мешает правильному развитию вступающего на путь капитализма киргизского хозяйства; в-пятых – это тоже в слабой мере и только по некоторым районам – чайрикерство.

Хозяйство кочевника, вступившее на путь капитализма, уперлось в своем развитии: во-первых, в русское колониальное господство и, во-вторых, в интересы своего манапства и байства.

Район оседлый: – вставшее на путь капитализма дехканское хозяйство, а за ним и хозяйство чайрикера (подчеркиваю – не чайрикерское хозяйство, а хозяйство чайрикера) встречает на этом пути: во-первых, зажимающую его вплоть до полной остановки всякого технического прогресса торгово-ростовщическую эксплуатацию русско-туземного торгового капитала; во-вторых, государственный аппарат с теми же поборами "по всякому поводу, всякого административного исполнения обязанностей". Этот аппарат, как и в случае с киргизским хозяйством, не только эксплуатирует, но и мешает развитию промышленно-капиталистических отношений, причем чем большая развитость капитализма в этом районе имеет своим результатом, как понятно, и неизмеримо большую остроту этого последнего противоречия; в-третьих – в неизмеримо меньшей мере, чем у киргиз, – конфискацию земель для русских поселений; в-четвертых – чайрикерство, вырастающее из торгово-ростовщической эксплуатации.

Растущее по капиталистическому пути хозяйство – не отвлеченное хозяйство, а именно растущее *в этом* направ-

лении – упирается, как и хозяйство киргиза: во-первых, в русское господство в крае, во-вторых, в интересы своего же туземного бая. Спайка между теми и другими здесь прошла неизмеримо глубже, чем спайка в районах кочевых, сплетение этих двух противоречий в одно здесь, поэтому, неизмеримо теснее, чем то же сплетение у киргиз.

Городское хозяйство: вырастающее в XX-м веке капиталистическое производство в городе упирается: во-первых, в конкуренцию русской промышленности; во-вторых, в тот же аппарат власти. Для городского промышленника поборы по всякому случаю выполнения служебных обязанностей должны были быть особенно тяжелыми, неизмеримо тяжелее, чем, например, для хлопкороба.

Мы не разобрали только совершенно не изученный в литературе вопрос о торгово-ростовщическом капитале в городе и о его эксплуатации городского ремесла. Но русский торговый капитал здесь, надо полагать, не играл никакой роли; следовательно, для разбора колониального вопроса этот момент не играет большого значения.

Итак – где же основное во всех этих перечислениях?

Основное заключается в том, что растущий в городе и в деревне капитализм прежде всего встречал поперек дороги своего развития русское колониальное господство, а за спиной этого господства более (оседлый район) или менее (кочевой район) сросшееся с ним господство своей туземной торговой буржуазии. Это основная линия все более и более нараставших противоречий в крае. Она выражена особенно четко.

Поскольку господствовавший в крае торговый капитализм как система отношений эксплуатации уже не давал простора для развития производственных сил края, постольку противоречие между ростом производительных сил и отношениями эксплуатации было в то же время противоречием между двумя формами капитализма, капитализмом промышленным, растущим в порабощенном

крае, и русско-туземным торговым капитализмом. То же обстоятельство, что господствовавший в крае торговый капитал в основной своей части, доминирующей над всем остальным, был капиталом иноземным, было причиной того, что противоречия между двумя формами капитализма были в то же время противоречием между монополией и колонией. Задачи зревшей в крае революции были, поэтому, задачами буржуазно-демократической национально-освободительной революции.

Но за спиной русского торгового капитала (и его аппарата власти – самодержавия) стоял русский промышленный, а позже финансовый капитал. Русский торговый капитал был *не только* хозяином в крае, он был также и *посредником* между экспвуатируемой колонией и русским промышленным капиталом. В XX-м же веке банки приняли самое непосредственное участие в эксплуатации дехканства. Борьба против самодержавия и торгового капитала, поэтому, должна была непосредственно тянуть за собой и борьбу против русского империализма.

Была, однако, и другая линия противоречий. Это противоречие между русской торговой буржуазией и банками, с одной стороны, и туземным байством и манапством, с другой. Эти последние мечтали о самостоятельности, о больших прибылях в случае этой самостоятельности, их стесняло политическое бесправие и бытовая сторона господства русских (мордобитие, отдание "чести" русским чиновникам, введенное одно время в крае, и штраф за неисполнение этих правил и т.д.), ее интересы угнетались, наконец, отмеченной выше линией борьбы русского правительства с ростом ее экономической мощи. Но спайка, однако, с интересами русского чиновничества и торговых фирм и банков была настолько прочна, что острота этого противоречия совершенно бледнеет перед остротой противоречия первого, идущего, как видели, вовсе не по линии простого дележа добычи, как в данном случае, а по линии

борьбы за новую систему производственных отношений, за развитие капитализма в Средней Азии. Отмеченная же тесная спайка вела к тому, что национально-освободительная революция в Средней Азии с неизбежностью должна была перерасти в борьбу против туземных эксплуататоров, иначе эта революция была бы незаконченной, не расчистила бы до конца путь для развития капитализма.

9. Национально-освободительное движение.

Революционные задачи и позиции борющихся классов.

Итак, перед национально-освободительным движением края стояли следующие три революционные задачи: борьба за разрушение паразитического аппарата управления, борьба против гнетущей торгово-ростовщической эксплуатации и борьба против разрушающей хозяйство края переселенческой политики русского помещика. Все три задачи в своей совокупности составляли одну задачу – задачу освобождения края от колониального господства русской торговой и банковской, а через них, за их плечами, и русской промышленной буржуазии.

Классом, наиболее страдающим от всей этой эксплуатации, было дехканство и скотоводы (казаки и киргизы), наиболее острым противоречием было противоречие между колониальным господством и дехканско-скотоводческой массой Средней Азии. За этим идет противоречие между "городской демократией" (сюда включается мелкая буржуазия и зародыши средней промышленной буржуазии и мелко-буржуазная интеллигенция) и тем же колониальным господством. И, наконец, третье наиболее слабое противоречие – это противоречие между туземной торговой буржуазией и духовенством и русскими господами в крае – торговой и банковской буржуазией.

В этой последовательности мы и рассмотрим борьбу

этих основных классовых групп, а также и взаимоотношения между ними в процессе борьбы. Но вся история национально-освободительного движения в Ср. Азии в изучаемый период делится на две части – движение до восстания 1916 года и это восстание. На такие же две части нам придется разделить и наше изложение.

Дехканское и скотоводческое движение до 1916 года.

Дехканство и скотоводы в XX-м веке только развивают те формы борьбы, какие в зародыше уже были и в конце XIX века. На первом месте здесь стоят разбойные нападения.

Вот статистика нападений, составленная на основании подсчета по "Ведомостям о происшествиях".[1] (См. табл. на стр. 195).

Если изучать итоговые цифры по краю, то мы замечаем интересную закономерность. До 1905 года движение нарастает очень медленно. 1905 год дает толчок – число нападений сразу делает прыжок вверх чуть ли не вдвое (на 83 %) и эта тенденция подъема сохраняется затем до 1908 года. Только с этого года начинаются понижательные колебания. Последние же 3 года дают новый подъем, причем даже далеко не полные сведения за 1917 год дают большой прыжок вверх – на 43 % – по сравнению с 1916 годом. Революция 1905 года и персидская и турецкая революция 1908 года – вот что будило дехканско-скотоводческое движение в Средней Азии. Но самым сильным толчком этому движению было восстание 1916 года и революция 1917 года.

Сравнение граф по областям дает нам возможность обнаружить также и основную причину движения. Мы расположили области в нисходящем порядке по числу нападе-

---

[1] Подсчитывались только открытые нападения группами, причем средний размер нападающих групп колеблется по годам между 4 и 6 человеками.

Годы	Число разбойных нападений по областям					Итого по краю
	Ферганская	Самаркандск.	Закаспийская	Сыр-Дарьинская	Семиреченская	
1899	16	9	Данных	6	19	50
1900	39	8		14	14	75
1901	45	22	нет	10	18	95
1902	51	33		24	13	121
1903	49	37		9	13	108
1904	71	31	7	17	4	130
1905	144	34	18	30	9	235
1906	111	59	24	33	5	232
1907	135	90	41	57	23	346
1908	161	101	77	52	9	400
1909	213	75	31	19	21	359
1910	151	124	27	24	8	334
1911	107	56	42	25	7	237
1912	136	35	59	31	39	300
1913	150	39	66	27	22	304
1914	103	98	64	12	18	295
1915	109	166	69	8	20	372
1916	134	151	79	Данных	18	383
1917	324[1]	47[2]	171[3]	нет	5[4]	547
Итого	2249	1215	775	398	285	4922

ний; получился такой порядок областей, в каком мы их поставили бы, если бы хотели расположить по степени развития хлопководства, роста денежных отношений, роста экспроприации мелкого дехканского хозяйства, словом, степени проникновения русского торгового капитала с его хищнической эксплуатацией. Это показывает, что разбойные нападения были протестом против экспроприации,

---

1 Данные только до половины сентября.

2 Сведения только за январь, август, сентябрь, первую половину октября и первую половину ноября.

3 Данные до половины ноября.

4 Сведения только за январь и февраль.

своеобразной контр-экспроприацией.

Движение принимало широкий народный характер: "Можно хоть всю Ферганскую область пройти густой цепью солдат и нигде не обнаружить ни одной разбойничьей шайки; а между тем разбои, в особенности начиная с 1905 года, происходят чуть не ежедневно. В донесениях уездных начальников обращает на себя внимание факт обычного необнаружения ни главарей шаек, ни остальных участников. *Разбой совершается, и тут же шайка тает, смешиваясь с окружающим населением.* Вскоре происходит другой разбой, и нет никаких оснований полагать, что это та же самая шайка, а совсем наоборот, из последующего задержания участников разбоев оказывается, что разные случаи разбоев не имеют между собой связи".[1]

Так характеризует разбойническое движение Ферганский военный губернатор. Шайки, как видим, просто неотделимы от населения – они же дехкане, они же и разбойники, не организуются даже в постоянно действующие группы.

Впрочем, в местах, где было более удобно (близость к границе), организовались и постоянные шайки, но и здесь они не теряли связи с населением. Примером может служить шайка разбойника Намаза, оперировавшая в Самаркандской обл. 1906 и 1907 годах.

"Намаз в среде бедного населения весьма популярен, за все услуги щедро расплачивается, грабит только богачей, а беднякам очень часто приходит на помощь деньгами, хлебом, семенами на обсеменение полей и проч. Располагая хорошими средствами (конечно, награбленными), он повсюду имеет своих агентов, которые ему дают немедленно знать о каждом движении приставов, казаков и охотничьей команды, причем за каждое важное сообщение, особенно

---

[1] Дело Канцелярии Туркестанск. генер.-губ. № 4, ч.2-я, 1907 г., Отд. 1, ст. 4, лист 512. Курсив мой.

тогда, когда разбойнику угрожала опасность попасть в руки властей, агенты щедро награждаются, чем и подкупаются к дальнейшей добровольной службе".

И главнейшая причина неудач в поимке Намаза заключается в том, что *"население во многих местах поддерживает и укрывает Намаза с его шайкой".*[1]

Намаза, таким образом, поддерживает народ, и Намаз в свою очередь грабит не для себя, а для народа, поддерживает бедноту. Намаз настоящий народный герой, в котором "туземное население видит"... ..."какую-то легендарную личность"...

Этот пример с Намазом вплотную подводит нас к вопросу о том, какому слою крестьянства по преимуществу принадлежала эта форма движения. Намаз помогает бедноте, он выражает ее интересы, он прежде всего герой бедноты.

Но такую же точно характеристику получают и Ферганские разбойники от военного губернатора в цитированном выше документе: "Коренная причина грабежей находится, надо полагать, в связи с ростом безземельного пролетариата". Именно обезземеливание, быстрое разорение дехканской массы под давлением всех форм описанной выше эксплуатации были источниками роста разбойных нападений. Разбойные нападения были по преимуществу движением бедняцким.

И в этой связи очень показателен отмеченный уже прыжок количества нападений в 1917 году. Война, связанная с ней общая разруха, наконец, нормировочные цены на хлопок 1916 года и катастрофическое падение посевной площади хлопка в 1917 году самым беспощадным образом ударили по наиболее маломощной части дехканства. Ответом с его стороны были грабежи.

---

[1] Дело Канц. Турк. генер.-губ. № 38–1907 г. Отд.1, ст.4,лист 2. Курсив мой.

Русский пролетариат Средней Азии, благодаря своим колонизаторским шатаниям, не сумел сразу же стать во главу крестьянского движения, и во главу "разбойников" стало местное байство. Получилось "басмачество".

Но разбойные нападения были не единственной формой движения средне-азиатского дехканства и скотоводов, второй формой движения был террор против администрации и конфликты с нею.

За 1899 год нам известен только один случай столкновения с администрацией, за 1900 год – ни одного. Возьмем, поэтому, эту форму борьбы с 1901 года и дадим цифровые показатели по пятилетиям:

Пятилетия	Число конфликтов с администрацией, покушений на убийства и убийст. администраторов	Число лиц администрации, против которых была направлена борьба.	При этом число лиц администрации:			Число случ., при которых дейст. против администрации были массовыми (толпа более 10 человек)
			Раненых и побитых	Убитых	Оставшихся невредимыми	
1901-1905	17	29	6	10	3	3
1906-1910	40	44	16	18	10	2
1911-1916	30	55	25	10	20	8
	87	118	47	38	33	13

Количественные показатели этой формы борьбы в общем очень не велики, но нужно учитывать их качественное значение 13 случаев массового возмущения против администрации и 38 убитых администраторов – это величина не так уже незначительная как кажется на первый взгляд. Она

прежде всего показывает, что в "Ведомостях о происшествиях"[1] регистровались только самые выдающиеся события.

Если бы этой регистрации были подвергнуты все мелкие конфликты с администрацией, которые не вели ни к побоям, ни к убийствам, то, нет сомнения, мы получили бы гораздо более внушительные цифровые показатели. Эта таблица, таким образом, позволяет нам сделать вывод, что наряду с "разбойными нападениями", которые по своему характеру были протестом против богачей-эксплуататоров, была также и борьба против администрации, причем время от времени эта борьба принимала форму массовых возмущений.

Чтобы лучше себе представить содержание борьбы и ее характер, опишем кратко главнейшие из этих массовых возмущений.

Вот первое, произошло 6 мая 1903 г. в Верном (Алма-Ата). Направлено было против двух русских поручиков – Антонова и Булгарского. Эти офицеры, проезжая по базару, заметили, что "группа туземцев смотрит на них нагло и вызывающе". Офицеры потребовали, чтобы туземцы сняли шапки, и когда некоторые из них все же не исполнили требования, офицеры попытались силой заставить их сделать это. Толпа же в 150 – 200 человек, окружавшая их, возмутилась, напала на них, стащила их с лошадей, сорвала погоны и поколотила.[2]

Следующее, если брать в хронологическом порядке, произошло 15 декабря 1910 года в кишлаке Кундузак Самаркандского уезда. Несколько жителей этого селения ограбили на дороге некоего Тегерман Муратбай Худоярова,

---

[1] Здесь, впрочем, высчитаны нами 6 особенно крупных случаев, которые не вошли почему-то в ведомость о происшествиях. Это говорит также, что и крупные случаи не всегда регистрировались.

[2] Дело канц. Турк. генер.-губ., №15 – 1903 г., Отд. 1, ст. 4,лист 28.

надо полагать, богатого человека этого района. Волостной приехал в кишлак, чтобы арестовать грабителей. При попытке арестовать жителя кишлака Кундузак Аббаз-Ходжу, этот последний выстрелил в управителя. Ответным выстрелом со стороны управителя Аббаз-Ходжа был убит. Тогда "собравшийся на эти выстрелы народ стал угрожать волостному управителю и бывшим с ним старшине и джигиту, причем последние двое были избиты, а у старшины, кроме того, было отобрано 850 руб. казенных денег, ввиду чего потерпевшие принуждены были скрыться в мечети и просидели там до прибытия помощника уездного начальника подполковника Голова, с прибытием которого народ разбежался".[1]

Таким образом, старшина и управитель здесь потерпели от жителей, защищавших своих "разбойников".

Третий, по порядку, случай имел место в Ходженском уезде. Там произошла драка из-за невесты между жителями Кишлака Верхний Кули-Кутан, с одной стороны, и Нижний Кули-Кутан – с другой. Первые, толпой в 200 человек, напали на вторых и разграбили имущество нескольких жителей этого кишлака. При этом "прибывшие на место происшествия для разбора дела Ура-Тюбинский участковый пристав поручик Обухов с лицами сельской администрации были встречены толпой камнями и выстрелами, причем толпа нападавших с криками: "Лови пристава!" бросилась на представителей власти. Отстреливаясь, пристав направился по дороге к разграбленному селению и, после 25 ответных выстрелов, заставил толпу прекратить преследование и отступить, оставив одного убитого". Возмущение было ликвидировано только с приездом помощника уездного начальника, который совместно с приставом арестовал 26 человек.[2]

---

1 Дело канцел. Турк.генер.-губ., №76–1910 г., отд.1, ст. 4, лист 9.
2 Дело канц. Турк.генер-губ., № 69 – 1910 г., Отд. 1, ст. 4, лист 1.

Из дела не видно, кто были по социальному положению те "жители", хозяйства которых были разграблены, но надо полагать, что гнев целого кишлака они навлекли на себя не только в "брачном споре". Возможно, что мы здесь имеем расправу с местными баями-ростовщиками.

Четвертый случай носит характер аграрного беспорядка. Произошел 18 января 1913 года. Волновались киргизы Букинской волости Ташкентского уезда. "Недоразумение возникло на почве продажи сартам земельных участков крестьянам Кудинову и Спиридонову; на участки эти предъявляли свои права киргизы Букинской волости и намеревались побить сартов". Прибывший на место пристав капитан Тамыковский, "увидя толпу киргиз до 100 человек, предложил им бросить имевшиеся в руках их палки, что и было исполнено, а затем, когда волостной управитель стал увещевать толпу, раздался крик со стороны киргиз: "Бей!", и толпа накинулась на управителя и бывших с ним стражника, писаря и кап. Тамыковского. Пристав, видя намерение некоторых киргиз нанести ему удары, слез с лошади с целью зарядить ружье для самозащиты. Тогда несколько киргиз отбили у него лошадь и его обезоружили, так что приставу пришлось итти пешком и только через некоторое время стражнику удалось привести ему его лошадь".[1]

Пятый случай характерен тем, что он представляет собой протест против произвольных поборов администрации. Он произошел в кишлаке Самарчук Аблыкской волости Ташкентского уезда в январе 1914 г. Брожение, приведшее к беспорядкам, было вызвано изъятием оружия и взысканием старшиной кишлака 500 руб. податей, на которые еще не было раскладки. Чаша же была переполнена, когда в "уразу"[2] сначала старшина, а потом волостной управи-

---

[1] Дело канц. Турк. генер.-губ., № 23 1913 г., Отд. 1, ст. 4, лист 1.
[2] Мусульманский праздник.

тель совместно с урядником потребовали для урядника "100 рублей праздничных денег". Требование было предъявлено толпе в мечети. Толпа отказала. Тогда урядник и управитель попытались прибегнуть к оружию. Это и вызвало "буйство" толпы, поколотившей как урядника, так и волостного со старшиною.

Впрочем, так рассказывается в показаниях свидетелей. В официальной же докладной записке говорится, что возмущение произошло вследствие объявления перед "уразой" раскладки податей. Характер возмущения, однако, от принятия даже этой второй версии не меняется: и в первом и во втором случае возмущение остается возмущением против поборов.

Очень интересно также отметить, что эта волость, оказывается, вообще была "на плохом счету" у местной власти. О ней в докладной записке о беспорядках говорится: "Жители в Аблыкской волости привыкли прибегать к самосуду. Там были уже два случая убийства, они в доме волостного управителя убили местного жителя Асру, который мошенническими проделками обирал население, а затем убили находившегося под арестом, при канцелярии волостного управителя, Нишана Перемкулова, поранившего нескольких человек, без особой на то причины". Выходит, волость умела не только расправляться со своей администрацией, но и со своими ростовщиками.[1]

Пожалуй, нет больше нужды удлинять этот список возмущений, ибо их характер уже ясен и на приведенных примерах. Они показывают, что столкновения с администрацией вытекают, в конце концов, из сложного переплета противоречий: тут и протест против глупого требования "чести", тут и прямая борьба против поборов, тут и нападения на администрацию, при защите ею интересов эксплуататоров против "разбойного" движения.

---

[1] Дело канц. Турк. генер.-губ., № 5 – 1914 г., отд 1, ст. 4.

В заключение необходимо только обратить внимание на то, что из 13 массовых выступлений, насчитанных нами за изучаемый период, 8 выступлений падают на последнее пятилетие. Это было предвестником наступающего восстания 1916 года. Таким же показателем нарастания движения может служить и рост по пятилетиям числа администраторов, против которых была направлена борьба.

Отмечено уже, что "Ведомости о происшествиях" дают сведения только о самых выдающихся случаях террора и столкновений с администрацией. Но нет, конечно, никакого сомнения, что эти столкновения в повседневной жизни, в менее заметной, не так бьющей в глаза форме, проявлялись на каждом шагу. Подтверждением этому могут служить следующие данные официальной статистики о "преступлениях против порядка управления", по которым были заведены дела у мировых судей. (См. таб.).

ГОДЫ	Ферганская область	Самаркандская обл.	Сыр-Дарьинская обл.	Закаспийск. область
1900	17	120	–	
1901	–	180	–	–
1902	–	128	–	625
1904	82	135	–	364
1905	–	66	–	225
1906	130	86	255	–
1907	68	117	–	–
1908	–	208	601	–
1909	71	347	924	–
1910	–	379	1367	–
1911	208	–	1571	1141
1912	–	–	52	–
1913	316	–	2766	–

Эти цифры тоже не очень полны: по некоторым годам "обзоры" вообще не вышли, по некоторым же в них нет соответствующих цифр. Однако, и то, что есть, позволяет сделать заключение, что если бы всякий протест против влас-

тей регистрировался, то он бы дал не только большие абсолютные величины, но и показал бы тенденцию нарастания этого движения к революции 1917 года. Здесь мы видим это нарастание по всем областям без исключения.

Остается теперь только для полноты характеристики дехканско-скотоводческого движения показать, что у скотоводов, кроме того, была налицо еще такая форма движения, как борьба против русской колонизации.

Вот некоторое количество фактов движения такого рода.

В марте 1906 года было волнение в ауле № 2 Бадамской волости Чимкентского уезда по случаю изъятия (уже в третий раз в этом ауле) орошенных земель для русских поселенцев. Волнение возглавляли судьи Кокая Кокиев и Досали Досмуратов.

На тое (пирушке), устроенном этими судьями в горах, жители аула сговорились, чтобы прогнать из аула русских, когда те придут отымать землю. Вожди волнения обещали своим сородичам достать для этого даже винтовки и пушки. Ничего этого, конечно, не оказалось, было приготовлено только 100 палок.

Все движение закончилось тем, что 17 марта, когда пристав приехал в аул отводить землю, толпа киргиз окружила его и пришедших с ним крестьян, наградила несколькими ударами почетного киргиза из аула № 3 и стащила волостного управителя.

Земля все же переселенцам была отведена, хотя и не в этот день, а немного позже.[1]

Заведывающий Пишпекским переселенческим районом сообщал в июне 1907 года, что в его районе "16 июня сего года толпа киргиз Сарыбагишской волости под предводительством Боянке Контуганова – "правой руки" Шабдана Джантаева и Эстебеса Джантаева – брата Шабдана,

---

[1] Дело канц. Турк. генер.-губ., №41, за 1906 г.

явилась к юрте топографа Ивашкевича, работавшего в этой волости, принудила его прекратить работы и удалиться, угрожая разобрать юрту, разогнать рабочих и взять лошадей, и затем не позволила послать за волостным управителем, угрожая посланному смертью".[1]

В то же время Заведывающий Нарынским районом сообщал, что пример Сарыбагишской волости отразился волнениями и в его районе. Киргизы пока что ограничивались только пассивным сопротивлением, однако, заявляли, "что они не дадут свою землю для заселения русскими, хотя пусть их расстреляют".

"Противу переселенческое настроение", добавляет он дальше, "быстро растет и крепнет. Теперь моим служащим многие киргизы говорят, что скоро представителей переселенческого управления всех выгонят из степи".[2]

В 1908 году сообщалось о ряде враждебных действий киргиз урочища Плоский Курган, Ходженского уезда против самовольно вселившихся туда переселенцев.[3]

В 1910 году писалось из Перовского уезда, что там "порядки пошли не только невозможные, а прямо таки противозаконные"... ..*Нанять* лошадей нельзя, а только *отобрать* у кого-нибудь".

Этим пользовались, правда, волостная и аульская администрация, забирая плату за этих отобранных лошадей в свою пользу, но факт остается фактом – киргизы дружно бойкотировали русское переселенческое начальство.

Из Аулиатинского уезда в то же время сообщали о систематическом саботаже работ переселенческих чиновников волостной и аульной администрацией.[4] То же самое повторилось в Перовском уезде, причем здесь, что чрезвычайно характерно, как иллюстрация к тому, что уже говори-

---

[1] Дело Упр. землед. и госуд. имущ. Турк. Края № 43 – 1907 года, лист 121.

[2] Там же – лист 108.

[3] Дело Управл. перес. делом С.-Д. района № 65 – 1908 г.

[4] Дело Управл. перес. д. С.-Д. района № 187 – 1910 г.

лось выше о спайке русского чиновника, туземного байства и манапства, этот саботаж поддерживала и русская администрация.[1] В Фергане в этом же году случилось даже вооруженное столкновение киргиз и переселенцев, причем были кровавые жертвы; со стороны киргиз – 4 убитых и 3 раненых.[2] В 1912 году опять поступили сообщения о саботаже работ переселенческих чиновников туземной администрацией в Аулиатинском уезде.

И, наконец, в 1916 году (уже осенью) нам известен один факт о настоящей забастовке, направленной против русского товарищества "Айвадж", захватившего обработанную землю у бухарцев (кишлак Айвадж Кабардинского бекства). Этот факт относится, правда, к Бухаре, о которой мы вообще в нашем очерке говорили очень мало, но он настолько интересен, что обойти его никак нельзя. Интересно то, как ответили бухарцы на этот захват.

"Особых выступлений со стороны населения не было, кроме посылки депутации в Бухару, *более же определенно и показательно выразилось отношение населения к концессионерам в том, что за последнее время, когда спор из-за земли наиболее обострился – концессионеры не в состоянии получить должного количества рабочих из среды местных жителей для копки, тогда как вначале работ на концессии, т.е. год тому назад, в рабочих замечался избыток*"[3]

Это забастовка в собственном смысле этого слова.

Все эти разрозненные факты, конечно, не дают полной картины того движения против колонизации, которое имело место за весь период до восстания 1916 года, но они все же дают полное право сказать, что движение это имело место через весь изучаемый период, хотя и не охватывало,

---

[1] Дело Упр. Пер. делом в С.-Д. районе № 79 – 1911 г.
[2] Д. канц. Турк. ген.-губ. № 30 – 1907 – 1911 г.
[3] Дело канцелярии Туркестанского генерал-губернатора № 23 – 1916 г. лист 39. Рапорт чиновника Леонтьева на имя Туркестанского генерал-губернатора. Курсив мой.

конечно, всей киргизской массы.

Что же касается характера самого движения, то здесь же необходимо отметить, что в этом движении участвовала не только киргизская масса, мы здесь встречаем также судей (случай с Баламской волостью Чимкентского уезда), богатых манапов (пример с Шабданом в Семиречье) и волостных управителей (систематический саботаж этими управителями работы русских переселенческих организаций). Все приведенные только что факты иллюстрируют уже сказанное выше, что в борьбе против переселенческой политики было заинтересовано также и манапство с байством, оно и являлось сплошь и рядом застрельщиком этого движения.

На этом характеристику дехканско-скотоводческого движения до восстания 1916 года можно закончить. Мы обошли целый ряд форм проявления борьбы против колониального господства – например, многократные попытки произвести крушение поездов, борьба против помещения портретов царя в школах и против чтения в мечетях молитвы за царя, забастовка Сыр-Дарьинских казак-киргизов, подвозивших саксаул к железной дороге, беспорядки во время выборов администрации и т.д. и т.д., – но нам кажется, что и изложенных фактов совершенно достаточно, чтобы получить более или менее ясное представление о характере и размерах движения. Все приведенные факты в общем свидетельствуют, что, как трудно было отделить эксплуатацию дехкан и скотоводов русскими от эксплуатации их туземным байством и манапством, также трудно отделить и борьбу дехканства против русских от борьбы против своего байства. Одно тесно переплетается с другим. Уже здесь, на этом этапе, были заложены элементы перерастания борьбы против русского господства в борьбу против туземных эксплуататоров.

Недаром Сыр-Дарьинское обдастное управление уже в 1909 г. констатировало следующее явление:

"За истекшие полвека положение ишанов в обществе заметно изменилось. Народ прежде с суеверным страхом относившийся к представителям ишанского сословия, иначе уже осмеливается судить выдающихся представителей дервишизма, выделяя между ними, как исключение, бессеребренников и действительных подвижников; зато стяжатели и притворно-благочестивые последователи суфийского учения подвергаются осуждению. Можно с уверенностью сказать, что за это время в значительной мере ослабел среди туземцев их религиозный фанатизм, в смысле нетерпимости к представителям чужой народности, к инородцам. Сами ишаны не всегда обладают нравственными качествами, необходимыми для религиозного руководства сартов, и население это отметило.[1]

Эта совершенно заметная щель между духовенством и народной массой, с одной стороны, и ослабление "нетерпимости к представителям чужой народности" – с другой, было ничем иным, как отражение заметной передвижки линии борьбы от борьбы против всех русских к борьбе против всех эксплуататоров, независимо от их национальности.

В общем же, если сопоставить все движение дехканства и скотоводов со вскрытыми выше революционными задачами, то мы увидим, что оно всеми своими частями укладывается в рамки борьбы за решние этих задач – здесь и борьба против торгово-ростовщической эксплуатации, здесь и борьба против аппарата власти, здесь и борьба против русской колонизации.

Джадиды.

Параллельно же с крестьянским движением в деревне появилось и развивалось движение мелкой и средней промышленной буржуазии в городе – мы имеем в виду так называемое джадидское (новаторское) движение – левое крыло Туркестанского панисламизма.

---

[1] Дело Сыр-Дарьинского Области. Правл. № 10 – 1909 г., ист. рев. секция. фонд 20, д. № 38, лист 26.

Первым показателем того, что это было действительно движение указанных классовых группировок, будет состав джадидских организаций.

Нам известны по делам охранного отделения только две более или менее оформившиеся джадидские организации (Бухару мы исключаем) – первая: "Молодая партия", существовавшая и работавшая в Коканде, имевшая в своем составе в 1912 году около 50 человек, и вторая – прогрессивный "гяб" или "машраб", существовавший примерно в это же время в старом Ташкенте под руководством Мунавара-Кары, братьев Ходжаевых, Мулла-Абдулла-Аулямова, Сарымсакова и друг.[1]

О 25 человеках первой организации как раз имеются сведения об их социальном положении. Вот эти сведения: 7 человек, которые назывались охранкой "наиболее выдающимися членами", очевидно, руководители организации, имели в своем составе: 3 торговцев, из них один бывший учитель, 1 арендатор кирпичного завода, 3 торговых служащих (2 доверенных и 1 приказчик) и 1 сын торговца хлопком.

18 же "рядовых" членов организации, о которых есть данные, по социальному составу делятся так: 1 учитель, 9 приказчиков и торговых служащих, 3 торговца, 1 содержатель столовой, 1 подрядчик, 1 портной, 1 военнослужащий (музыкант) и 1 владелец хлебопекарни.

Этот состав чрезвычайно показателен. Прежде всего обращает на себя внимание, что подавляющее большинство организации принадлежит к интеллигенции – учителя, торговые служащие и музыкант. К ним же примыкает такая буржуазия, как подрядчик, владелец хлебопекарни, содержатель столовой, арендатор кирпичного завода. Дальше

---

[1] "Гяб" у узбеков это просто вечерние пирушки или беседы, устраиваемые обыкновенно по пятницам по очереди у членов определенного круга лиц. В данном случае джадиды просто использовали "гяб" для своей организации и работы.

идут торговцы, но очень характерно, что ни один из тех 3 торговцев, о которых есть сведения, чем они торгуют, не замешан в торговле хлопком: один торгует граммофонами, один туземной обувью и один хлебом. Состав, таким образом, совершенно определенно подтверждает тезис, что джадиды были представителями мелкой и средней промышленной буржуазии и мелкобуржуазной интеллигенции.

Что же касается крупной торговой буржуазии, связанной с торговлей хлопком, то нет никаких оснований полагать, что она тоже примыкала целиком к джадидам, но поддержку им она иногда оказывала. Об этой же кокандской "молодой партии" Туркестанское охранное отделение сообщает, что ей "большую поддержку оказывают..." ..."Кокандский купец Абидулла Газин – богатый человек и левого направления и торговец Садык Тазиев"[1]

Стоит теперь вопрос о программных требованиях джадидов, подтверждается ли наш тезис содержанием этой программы?

У джадидов не было программы в собственном смысле этого слова. Нам придется, поэтому, осветить этот вопрос на основании довольно-таки отрывачных данных.

Охранное отделение по этому поводу дает следующее очень интересное сравнение:

"Панисламисты распадаются на две фракции, часто враждующие между собой, одна из них, более многочисленная и состоящая из лиц влиятельных, занимающих в обществе более или менее влиятельное положение – учителя, муллы, адвокаты, купцы – и своим политическим воззрением мало отличаются от конституционно-демократической партии, – другая же фракция, крайне малочисленная (младо-татары) и состоящая, главным образом, из молодежи (конторщики, приказчики и частью учителя), придер-

---

1 Дело Турк. охр. отд. № 1168 – 1912 г., ст. 12, лист 113.

живаются программы и тактики социалистов-революционеров".[1]

Нет сомнения, что в этом сравнении "младо-татар" (т.е. джадидов) с соц.-рев. было довольно много правды. Если не у всех, то во всяком случае у части джадидов было стремление решительным революционным взрывом ликвидировать русское господство. Подтверждением этому служит также одна прокламация вождя джадидов Абду-Вахит-Кариева, относящаяся к 1908 году, в которой все мусульмане призываются к оружию, к поголовному восстанию "против проклятых русских".[2]

Но с другой стороны о той же кокандской "молодой партии", которая была основной организацией джадидов на территории Туркестанского генерал-губернаторства, то же охранное отделение сообщает: "внутреннее освещение деятельности "молодой партии" обеспечено вполне, причем *никаких указаний на преступный характер этой деятельности не имеется*".[3]

Очевидно, при революционных настроениях у некоторой части джадидов, все же их практическая деятельность сводилась только к простому культурничеству, к строительству новометодных школ. Отсюда, в конце концов, и вытекала основная часть требований, которую легально формулировала газета "Вакт" – культурная автономия, развитие своей школы, своего языка и т.д.

Если мы спросим себя, во имя чего же нужна была и эта автономия вместе со всем джадидским культурничеством, и революционное изгнание из края русских, если даже говорить о нем, то на это, пожалуй, лучше всего ответить формулировкой одного из бывших джадидов: ..."пропаганда джадидизма ориентировалась на развитие и процве-

---

[1] Дело Турк. охр. отд. 1468 – 1913 г. ф. 12, лист 174.

[2] Дело канц. Турк. генер. губ. № 116 – 1908 г., истор. рев. секция фонд 11, д. № 202, лист 149.

[3] Дело Турк. охр. отд. № 1168, по фонду 12, лист 116. Курсив мой.

тание демократии и капитализма по западным образцам..."[1]

Итак – культурничество и строительство новой школы, а для некоторой части – революционное свержение русского господства, – и все это во имя "демократии и капитализма по западным образцам" – вот основные стержни программных требований джадидов.

Совершенно понятно теперь, что джадидизм, как и движение дехканское, отражал назревшую потребность расчистить пути для растущего в крае промышленного капитализма. Джадиды – партия средне-азиатского города – отражали интересы мелкой и средней городской промышленной буржуазии.

Толчок для появления и развития джадидизма дала революция 1905 года. Так как основная их деятельность заключалась в строительстве новометодных школ, то и широту их движения лучше всего измерить количеством открытых ими школ. Вот сведения Туркестанских властей о новометодных школах, собранные нами по архивным данным.

Место, где были открыты школы	Количество открытых школ	Год, к которому относятся данные
Ташкент (гор.)	12	1912
Туркестан (гор.)	2	1912
Семиреченская обл.	17	1912
Кокандский уезд	13	1913
Андижанский уезд	3	1912
Перовский уезд	1	1912
Самарканд (гор.)	2	1911
Бухара (гор.)	5	1911
Итого	57	—

[1] Файзулла Ходжаев "К истории революции в Бухаре". Ташкент, 1926 г., стр. 13.

Таким образом, джадидам по краю примерно к 1912 году, т.е. за 7 лет работы, удалось развернуть около 60 новодметодных школ. Это успехи чрезвычайно незначительные, свидетельствующие скорее не о силе, а о слабости движения.

Панисламизм и пантюркизм.

Итак – джадиды это левые панисламисты, стоявшие за капитализм и по этой линии вступавшие в борьбу не только с русскими, но и со своими соплеменниками – правым крылом панисламизма. Посмотрим теперь, что же представляло из себя это правое крыло?

Уже приведенная выше цитата о двух фракциях панисламизма свидетельствует, что "правое крыло" состояло "из лиц влиятельных, занимающих в обществе более или менее видное положение". Эта же характеристика подтверждается и детальным изучением состава панисламистских организаций.

Нами составлен список лиц, около 170 человек, которые так или иначе, в бывших в наших руках документах за 1911, 12 и 13 г.г. расценивались охранным отделением, как панисламисты или причастные к панисламизму. Среди этого списка юказалось 44 человека, о которых известно их социальное положение. Соответствующий подсчет дал следующие результаты: торговцев 7, духовных лиц 3, знати бухарской 6, служилой интеллигенции 3, комиссионеров 2, казиев 4, почетных и влиятельных лиц 4, зякетчи (сборщик податей) 1, туземной администрации 2, золотых дел мастер 1, коммерческих агентов эмира 1, мусульманских ученых 1, просто богачей 6, чайханщиков 1, коммерсантов по хлопку 1, учитель 1.

Эти данные, конечно, не отражают собою достаточно точно подлинный состав панисламистов, ибо выборка, которую нам пришлось сделать, все же чисто случайна. Но и этого, однако, совершенно достаточно, чтобы видеть, как и чем отличается социальный состав правого крыла панисла-

мистов от левого – джадидов. Если среди джадидов преобладает мелко-буржуазная интеллигенция, то здесь решительное преобладание остается за богатыми людьми, знатью, духовенством и туземной администрацией. Служилый люд и интеллигенция здесь единицами теряется среди массы.

С другой стороны, очень интересно, что в панисламизме были замешаны самые высшие должностные лица Бухарского ханства вроде кази-коляна (верховный судья); куш-беги (главный министр); зякетчи (главный сборщик податей); Чарджуйский бек со своим куш-беги и т.д. Даже самому эмиру охранным отделением ставилось в вину "пожертвование в 1901 году 100 тысяч рублей" (к ним кушбеги и наследник прибавили еще 100 тысяч) "на постройку Хеджазской железной дороги до Мекки и Медины", что, якобы, "было сделано с несомненными целями поддержания и процветания ислама всего мира". А кроме того эмир обвинялся также в сношениях с вождем панисламизма знаменитым крымским татарином Измаил-беком Гаспринским.[1] О Гузарском же беке князе Сеид-Акрам-Хане, родном дяде эмира, охранка даже свидетельствует, что он стоял во главе антирусского движения, как впрочем и во главе движения антидинастического.[2]

Таким образом, для нас совершенно ясно, что панисламизм мы должны расценивать как движение знати, духовенства и крупной торговой буржуазии. И это подтверждается также и географией распространения панисламистской пропаганды. По тем же данным, по которым составлен список панисламистов, нами составлена также и следующая таблица: (См. табл. на стр. 215).

Если для джадидов главным центром был Коканд, т.е. район наибольшего развития капитализма, то для пан-

---

[1] Истор. рев. секц., фонд 11, дело № 202, лист 136-137.
[2] Дело Турк. охран. отд. по фонду 12 № 1468 – 1913 г., лист 188.

ГОРОД	Число случаев регистрации панисламистск. деятельности за 1911, 12 и 13 г.г.	Число зарегистрированных участников этой деятельности
Бухара	20	40
Мерв	14	37
Ташкент	11	20
Самарканд	10	25
Асхабад	5	12
Андижан	3	5
Тэрмез	3	5
Чарджуй	2	3
Чимкент	1	8
Тэджэн	1	5
Сарай	1	5
Шахризябс	1	2
Бек-Буди (Карши)	1	1
Байрам-Али	1	1
Иолатань	1	1
Наманган	1	1
ош	1	1
Ходжент	1	1
Джизак	1	1
Итого	79	174

исламистов главным центром была Бухара – город наибольшего сосредоточения знати, духовенства и мусульманских ученых. И Бухара не только по количеству участников стояла на первом месте. Она была также руководящим центром. Вел движение наиболее аристократический город из всех городов Средней Азии.

С другой стороны, приводимая таблица дает также представление о размахе этого движения. Оно, как видим, развернулось значительно шире, чем движение джадидское, оно охватило почти все более или менее крупные города Средней Азии, тогда как джадиды в сущности имели ка-

кое-то подобие организации только в Бухаре, Ташкенте и Коканде.

Теперь о программных требованиях панисламистов.

"Строго определенной программы и тактики панисламисты не выработали. Ближайшая задача их — сплочение всех сознательных мусульман для политической борьбы с ныне существующим в империи государственным строем, который является в глазах панисламистов главной препоной к национальному самоопределению магометан".[1]

В этом отрывке из официального доклада совершенно верно схвачено основное в панисламизме: объединение всех мусульман и борьба против России, мешавшей этому — это стержневой мотив во всех программных высказываниях панисламизма. "Хвала богу, который приказал нам соединиться воедино. О братья, знайте, что всех нас соединяет наша вера ислам. Это единение нам приказывает сам коран" — так несложно пропагандирует этот мотив панисламизма его вождь Абдурашид Ибрагимов.[2]

Среди них существовали только разногласия по вопросу о том, какая мусульманская держава должна стать во главу объединяющихся мусульман. Одно течение — пантюркисты считали, что главой всех мусульман должна стать Турция, другие возлагали надежды на Афганистан.

Средством для достижения цели панисламисты выдвигали газават. По сведениям охранного отделения они даже, якобы, имели свою военную организацию так называемых меджихидов (обреченные), которые и должны были начать эту войну.[3]

---

[1] Дело Турк. охр. отд. по фонду 12 № 468 – 1913 г., лист 174.

[2] Официальный перевод статьи журнала "Сират-Мустагим" № 119, от 1 декабря 1910 г. стр. 1.

[3] Охранка приводит фантастические цифры о величине этой организации. Никакие факты, однако, не обнаруживают ее деятельности. Это заставляет полагать, что она, возможно, и совсем не существовала, а если и существовала, то размер ее должен был быть чрезвычайно незначительным.

Но во имя чего же, спрашивается, нужно было и объединение мусульман и свержение русских, какой классовый интерес заставлял знать, духовенство и торговую буржуазию подымать это знамя?

Вопрос о торговой буржуазии после всего того, что сказано выше о "щели" между ею и русской торговой буржуазией, как нам кажется, здесь уже не требует своего дополнительного объяснения, что же касается знати, почетных людей, казиев, духовенства – словом всех тех слоев, которые являлись в Средней Азии хранителями "старых устоев", то причину их недовольства можно видеть из следующего:

"Не следует забывать, что мы внесли в среду среднеазиатских народностей также и массу отрицательных сторон европейской культуры; пивные, рестораны, опиокурильни, публичные дома и проч. заведения расплодились не только в городах, но и в каждом мало-мальски большом городском селении. Туземная молодежь хлынула на эти приманки душевного и телесного разврата и к ужасу и горю стариков прославляет себя неслыханными нарушениями корана и законных вековых традиций Востока о благопристойности и воспитанности. *Появились грабители, убийцы, явные развратники и хулиганы среди туземной молодежи; с поразительной быстротой исчезает вера в бога, уважение к старшим и почет к властям.* Если подобный упадок нравственности будет продолжаться и впредь, то трудно даже представить, во что обратятся последующие поколения туземцев. *Теперешние старики, муллы, казии и старшины, с прискорбием взирая на такой упадок нравов, винят во всем русских,*[1] и, вероятно, в сердцах многих из

[1] "Многие туземцы вслух высказывают это, а один самаркандец в поданном им прошении в январе этого года, прямо обмолвился такой фразой: "правду говорят наши муллы, что нам не ждать от вас, русских, добра". Явление, во всяком случае, знаменательное". Примечание автора документа.

них, как у Мадали, Минь-Тюбинского ишана, в 1898 году, не раз зарождались тайные желания так или иначе свергнуть иго "неверных урусов". Эту сторону туземной жизни также необходимо учитывать, ибо через нее может произойти вспышка серьезного народного неудовольствия, глубокого по своим последствиям потому, что народ будет уверен в правоте своего дела".[1]

Эта цитата взята нами из записки генерал-губернатора, направленной военному министру в 1908 году. Все это "сокрушение старых устоев" шло под давлением роста капитализма. Все феодальные элементы – знать, духовенство, частично казии, да и торговая буржуазия, поскольку это касалось и ее, относились к этой разрушительной работе капитализма с большим страхом. И недаром генерал-губернатор вспоминает тут же Мин-Тюбинского ишана. Он, как помним, тоже выступил против русских по тем же мотивам. он был, можно сказать, одним из основоположников серднеазиатского панисламизма.

Таким образом, если торговая буржуазия боролась во имя отвоевания себе у русских большого простора, то все феодальные элементы края протестовали прежде всего против роста капитализма, подрывавшего их положение. Само собой разумеется, что этим не снимается и общий русский гнет, как причина недовольства тех же элементов.

В этой связи чрезвычайно характерна и отмеченная уже выше борьба панисламистов против джадидизма. Они ненавидели джадидов за их новаторство, за то, что они, "стремясь к просвещению", "критически относятся к некоторым, по их мнению, устаревшим требованиям шариата, от исполнения правил в некоторых случаях отступают, носят европейский костюм, бреют бороду, отпускают волосы на голове и т.п."[2]

[1] Дело канц. Турк. ген.-губ. № 116 – 1908 г. Лист 146. Истор.-рев. секция, фонд 11, № 202.

[2] Дело Турк. охр. отд. по ф. 12 № 1168, лист 115.

Джадидов и панисламистов соединяла общая борьба против русских и разделяло то, что первые были прогрессистами, вели борьбу за промышленный капитализм, вторые были консерваторами, вели борьбу с русскими во имя сохранения и закрепления остатков феодализма.

Несмотря, однако, на широкую распространенность панисламизма и панисламистских идей в Средней Азии, царское правительство не считало это движение для себя опасным. Причиной этому было то, что панисламисты больше говорили, чем делали, и, несмотря на свой грозный лозунг "газават" больше обращались к аллаху, чем к массам. Иным, конечно, движение представленных панисламизмом классовых групп и быть не могло.

Восстание 1916 г.

Таким образом, общий фон, при котором наступило восстание 1916 года, сводится к следующему: мы имели рост крестьянского движения, выразившийся в разбойных нападениях и конфликтах с администрацией, а для киргиз казакской степи также и в борьбе против колонизации мы имели, во-вторых, очень слабое джадидское движение, которое концентрировалось в городе, и деятельность которого сводилась к простому культурничеству, мы имели, в-третьих, панисламизм, который, хотя и выдвинул лозугн "газават", но вопроса о вовлечении в движение народной массы так и не поставил. Эта обстановка наложила глубокий отпечаток на весь характер, ход и исход описываемого восстания.

Возникло оно тогда, когда все три описанные выше противоречия особенно обострились.

Колонизация уже в начале войны продвинулась настолько далеко, что "для киргиз остались лишь самые вершины гор, где пастбища для скота не пригодны в летнее время" (выражение одного из прошений киргиз на имя генерал-губернатора)[1] – словом, были изъяты такие коли-

[1] Дело Сыр-Дарьинского областного правл. № 10 – 1912 г., лист 56, ист.-рев. секция, фонд XX, № 58.

чества земель, что дальнейшее существование и развитие хозяйства кочевников оказались уже невозможными. Война, правда, значительно ослабила напор колонизации, но положение в степи было уже настолько напряженным, что и те незначительные изъятия земель, которые имели место в 1915 и 1916 годах, при обострении к тому же других противоречий, способны были вызвать взрыв.

Основное обострение, однако, пошло по линии двух других противоречий – аппарат и торгово-ростовщическая эксплуатация.

Мы имеем большое количество фактов, собранных тов. Е.Федоровым в его работе "Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии" о том, как общий произвол и взяточничество в годы войны достигли небывалых размеров. Брали не только вообще, как брали раньше, брали также сверх того по случаю войны – это сбор пожертвований на войну и целый ряд других чисто "военных" поборов. Вот характерная страничка из этой работы:

"В русских владениях благотворительные суммы собирались с населения, как таковые, а не под видом новых налогов. Точно также собирались и пожертвования продуктами".

"В делах канцелярии генера-губернатора есть ряд прошений жителей (например, Самарканда, Ферганы), которые заявляют, что старшие и участковые аксакалы, собирая деньги, как и продукты и одежду, передают далеко не все – иногда от 1/3 до 1/4 собранного, а иногда лишь 1/10" (стр. 51)...

"На содержание беженцев население должно было доставлять продукты за плату. Старший аксакал, платя населению лишь половину стоимости, получал прибыли приблизительно более 10.000 рублей в месяц. Назначенные над беженцами участковые пристава, благодаря этому, имели дохода от 50 до 500 рублей в месяц...

"При поисках запасов сахара в магазинах брали взятки от 200 до 10.000 рублей с каждого торговца...

"Аксакалы под видом сбора жалованья (500 рублей в год) собирали до 2000 рублей. На чистку головных арыков выставлялось только 25 процентов затребованного арык-аксакалом количества рабочих – за остальных брали деньгами в свой карман...

"При мобилизации лошадей брали взятки...

"За разрешение ночного базара в "Уразу" с каждого чайханщика или содержателя столовой брали до 3.000 рублей. Доход по 500 рублей с каждого бачи также частично шел в пользу администрации (д. 51/1916 г.)...

"В Пржевальском уезде все плантации опия, говорит охранное отделение, были обложены в пользу чиновников уездного управления особым налогом в размере 5 рублей с десятины"... (стр. 53). И т.д.

"Аппаратная" проблема, как видим, обострилась до невозможности. Обострилось до последнего предела то противоречие между хищнической эксплуатацией и произволом со стороны аппарата власти, с одной стороны, и ростом производительных сил края, с другой, о котором достаточно уже говорилось выше. Последней окончательно переполнившей чашу каплей была та вакханалия взяточничества, которая развилась уже в связи с объявлением знаменитой "реквизиции" туземного населения на тыловые работы.

Широкое развитие этого взяточничества и прямого вымогательства, именно при выполнении нарядов на тыловые работы, обратило на себя особое внимание генерал-губернатора при ознакомлении его во время его поездки с положением дел по наряду на работы в областях Самаркандской, Ферганской и Сыр-Дарьинской.

"В отданном генерал-губернатором Куропаткиным по этому поводу приказе по краю от 19 сентября отмечается целый ряд возмутительных случаев вымогательств, дохо-

дивших до арестов отдельных туземцев, не желающих подносить требуемую сумму, которой можно откупаться от нарядов".[1]

Керенский рассказывал в государственной думе, что он сам видел 60-летнего старика "на самом деле по списку оказалось 30 лет потому, что он не мог заплатить 300 рублей", и в то же время мальчишке в 25 – 30 лет оказалось 50, потому что он богатый человек".[2]

То же самое подтверждает и другой член государственной думы Джафаров:

"Отсутствие метрик, по которым можно было определенно установить возраст призываемых, давало местной власти полный простор действий. Представители последней воспользовались этим случаем не только для сведения личных счетов, но, главным образом, и для пополнения своего кармана".

Злоупотребляли, конечно, и сильно наживались на "реквизиции" не только туземные власти, ибо "они были агентами в руках той русской администрации, которая и раньше в тесном союзе и именно через этих агентов обогащалась, вымогая и эксплуатируя население". (Керенский).

Власти русские наживались и злоупотребляли гораздо больше, чем их агенты – туземная администрация – брали куши посолиднее: к этому обязывало положение. В иных местах была установлена даже такса за освобождение. Тот же Джафаров для одного случая называет такую таксу в 500 – 1000 рублей.

Словом, чаша переполнилась окончательно...

Переполнилась она также и по линии торгово-ростовщической эксплуатации. В 1915 и 16 годах мы имеем те

---

[1] Дело канц. Турк. ген.-губернатора № 13 – 1916 г., лист 101. Доклад помощника главного военного прокурора Игнатовича от 31 декабря 1916 г.

[2] Там же лист 277.

самые нормировочные цены, о которых выше в иной связи однажды уже упоминалось. Как отразилось это на хозяйстве хлопкороба, будет видно из следующих документальных свидетельств.

В прошении на имя великого князя Николая Константиновича выборные от 117 арендаторов его имения "Золотая орда" (Голодная степь) писали:

"Мы находим эту цену (7 р. 80 к. за пуд сырца П.Г.) несправедливой, не соответствующей положению рынка и не имеющей под собой оснований соответствующих дороговизне производств".

И основной мотив их исходит именно от этой дороговизны производства:

"Если мы продадим свой урожай первого сорта по 7 р. 80 к., а другие сорта соответственно ниже, то *не только не получим заслуженной платы за труды, за риск капиталом, проценты на него и возможность прокормиться до нового урожая, но получим недобор затрат и принуждены будем прокормить часть капитала, лишив себя возможности сделать на будущий год посевы в размерах нынешнего сезона на недостатком средств*. Такая нормировка отбивает охоту сеять хлопок и, по всей вероятности, на будущий сезон сеять хлопок мы не будем, а перейдем на другие растения, не требующие большой затраты и труда, тем более к тому есть основательная причина: присутствие саранчи во всей Глодной степи, которая и ныне многих разорила".[1]

Издержки производства, как видим, стояли гораздо выше, чем та цена, которую изволил предлагать русский торговый капитал в качестве нормированной цены. Хлопкоробам эта цена сулила растрату основного капитала, сокращение вследствие этого производства. И, конечно, все это "отбивает охоту сеять хлопок".

---

[1] Дело Управл. Земл. и Гос. Имущ. в Турк. крае № 21 ч. 1-ая – 1916 г. лист 188. Курсив мой.

Бесчисленные жалобы именно такого рода поступали со всех концов края. Для примера процитируем еще прошение от жителей Джалял-Абадской волости Андижанского уезда. Они указывают, что установленные цены "являются слишком низкими и ошибочными, ибо, сравнивая цены прошлого года с ценами текущего года, разница получается колоссальная и можно заранее придти к заключению, что *диканы не только не оправдают свои расходы по обработке своих хлопковых полей, но и должны будут в такое тяжелое время очутиться в критическом материальном положении*".[1]

Сказано достаточно мягко, но констатированное здесь тяжелое положение для дехкан было достаточно жестко не только в силу несправедливых цен, но и в силу плохого в этот год урожая.

При установке цен, по выражению ферганского губернатора, "вопрос был решен при участии только одной стороны, именно: представителей фирм и банков, хлопкоробам же предоставлена одна страдальная сторона"...[2] Эксплуататорские интересы торговых фирм и банков, наконец, окончательно зажали хлопковое производство. Ждали, как помним, возможности монопольно устанавливать свои цены на хлопок, а когда дождались и когда действительно установили, то у хлопковода уже не оказалось никакого другого выхода, как свертывать или даже совершенно бросать хлопковое хозяйство.

Так в своем логическом развитии противоречия между интересами колониальной эксплуатации края, с одной стороны, и интересами развития вступившего на путь капитализма дехканского хозяйства края, с другой, дошли до того последнего рубежа, за которым начинается либо неизбежное и окончательное разрушение дехканского хозяйст-

---

1 Там же лист 158. Курсив мой.
2 Дело Упр. зем. и гос. имущ. в Турк. крае № 2 – 1915 г., лист 76.

ва, либо революция, свергающая колониальное господство русских и открывающая простор для дальнейшего развития этого хозяйства.

Восстание 1916 года, как видим, наступало на самом высоком гребне напряжения противоречий между интересами развития хозяйства края и интересами колониальной эксплуатации, как по линии эксплуатации "аппаратной", так и по линии эксплуатации торгово-ростовщической. Достаточно остро стоял и вопрос об изъятии земель для поселенцев.

Но несмотря на эту очевидную для нас сейчас зрелость противоречий, их остроту, русские власти расценивали положение накануне восстания совершенно иначе. "В начале июня сего года настроение населения Туркестанского края был совершенно спокойно", так суммирует итог агентурных сведений за это время охранное отделение. Если русские власти чего и опасались, то это только движения в верхах, следили за панисламистами. "Среди туземного населения края агентурой отмечались единичные случаи выражения неудовольствия русской властью и сочуствия своим единоверцам туркам и даже денежные сборы туземцев в пользу Турции".[1]

Почему же, спрашивается, замечая панисламизм, власти не замечали крестьянского движения? Ответ на этот вопрос получить очень легко, если проследить, чем собственно интересовалась охранка, когда она собирала сведения о настроении населения. Она, оказывается, спрашивала: во-первых, вспоминают ли туземцы Кокандское ханство и мечтают ли о возврате к нему и, во-вторых, обостряется или ослабляется национальная "нетерпимость" к русским. Словом, над охранкой довлело то представление о нац.-осв. движении в Средней Азии, которое могло сложиться только на основе наблюдения за движением конца XIX века.

---

[1] Дело Турк. охр. отд. по фонду 12, № 1468, л. 222.

Властям казалось, что и всегда движение должно будет итти под теми же знаменами, какие подняты были тогда – назад к Кокандскому ханству и газават; режь, мол, неверных.

Но крестьянское движение уже и в конце XIX века имело тенденцию итти по иному пути. По иному пути пошло оно и в XX-м веке. Разбойные нападения и террор против администрации, причем террор, главным образом, против администрации туземной, ближе стоявшей к дехканству – обе эти формы борьбы властями просто не принимались в расчет, это не была, по мнению властей, борьба национально-освободительная.

В те рамки, в которых мыслилась властями эта борьба, укладывалось только движение панисламистское и джадидское, но и то, и другое было очень слабо, значит, в общем бояться взрыва не приходилось. А чтобы обезопасить себя даже от незначительной неприятности со стороны панисламистов, власти приняли с этой стороны соответствующие меры. Вместо моболизации была введена "раскладка" и разрешено в то же время посылать за себя других. Зажиточные, таким образом, фактически получили возможность откупиться от набора деньгами.

Но расчет оказался неверным. Хотелось исключить последнюю опасность, а между тем направленными к этому мерами несказанно обострили остроту положения там, где лежала подлинная, но незамеченная опасность – описанные уже поборы во время "реквизиции" получили такой колоссальный размах, именно, благодаря "раскладке". Восстание началось с неожиданного для всех (не только для русских властей, но и для джадидов и панисламистов) конца – восстало крестьянство.

Куда был направлен удар восставших, будет видно из следующей таблицы:

Области	Убито повстанцами человек:		Русских переселенцев, казаков и мещан
	Туземной администрации	Русской администрации	
Семиречье	2	14	2094
Сыр-Дарьинская обл.	7	3	45
Самаркандская обл.	12	3	83
Ферганская обл.	34	1	–
Закаспийская обл.	–	3	нет данных
Всего	55	24	2222[1]

Русские переселенцы, русская и туземная администрация – вот те ближайшие враги, по которым ударили повстанцы. И в этих трех колонках цифр, как в зеркале, отражаются также и те тенденции в крестьянском движении, которые были намечены уже выше. Столбцы о жертвах туземной и русской администрации свидетельствуют, что в наиболее передовом районе по расслоению туземного населения (Фергана) дехкане били прежде всего по своей администрации и только потом, во вторую очередь, по русским чиновникам. В отсталых же районах (Семиречье) обнаруживается совершенно обратное явление: здесь страдает русская администрация и почти нетронутой остается администрация туземная. Движение же против русских переселенцев наиболее ярко выразилось там, где наиболее остро стоял вопрос об изъятии земель под поселки – в Семиречье.

Конечно, то обстоятельство, что в общей сумме жертв туземной администрации в 2 1/2 раза больше, чем жертв администрации русской, не позволяет нам сказать, что глав-

[1] Таблица составлена по данным, собранным из разных дел архива, причем так как у русской администрации имелись тенденции давать преуменьшенные сведения о размахе движения, то в тех случаях, когда данные разных источников расходились, были взяты цифры максимальные.

ный удар в общем итоге был ударом против своих эксплуататоров. Русские были дальше, до них добраться было труднее; дехканство било, поэтому, по своим единоверцам, по ближайшему непосредственному носителю зла. Но с другой стороны, та дифференциация между районами, которая намечается таблицей, все же чрезвычайно показательна и подводит нас еще к одному очень важному вопросу – к вопросу о руководстве восстанием со стороны туземных господствующих классов.

Мы сейчас с полной определенностью можем сказать, что ни джадиды, ни панисламисты, как организации, в руководстве движением положительно никакого участия не принимали. Оно их просто отпугнуло. Но не можем мы также сказать, что те классовые группировки, которые представлялись этими организациями, в борьбе не участвовали. Они безусловно участвовали и участвовали во многих случаях в руководящей роли. Но что обнаружилось на форме и характере этого участия?

Участие джадидской мелко-буржуазной интеллигенции в движении особенно ярко сказалось в Фергане, при беспорядках в Андижане. Там учащаяся молодежь была в толпе, которая "грозила перерезать всех должностных лиц и бросала камнями и палками в казаков". Разрозненные факты о такого рода неорганизованном участии этой социальной прослойки имеются и по другим местам.

Иным по характеру было участие духовенства, знати и торговой буржуазии, т.е. слоев панисламистских. Они принимали участие в борьбе тем в большей степени, чем меньше крестьянское движение обрушивалось на туземных администраторов, но это участие не всегда было только стихийным: во многих случаях они организовали борьбу.

Нет фактов, которые бы указывали, что эти социальные группы принимали участие в Андижанском и Кокандском восстаниях, в тех многочисленных, но коротких вспышках, кончавшихся почти всегда кровавыми драма-

ми, которые имели место в этих передовых по своему хозяйственному развитию уездах. Но уже в Джизакском восстании, а затем и в Закаспийской области, как и в Аму-Дарьинском отделе это участие чувствуется совершенно определенно. Особенно же ярко оно выражается в Семиречье. Там туземная знать – манапы – не только участвуют, но и руководят движением.

Рассслоение в среде туземного населения и вытекающий отсюда удар восставшего дехканства не только по русским, но и по своим эксплуататорам – вот причина, выключившая в передовых районах туземные эксплуататорские классы из числа движущих сил революции 1916 года в Средней Азии. Туземные господствующие классы в этих районах, если еще и не стали по ту сторону баррикад, то во всяком случае остались нейтральными, и этим самым лишили себя руководящей роли.

В то же время революционное движение русского пролетариата в Средней Азии было не настолько зрелым, чтобы тотчас же взять руководство над этим оставленным туземными господствующими классами крестьянством. С его стороны, насколько нам известно, даже не было сколько-либо значительных попыток сделать это. Отсюда чрезвычайно интересное явление во всей географии восстания: чем более передовым по своему социальному значению было движение, тем более оно было изолированным, тем более стихийным и тем менее организованным, а отсюда и тем менее упорным. Возьмите Фергану и проследите происходившие там вспышки – их продолжительность 1 1/2 – 2 часа; стихийно набрасывается толпа на волостного управителя или другого какого администратора, а через 1 1/2 – 2 часа толпа уже разошлась. Возьмите, с другой стороны, Семиречье, стоявшее на противоположном полюсе; там: "в действиях киргизских шаек замечалась некоторая организованность: часть их имела особые значки – знамена; у некоторых бунтовщиков на шапках были надеты однооб-

разные металлические бляхи; применялась сигнализация для передачи сведений о движении наших отрядов; в городах были устроены мастерские для изготовления пороха и выделки холодного оружия".[1]

Это же обстоятельство вскрывается и на продолжительности восстания в разных районах: если в Фергане оно началось 8 июля и кончилось уже 18 июля, т.е. продолжалось только 10 дней, то в Семиречье оно началось 24 июля и кончилось только в сентябре, т.е. продолжалось ровно два месяца. По длительности борьбы с Семиречьем соперничает только Закаспийская область – там первые вспышки начались 15 августа, и движение продолжалось до конца декабря. Но характер борьбы, ввиду особого географического положения Туркмении, был там очень своеобразен, а в общем борьба все же не носила такого острого характера, какой она носила в Семиречье или в Фергане.

Остальные вспышки по своей продолжительности, организованности и напряженности занимают промежуточное положение: Джизакское восстание началось 13 июля и кончилось 1 августа, Аму-Дарьинское восстание вспыхнуло 24 июля и, не получив распространения на весь отдел, тут же прекратилось и т.д.

Итак, восстание 1916 года было восстанием дехканства и скотоводов, по своему характеру продолжением той же борьбы, какая велась ими в менее острой и широкой форме и до этого.[2] Ни русский пролетариат, ни панисламисты и джадиды, как организации, не выступали в качестве руководящей силы в этом движении. Оно в общем шло

---

[1] Рапорт Турк. генер-губернатора о восстании. Полит. секция, фонд XI, д. № 530, стр. 3.

[2] Я не описываю подробно самый ход восстания 1916 года, ибо читатель легко найдет это описание в имеющихся по этому вопросу работах. Лучшее, что можно в данном случае порекомендовать, это статья товарища А.Шестакова "Восстание в Средней Азии в 1916 г." "Историк марксист" № 2, 1926 г.

стихийно и руководилось туземными эксплуататорскими классами там и постольку, где и поскольку оно еще не имело элементов борьбы против этих последних, или они были выражены очень слабо.

Заключение главы.

Общий же итог всего сказанного в этой главе сводится к следующему: основной, определяющей струей движения за это время являлось движение дехканской и скотоводческой массы. Существовавшие наряду с ним движение городской мелкой и средней промышленной буржуазии и движение знати, духовенства и крупной торговой буржуазии никогда не достигали ни таких размеров, ни такой остроты, как движение дехканское. В силу же того, что дехкане и скотоводы, борясь против русского господства, били в то же время и по эксплуататорам единоверцам, между этими последними и дехканством, особенно к концу периода, наметилась крупная щель. Она была особенно значительна в районах хозяйственно передовых и еле наметилась в районах отсталых.

В то же время и русско-туземный пролетариат еще не сомкнулся в своей революционной борьбе с движением дехканским, что изолировало дехкан там, где они выступали особенно решительно.

X. Общее заключение.

Нам нечего в настоящем заключении обобщать еще раз уже сказанное в обоих частях нашей работы, ибо каждая глава работы уже была снабжена соответствующим заключением. Мы используем, поэтому, наши последние строки для того, чтобы сказать несколько слов по двум неизбежно вытекающим из всего сказанного вопросам, но тем не менее вопросам, затронутым в наших очерках очень мало. Это будет, во-первых, вопрос о характере революции 1917 года, и, во-вторых, вопрос о смычке дехканско-ско-

товодческой массы с русским пролетариатом. Совершенно ясно, однако, что постановка этих двух вопросов будет в то же время и выводом из нашей работы, ибо вся работа была написана именно под этим углом зрения.

Если революция в крае была направлена на освобождение края от господства русских эксплуататорских классов, то не может быть, конечно, никакого сомнения, что это была революция национально-освободительная, или, что все равно, – колониальная.

Но ведь всякая революция, будь она колониальная или какая бы то ни было другая, делается классами. Тот, кто признает это бесспорное марксистское положение, тот обязан при изучении какой бы то ни было революции подвергать анализу классовую структуру данного изучаемого общества, тот обязан далее в объяснении позиции отдельных классов в этой революции исходить из объективного (по положению в производстве) отношения этих классов к конкретным стоящим перед революцией задачам.

Мы старались, поэтому, в нашей работе очертить, во-первых, стоявшие перед революцией в крае задачи, мы старались далее, во-вторых, наметить отношение к этим задачам действовавших в революции классов.

Мы пришли, как помним, к заключению, что свержение русского господства в крае должно было быть и было в то же время решением следующих трех революционных задач: разрушение паразитического аппарата власти в крае, разрушение аппарата торгово-ростовщической эксплуатации сельского хозяйства края и прекращение конфискации земель для русских поселений. Решение всех этих трех задач было в то же время борьбой за развитие производительных сил края, ибо именно эти (перечисленные) три элемента эксплуатации края русскими были теми железными путами, которые сковывали это развитие.

Но борьба за развитие производительных сил края была в то же время борьбой за развитие капитализма, ибо

какой же иной способ производства мог придти на смену в стране, где господствовал торговой капитализм и крепостничество? Революция в крае должна была быть (и была), поэтому, революцией буржуазно-демократической.

Если бы мы хотели теперь дать полную формулировку характера революции в крае, то мы бы сказали: это была национально-освободительная буржуазно-демократическая революция.

Но буржуазно-демократическая революция не бывает без буржуазной демократии. Мы нашли в крае и эту самую буржуазную демократию. Она складывается из городских ремесленников и городской мелкой и средней буржуазии и дехканско-скотоводческой массы.

Эта демократия и была главной, основной и, скажу даже, для изучаемого периода почти единственной среди туземного населения движущей силой национально-освободительной революции в крае. "Почти" сказано потому, что, во-первых, мы имеем в виду еще 21 тысячу пролетариата, разбросанного по краю, по разным предприятиям, среди которого 77 % было туземцев, и что, во-вторых, нельзя исключить из числа движущих сил революции и туземные господствующие классы, поскольку и у них имелись противоречия с господствовавшим в крае русским торговым капиталом.

Буржуазная демократия, таким образом, была, в этом нет никакого сомнения; должна была быть, следовательно, и буржуазная идеология этой самой буржуазной демократии. Эту идеологию мы находим в виде идеологии туркестанского джадидизма.

Итак, зревшая в Средней Азии революция была буржуазной и национально-освободительной революцией. Главной армией в среде туземного населения, долженствовавшей сделать эту революцию, была дехканско-скотоводческая масса и примыкавшие к ней городские ремесленники и городская мелкая буржуазия.

Теперь стоит вопрос о возможных путях развития революции.

Поскольку "все попытки мелкой буржуазии, вообще, крестьян, в частности, осознать свою силу, по своему направить экономику и политику кончались крахом" (Ленин), постольку эта армия для победоносного завершения революции должна была найти себе союзника-руководителя из других общественных классов.

И для туземной дехканско-скотоводческой массы было два возможных союзника и руководителя в революции: русско-туземный пролетариат и туземные господствующие классы. Наличие же двух, а не одного, возможных союзников сулило и революции два возможных пути ее развития. Путь первый – это путь под руководством туземных господствующих классов, путь, который не мог привести к законченной буржуазно-демократической национально-освободительной революции, ибо на известном этапе он уперся бы в классовые интересы своего руководителя. Путь второй – путь революции под руководством пролетариата. Путь, который неизбежно вел к перерастанию революции национально-освободительной в революцию против туземного торгового капитала, остатков знати и духовенства.

Революция 1917 года пошла по этому второму пути, несмотря на то, что история революционной борьбы в крае до революции далеко не закончила его подготовку. Незаконченность этой подготовки получила свое отражение в колонизаторском периоде революции в Средней Азии, периоде, в который русский пролетариат в Средней Азии, не поняв своей задачи, своей колонизаторской политикой фактически играл на руку туземным господствующим классам, боровшимся за первый путь революции.

И если смычка русского пролетариата и туземного крестьянства, несмотря на колонизаторский период, все же победила, то это объясняется только глубокой заинтересованностью этих двух классов, именно в этом втором пути и

помощью всесоюзного пролетариата, при первых возможностях помогшего своему средне-азиатскому отряду выпрямить его неправильную политическую линию.

Если идеологи туркестанской буржуазной демократии – джадиды, в конце концов, в своей наиболее революционной части влились в коммунистическую партию, то это есть отражение этого факта подчинения средне-азиатской буржуазной демократии пролетарскому руководству.

Если Средней Азии сейчас обеспечен "некапиталистический путь развития", то это вытекает из того, что революция пошла не по первому, а по второму пути, и что она совершилась одновременно с пролетарской революцией в России.

ОГЛАВЛЕНИЕ

P.G.Galuzo .5
Предисловие 9

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Колониальные приобретения царской России в Средней Азии во второй половине XIX века.

1. Завоевание края .11
2. Экономическое подчинение края России во второй половине XIX века. . .24
3. Государственный аппарат .45
4. Национально-освободительное движение в XIX веке .59
5. Заключение I части. .70

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Колониальные владения царской России в Средней Азии в начале XX века.

1. Аппарат власти в крае в XX веке. .76
2. Промышленность края . .99

3. Хлопковое хозяйство. . . . 110
4. Кочевой район 122
5. Торговля. 145
6. Колонизация края 149
7. Оросительное предпринимательство
кануна войны и революции 161
8. Промышленный капитализм и чайрикерство
в земледельческом и скотоводческом хозяйстве края и капитализм в городе 172
9. Национально-освободительное движение 193
10. Общее заключение . 231

